

Артуро Перес-Реверте

МЫС ТРАФАЛЬГАР

Перевод с испанского

М. Я. ЛУРЬЕ

Рига 2013

Редакция 02.09.2014

СОДЕРЖАНИЕ

1. Яхта " Incertain "

2. "Antilla

3. Бак

4. Пушечное мясо

5. Под синим флагом

6. Под белым флагом

7. Сигнал номер 5

8. Первая батарея

9. Палуба юта

10. Капитанский мостик

11. Знамя

Эпилог

1. Яхта "Incertain"

Если бы капитан-лейтенант Императорского военно-морского флота Франции Луис Келенез мог только предугадать, что станет героем исторических романов, то вряд ли на рассвете 21 октября 1805 года его первыми словами были бы:

— Тысяча чертей! Сукины дети!

Из-за сильного волнения моря мокрая палуба „Incertain” ходила ходуном под его ногами в тридцати милях на юго-востоке от Кадиза. Эта яхта была вооружена всего шестнадцатью пушками, и это во время мореплавания давало ей дополнительные преимущества. Англичане называют такой тип парусников куттером, или мясником. Но они и сами в своих делах отменные мясники. Поэтому назовем эту посудину яхтой. Возвращаясь к пушкам, которыми было вооружено судно Келенеза, уточним, что четыре пушки были сняты с него для того, чтобы „Incertain” мог развивать еще большую скорость. Но все равно судно едва тащилось сквозь туман, который покрывал каплями влаги такелаж и края парусов. Яхта качалась с борта на борт, скрипя „крик-крок”, будто её позолоченный такелаж

исполнял гимн. Легкий бриз с трудом наполнял паруса, которые свисали на леерах словно грязное белье, да трепетал поднятый на бизань-мачте флаг португальского купца. Поднять ложный флаг — это нормально, ведь в море все играют не по правилам и врут, как прохвосты.

— Тысяча чертей! — по-французски то и дело повторял капитан.

Едва ли его кто-то понимал. Рулевой и штурман, стоящие у него за спиной, держали в руках судовой журнал, не произнося ни слова. Помощник штурмана тоже находился рядом, но не участвовал в разговоре по той причине, что, будучи испанцем, совсем не знал французского. Как можно было понять, его звали Маноло, он был низкого роста с загорелым лицом и черными бровями. К тому же, он был родом из Конил де ла Фронтера, провинции Кадиза. За это его и взяли на борт, даже не спросив его мнения. Взяли за его лицо. Ведь Мануэль Коррэхуэвос Санчес слыл опытным рыбаком, контрабандистом и отцом семейства. Это типично для живущих на склонах Пириней. Всякий раз, когда Маноло

Коррэхуэвос слышал одно из многих своих имен, он будто ощущал пинок.

— Маноло, быстро сюда!

Ни штурман, ни рулевой не понимали, к кому со своими проклятиями обращался капитан. Кэффер предполагал, что капитан адресуется им тому, по чьей воле они в этот час оказались в самом центре этого утреннего тумана. Рулевой, который в годы Первой республики был якобинцем и в их рядах выделялся своим революционным усердием, склонялся к мысли, что капитан обращается к тем канцелярским крысам, которые засели в кабинетах морского министерства в Париже, к этим затаенным монархистам, которые знают о море лишь то, что по нему плавают корабли и гуляют волны, да к адмиралу Вильнев с его грандиозными планами с участием дурацких эскадр, в которых „Incertain” играл лишь роль разведчика и пешки. А, быть может, капитан недобрым словом вспоминал о союзниках испанцев, этих морских аристократах (он полагал, что и гильотина была изобретена в Испании), обидчивых и высокомерных, которые с изысканной учтивостью уступают всем

дорогу, а потом пропадают неделями, таскаясь по всем портовым шлюхам.

— Чертов туман, — сказал по-французски рулевой, чтобы привлечь внимание капитана.

— Прикрой клювик, *mon garson*, — приказал ему помощник капитана.

Несмотря на свое ярое якобинство, рулевому пришлось засунуть язык себе в зад. Одно дело — сбрасывать в Бресте за борт связанных офицеров во времена Первой республики, и совсем другое — взять верх во времена Империи над такими крепкими орешками, как Кэффер и Келенез. Помощник штурмана, испанец, не понял этой полицейской колкости, но угадал смысл диалога и потер свою бровь. Если бы на борту испанского корабля кто-нибудь осмелился без спроса обратиться к капитану, его запросто сбросили бы за борт где-нибудь в районе кубинской Гаваны. И это так же точно, как то, что пассаты накрывают Азорские острова. Просто швырнули бы через правый борт корабля.

На самом деле капитан думал об английской эскадре. Его послали в море, чтобы разыскать её.

— Иди, найди её, парень, и вернись, чтобы рассказать нам.

И яхта провела всю ночь, передвигаясь зигзагами, борт — вверх, борт — вниз, не встречаясь с кораблями, хотя иногда вдали были различимы огни. Келенез с уважением думал об этих козлах (англичанах) из вероломного Альбиона, которые гуляют рядом как призраки в тумане. По крайней мере, вчера показался флаг судна „Acbille”, и наверняка были замечены не менее восемнадцати вражеских кораблей на юго-востоке от Кадиза. Можно подвести итоги: взгляд брошен, сосчитаны паруса и мачты, и можно поторопиться, положив судно на борт, поднять все паруса прежде, чем в них вцепятся охотники: фрегаты и корветы британской эскадры и направят свои орудийные залпы им в след, или, что еще хуже, спустят флаг яхты, и она закончит тем, что сгниет на каком-нибудь понтоне на Темзе, подсчитывая водяных клопов. Опознав и раскрыв противника по силуэту, нужно следовать теперь согласно морскому Уставу, ведь в море каждый действует на свой страх и риск.

— Это кажется какой-то бессмыслицей, мой капитан!

Келенез расслышал крик марсового, который повторил Кэффер. А затем и гардемарин Голопин, столкнувшийся с капитаном, который в этот момент облачался в скользкую от влаги накидку, накинув её на себя одним махом. Келенез, не сходя с места и не вмешиваясь в разговор, слушал, как Кэффер расспрашивал своего помощника испанца о загадочном плавании в тумане, с недоверием покрутил головой, выражая досаду от услышанного, после чего сплюнул за подветренный борт черным табаком. Запах табака смешался с ароматом кукурузного рома, распространявшимся из рта штурмана. Судно продвигалось вперед, а Келенез тем временем вслушивался в окружавшую их тишину, звуки вращающейся помпы и скрипы грот-мачты усугубляли его беспокойство. Что это? Страх? Испуг? Черт подери, неужто платой за службу будет оплеуха из тридцати шести орудий и мортир? Если английская эскадра, оседлав волну, выстроится парадом среди тумана бугшпритами в ряд во всем своем великолепии, под всеми знаменами, вымпелами, гирляндами и флагами Британии в

сопровождении гимна „Hearts of Oak”, то даже мышь не проскочит сквозь этот строй. Но вдруг страх встречи с эскадрой сменился смехом, когда он представил, как союзники с вытянувшимися лицами под предводительством адмирала Вильнев, этого надменного пса и сноба, без лишних слов сдают свои шпаги англичанам. Рассеялся и страх, что вместо того, чтобы, получив продвижение по службе, стать командиром линейного корабля, о котором мечтает каждый морской офицер, как о хорошеньких детках, удаче и тепленьком местечке, он проведет остаток своих дней, неся службу на этой ничтожной яхте с шестнадцатью орудиями.

Теперь в голове капитана были лишь мысли о предстоящем сражении. Пройдя рядом с заряжающими при орудиях, выставленными из бойниц в полной боевой готовности, он убедился, что фитили уже дымятся, а ядра протерты, смазаны, и все подготовлено к запаливанию. В целях облегчения разведки, чтобы под килем „Incertain” было даже не шесть футов, а дважды по шесть, Келенез оставил в Кадизе шестьдесят восемь членов команды, включая нескольких артиллеристов, одного сержанта, шестнадцать стрелков, а также четверых

сифилитиков и больного гонореей, которые числились в списке личного состава. И хотя он предпочел бы иметь в деле всех, даже сифилитиков и больного гонореей, но сейчас чем легче судно, тем выше его скорость. Резвее, как говорят в Гибралтаре. И в случае беды можно было бы, не вступая в бой, драпать так, что только пыль бы столбом стояла. Подняв все паруса, смыться, будто оса укусила в зад.

Некоторые стрелки, расположившиеся по правому борту, составляли группу наблюдающих за завесой тумана, один из них, вцепившись в ванты, взобрался на наружную обшивку судна и, выполняя приказ старшего боцмана Тете де Морта, спустился даже ниже ватерлинии, пока весь не оказался в воде. Несмотря на насмешки других матросов, называвших его идиотом, кретином и прочими ругательствами, произнося их со свойственным французам смягченным акцентом, держа рот слегка приоткрытым и округленным, смельчак продолжал путь. Ругательства этого сброда с упоминанием той „матери” оживили и грубых испанских унтер-офицеров, которые называли его тупицей и угрожали, что оторвут ему яйца и сделают себе из них брелоки для ключей, если он сейчас же не

уберется оттуда. Наконец матрос поднялся на палубу. А в это время Келенез добрался до носовой части судна, где впередсмотрящий сидел верхом на бугшприте.

— Думаю, я что-то вижу, мой капитан.

— Что конкретно?

Взявшись за поручни, Келенез внимательно разглядывал зеленую завесу, которую рассекал нос „Incertain”. И ничего. Ни силуэт, ни шум не мешали форштевеню под их ногами плавно рассекать воду. Густой туман немного рассеялся в направлении галса. Посвежел ветер, и парусина кливера все меньше напоминала тряпку.”Incertain” лег на правый борт и выпустил огромную бизань. Уже на фокке закрепили верхний марсель и приготовились стремительно распустить его, чтобы испариться, не оставив за собой даже запаха. Келенез потер нос и поднял взгляд на марс, виднеющийся в шестидесяти ярдах над его головой и с трудом различимый в тумане. Каждый в этой окружавшей их мгле понимал, как важно не обнаружить себя. По этой причине капитан, не осмеливаясь кричать второму марсовому, находящемуся наверху, послал на

бакштаги гардемарина Галопина, которому исполнилось всего пятнадцать лет, и он взбирался на ванты как обезьяна.

Мгновение спустя Галопин уже соскользнул по лееру фока вниз и сообщил, что сверху все видится еще хуже, чем в заднице у негра. Хотя после революции порядки на французском флоте стали более либеральными, в следующий момент Келенез сурово упрекнул юнгу за развязный язык, который рано или поздно принесет тому проблемы, если он проживет достаточно долго, после чего у него в голове возникли другие волнующие его мысли. Где-то между „Incertain” и сушей находится совместная французско-испанская эскадра из тридцати трех линейных кораблей, пяти фрегатов и двух бригов, ожидающая возвращения яхты со сведениями, и сравнение ситуации с задницей негра не так далеко от истины. Вновь его стало тревожить, что маневрируют они среди английского флота, находясь в ловушке и не находя нигде выхода.

— Сукины дети, — повторил Келенез сквозь зубы.

— Это не наша вина, мой капитан, — возразил впередсмотрящий с бугшприта, полагая, что сейчас его роль исключительно велика, — В этом тумане не видно ничего подлинного.

— С тобой не разговаривают, Берхуан. Гляди вперед.

Наблюдатель замолк, бурча себе что-то под нос. Келенез, которому для управления своими людьми не нужен был морской Устав, оставил его тихо ворчащим про себя. Бриз продолжал свежить, подтверждая, что видимость улучшается. Это не было суеверием, но капитан немного посвистывал, чтобы оживить ветер. Фью-фью-фью. Берхуан искоса наблюдал за ним, но Келенез не придавал этому никакого значения. Более смешным было бы поскрести деревянный бакштаг, как это делают англичане, которые, прежде чем взять любой риф на парусе, призывают Всевышнего и молятся всем своим святым. А Келенез всего-то и делал, что посвистывал „фью-фью“, верно считая, что этим он помогает поднять парусину, чем выполняет свой долг перед Родиной.

— Поднимается ветер, мой капитан.

Это верно. Бриз становился все свежее, и его направление установилось на румб от северо-востока, да и движение тумана стало заметным по вымпелу на носовой части судна. Вот уже паруса, сброшенные со шкивов, окрасились в присущий им цвет, напряглись шкоты, и продвижение шхуны вперед сделалось заметнее и напористее.

— Тут что-то не так, — продолжал настаивать наблюдавший за курсом судна Берхуан.

Келенез прищурил веки, пристально всматриваясь в туман и внимательно прислушиваясь. Временами он озирался, искоса наблюдая за моряком, который безуспешно продолжал вглядываться в зеленую мглу. Берхуан не случайно находился там. Он был лучшим впередсмотрящим на борту. У него, как говорится, имелось шестое чувство для такой работы. Однажды, при возвращении из Канады, в нескольких сотнях миль от мыса Фаравей он обнаружил среди мглы айсберг, плывший на расстоянии двух кабельтовых. Не будучи болтливым он всего то и сказал: „льдина“, и пока глыба, качаясь из стороны в сторону, проплывала вдоль борта корабля, а „Incertain“ только

слегка коснулся ледяного чудовища, у всех остановилось сердце. Берхуан учуял ее одному ему известным способом, и теперь Келенез хотел, чтобы он таким же образом учуял англичан.

— Vuala, — по-французски сказал впередсмотрящий.

Продолжающий свеженький бриз поднял туман выше, и среди просветлений, которые открыли зеленую завесь тумана, начали различаться блеклые золотистые огни. Это было обширное и очень низкое облако, которое как-бы светилось сверху, находясь при этом в сплошном тумане. В следующий момент, пока судно продолжало двигаться вперед тем же галсом, по правому борту открылся пейзаж: белая часть облака, разделившись на части, предстала в виде десятков трапеций и квадратов разного размера, которые невидимое все еще солнце подсвечивало с обратной стороны. Вновь поднявшийся ветер на глазах Келенеза разделил странное облако уже не на десятки, а на сотни трапеций и треугольников, которые на самом деле были не чем иным, как парусами. Крик марсового, на глазах которого нижняя темная часть облака вдруг превратилась в

бесчисленное количество корабельных корпусов, окаймленных желтыми и красными полосами, представляющих собой эскадру двух- и трехпалубных линейных кораблей, продвигающихся сквозь ветер под всеми парусами, прикрытую с флангов фрегатами, словно сторожевыми псами, охраняющими подвергшуюся опасности отару овец, прозвучал сверху, предупреждая об опасности и опережая промерзшего и неспособного произнести хоть слово впередсмотрящего.

— Сукины дети, — в который раз выругался Келенез, когда к нему вернулся дар речи. Да так и застыл с широко раскрытыми глазами. Никогда в своей жизни он не видел сразу такое количество столь огромных кораблей, и это продолжалось равно столько, пока в какой-то момент с борта ближнего к ним фрегата не мелькнула вспышка, и после небольшой паузы прозвучал треск от взрыва. Но в этот раз ядро, выпущенное пушкой, пролетело над „Incertain” со звуком «ра-а-а» и потерялось за кормой, где небо все еще было затянуто тучами.

— Считай их, Берхуан!... Сменить галс!... Всем разворачивать судно!

И вот уже Келенез, стараясь не бежать, направился на корму, выкрикивая приказы, и пока матросы усердствовали над брасами, марсовые уже взбирались по выбленкам, артиллеристы, набравшись смелости, уже были рядом со своими орудиями, и лишь лейтенант де Монтей, второй по званию офицер на борту, явил всем свое сонное лицо, придя в замешательство от боя барабанов.

— Приготовиться распустить фок-марсель!
Сменить галс!

Вторая вспышка на фрегате, и затем уже идущий следом за ним огромный корабль, находящийся менее чем в полумиле, послал порцию ядер, которые с шумом рассекли воздух над мачтами „Incertain”

— Вот выродки самой отъявленной суки!

В этот раз комментарий явно исходил от Маноло, испанского помощника штурмана, который в тот момент пригнулся позади рулевого. Одно из ядер едва не коснулось его волос, прежде чем упало за борт, подняв столб воды.

— Поднять наши стяги, — крикнул во весь голос Келенез.

Гардемарин Галопин спустил бесполезный уже флаг португальского негодянта, который едва ли представил им три минуты передышки, и вернул на свое место трехцветный штандарт: Свобода, Равенство и т. д. Де Монтей в одной рубашке, протирая со сна пальцами глаза, уже был на своем посту рядом с нактоузом и выкрикивал приказы для маневрирования судном. Первый и второй боцманы подгоняли людей на палубе, а командующий артиллерией Пейрегай подготавливал к бою батарею левого борта. Все были быстрые и нервные, ведь команда провела в плавании целый год, и Келенез знал, что каждый знает свое дело. Одним взглядом он рассчитал новый курс, ветер и дистанцию и, убедившись, что люди уже находятся на левом борту, а на правом все приготовлено для смены парусов после разворота, передал управление де Монтею, который немедленно начал отдавать приказы. Тем временем, Келенез распорядился, чтобы кормчий положил яхту на правый борт, и пока тот, переложив румпель вовнутрь, исполнял приказ, уже отдал команду удлинить шкоты фок-мачты и закрепить

бизань. Следующий залп с фрегата, который беспокойно лавировал и также начал разворачиваться, попал в море, на этот раз с недолетом, в то время как „Incertain” уже полностью завершил разворот, поймав попутный ветер на три четверти нового галса, и его фок уже полыхал над бугшпритом, а матросы уже собрались подтягивать шкоты на другом борту.

— Задай им трепку, Пейрегай! — крикнул Келенез, ...Бортовой залп за Императора!

Пейрегай дотронулся до своего головного убора, этот жест смутно походил на отдание воинской чести, проверил, что трое из шести бомбардиров уже готовы, сам склонился сзади винограда на казенной части пушки, закрыв один глаз, чтобы прицелиться и, положив руки на запальник орудия, зажег фитиль, выждал, когда палуба поднимется на следующей волне, и приложил раскаленный пальник к запалу. Бумб-рааас. Не было видно, куда упал снаряд, но залп хотя бы продемонстрировал, что яхта достойно подготовилась к бою. Самый дальний от поля боя трехмачтовый английский фрегат, шедший под всеми своими квадратными парусами, начал разворачивать

нос по траверсу, подыскивая тем временем парусами другого борта ветер, чтобы начать погоню.

Хотя „Incertain” и подставил им корму, другие пять пушек левого борта яхты дали залп, подняв шквал черных брызг, попавших даже на палубу англичанина.

— Удлинить фок-марсель и топсель, — скомандовал Келенез своему помощнику.

Английский фрегат уже остался за кормой, и поднятый нос яхты удалялся в направлении северо-востока. Тем временем, пока экипаж привязывал фок и бизань с подветренного борта, марсовые матросы заканчивали распускать огромный квадратный парус, полотнище которого с треском вытягивалось, одновременно внизу на палубе, напрягая реи, привязывали шкоты и брасы. Рааа-ка. Еще одно ядро с уже наполовину развернувшегося английского фрегата, пробило дыру в фок-марселе, заставив там, наверху, пригнуть головы марсовых матросов, которые все еще старались распустить топсель. Едва раскрытый треугольник паруса хватал ветер и кренил яхту набок. Келенез стоял на корме, держа руки в карманах камзола, и скрытно наблюдал, как его

помощник направляет штурмана, рулевого и Маноло Коррэхуэвос, с показным безразличием созерцая величавую английскую эскадру, бесстрастно проплывающую в направлении юго-востока, словно завязывание перестрелки конвоем с какой-нибудь попавшейся некстати яхтой её ничуть не волнует. Вскоре он подумал, что хотя бы Берхуан правильно сосчитал количество кораблей, включая мелкие суденышки. Поэтому он снова вернул Галопина и поручил тому уточнить, сколько тот видит двух- и трехпалубных кораблей, прежде, чем те пропадут из виду. После чего, с целью определения движения уже почти невидимого преследующего их фрегата и другого, вероятно присоединившегося к погоне, но находящегося немного севернее, в уме сосчитал всю траекторию их движения, сложив все катеты, гипотенузы, круги, квадраты и треугольники. Келенез успокоился, лишь ощутив скорость, с которой „Incertain” среди последних клочьев тумана под всеми парусами с наполненной ветром бизанью рассекает море своим острым форштевнем в поисках франко-испанской эскадры, оставляя за собой в кильватере прямой длинный пенистый след. Он

возвращался с известием, что сэр Горацио Нельсон явится на встречу в срок.

2. "Antilla"

Капитану галеона „Antilla”, имевшего на вооружении семьдесят четыре орудия, командору Карлосу де ла Роча и Кендо, было от роду пятьдесят два года, из которых тридцать восемь он провел в море. Нрав он имел суровый и твердый. Де ла Роча был религиозен, всегда носил при себе в кармане четки, а находясь на суше, ежедневно служил обедню. По могуществу на судне он был вторым после Бога. Соответственно власти у него было не меньше, чем у Бога. В итоге, на корабле он был сам Бог. Командор говорил:

— Мы собрались здесь, чтобы перерезать врагам горло.

И в таком духе де ла Роча воспринимал все вокруг. Он со щелчком закрыл подзорную трубу и, задержав дыхание, повернул голову, разглядывая развернутый строй кораблей, подумав при этом: девственный строй, подобный четкам. С этого места

видно было, какого невероятного напряжения стоило им избежать хаоса. С подветренной стороны многие суда отставали от положенных им позиций в строю, но в итоге франко-испанская эскадра продвигалась под слабым ветром в южном направлении, встречая волну правым бортом. Пять фрегатов, две бригаантины и яхта (все французские), выстроившись в боевой порядок, предпринимали отчаянные усилия в поисках англичан и повторяли приказы и указания адмирала Вильнев, который находился на своем флагманском корабле приблизительно в центре эскадры. Тем временем, тридцать два судна обменивались информацией друг с другом посредством сигнальных флажков. Хотя теперь уже не важен был ни язык этих флажков, ни даже мать, произведшая на свет всех приготовившихся к сражению людей, потому что на горизонте с первым проблеском света простым невооруженным взглядом различалось гигантское скопление английских парусов, готовящихся к бою с наветренной стороны. А по законам морских сражений именно тот, кто находится с наветренной стороны, решает, когда, где и как он разобьет строй противника, если ему это

удастся. Но эти сукины дети — лучшие моряки на свете. Скоро все должно было решиться.

— Двадцать шесть судов в ряду... Четыре фрегата... Одна шхуна... Одна яхта... Расположены беспорядочно.

Голос гардемарина Ортиза, который навел подзорную трубу в направлении сигнальных флажков с флагмана, прозвучал в тишине капитанского мостика слегка возбужденно, ведь внимание всех было приковано к этому малому, который расшифровывал информацию с кораблей разведчиков. В конце концов, Ортизу, старшему из трех находящихся на борту гардемарин, было всего восемнадцать, из которых немало лет он провел здесь, на борту. Карлос де ла Роча посмотрел на своего первого помощника Хосинто Фатаса, тот тоже ответил ему лишь взглядом, не проронив при этом ни слова. Фатас — арагонский молчун, он из тех, кто продвигаются по службе, руководствуясь принципом, что в закрытый рот мухи не залетают. Кроме того, он и Роча провели вместе в плаваниях столько времени, что уже не тратили лишних бесполезных слов. Они знали на судне каждый самый

маленький леер и все о каждом матросе. С того времени, как два дня тому назад их галеон поднял якорь в Кадизе, оба в полной мере отдавали себе отчет о предстоящих событиях. Они догадывались об этом и раньше. С тех пор, как этот французик-адмирал, выполняя приказы Наполеона, словно какая-то сухопутная крыса, держал флот запертым в Кадизе, пока не дождался того, что Нельсон объединил все английские силы. И, наконец, уведомил о приказе выйти в море, когда было уже слишком поздно.

— Флагман поднял штандарт, — продолжал докладывать гардемарин, —

— Изменить строй... Держать курс на юг с галсом на правый борт, идти обычным порядком... Дистанция один кабельтов.

Буквально всё на судне пришло в движение после того, как первый помощник, склонившись над фальшбортом капитанского мостика, отдал команду, соответствующую этому приказу с флагмана. Напрягая с подветренной стороны фок-мачту и фок-марсель, матросы подтягивали шкоты; палуба „Antilla” была полна людей, занявших свои места на

брасах, слышался шелест босых ног бегающих туда-сюда матросов, которые среди криков, свистков боцманов и треска канатов взбирались по такелажу, пропитанному смолой.

— Крепить брасы, черт побери! Взобрались туда прежде, чем вам зададут трепку!

И так все время. Вывихнутые кости, ободренные руки, искаженные лица и суматоха от носа до кормы. Пугающий хаос, хотя восемьсот восемнадцать человек (шестьсот шестьдесят восемь членов экипажа и сто пятьдесят подкрепления, среди которых артиллеристы, моряки, юнги и стрелки морской пехоты) должны были сегодня в бою составлять единую команду. И, кроме того, две трети из тех, кто погрузился на судно, были призваны насильно; тут и непривычные к морю солдаты, и сухопутные артиллеристы, и рекруты, набранные силой двумя неделями раньше в Кадизе и его окрестностях, и всяческий сброд: пастухи, нищие, крестьяне, каторжники, пьяницы, голытьба из кварталов бедноты, которых согнали на борт прикладами и под угрозой штыков и пик, те, кто сейчас, одетые в лохмотья, мучаются морской

болезнью, их вырывает повсюду, они подскальзываются на палубе и вантах, кричат от страха, когда их ударами хлыста заставляют взбираться наверх на мачты, и они превращаются в перепуганное стадо при качке судна и появлении вражеских парусов. Это не означало, что экипажи противника первоначально были укомплектованы другими людьми. Но длительное совместное плавание, жесточайшая дисциплина и подходящее жалование преобразовывали английский сброд в лучших матросов и артиллеристов. А пока новобранцы „Antilla” даже не имели времени усвоить, что на судне жизнь моряка принадлежит не ему, а королю. За те два дня, что они провели в море, и еще до того, как прозвучали первые залпы, команда уже потеряла пятерых несчастных, и это, не считая покалеченных: один упал за борт, когда ночью освобождал рифы, трое разбились о палубу во время похода, поскользнувшись на рее. Последний свалился на рассвете с высоты сто двадцать четыре ярда чуть более часа тому назад, упав из-за ночной сырости на мокрые шканцы в четырех шагах от командора. Только и произнес: Ааааххх! Со звуком „гоф” его голова раскололась как арбуз. Пятый,

недавно женившийся крестьянин, которого буквально силой вырвали из рук его молодой жены на следующий после свадьбы день, был убит ночью выстрелом, когда он, как безумный, бросился с абордажной пикой на командира второй батареи. И его проучили, всего то и сказав:

— Допрыгался, — а потом: — Какие будут Ваши распоряжения, мой командир?

— Как только закончится эта гадкая манёвренная война, доложите об этих несчастных в крепость.

Старший помощник, сохраняя сдержанность, дотронулся кончиками пальцев до фуражки, в то время как Роча, подойдя к краю правого борта судна и оперевшись на одну из двадцатичетырех восьмифунтовых английских карронад, которые располагались на верхней палубе (на их лафетах было отчеканено „Carron Iron Company“), бросил взгляд на линию сражения.

Порывы слабого ветерка потихоньку разносили суда в стороны, но все тридцать три корабля совместной франко-испанкой эскадры, разбросанной

среди ночи, старались преодолеть беспорядок сильного морского волнения и занять соответствующий пост в строю, вытянувшемуся в форме дуги в десяти-двенадцати милях на северо-востоке от мыса Трафальгар: некоторые подняли дополнительные паруса, чтобы занять свою позицию, другие изготовились наполнить паруса, ускорившись с подветренной стороны и стараясь теперь получить дополнительное ускорение с наветренной, с целью удержаться на своем месте во время боя. Утренний туман рассеялся, и в свете дня можно было охватить взглядом почти всю протяженность эскадры: авангард на юге под командованием адмирала Гравина на „Principe de Asturias” вместе с французским контр-адмиралом Магоном на его „Algesiras” и другие десять французских и испанских судов, в основном, несущие семьдесят четыре орудия. Среди кораблей в центре (четырнадцать судов представляли из себя основную силу, или еще одну эскадру) хорошо выделялся черный корпус галеона „Santa Ana”, который был вооружен ста двадцатью стволами и состоял под командованием адмирала Алава; немного ближе, шедший почти рядом „Vucentaure” с восьмьюдесятью пушками на

борту, на котором адмирал Вильнев поднял штандарт флага совместной эскадры, и величественный „Santisima Trinidad” (под флагом командующего эскадры Киснероса и вымпелом его капитана Уриарте), гордость испанского флота, спущенный на воду в Гаване, уникальный корабль, единственное в мире четырехпалубное судно со ста тридцатью шестью пушками, с корпусом, раскрашенным в невероятные цвета, и черно-красной каймой вместо черно-желтой, которой по Уставу сверкала большая часть испанских кораблей: желтые мачты, кают-компания синего и голубовато-белого цвета, бак и капитанский мостик оливкового, а палуба красного цвета — это для того, чтобы скрыть пятна крови во время боя.

—Такая мода поможет делу, — намекнул как-то один из министров, — Чтобы наши парни не паниковали, когда им будут перерезать глотки, а продолжали биться с именем Испании на устах.

Роча хорошо знал, что эти корабли, построенные на лучших верфях из испанского и американского дерева, были чрезвычайно востребованы и считались превосходными как у

союзников, так и у их противников, и при соответствующих обстоятельствах и подходящей команде становились крепостью. Но речь сейчас не о старой прогнившей Испании, которую давняя политика маркиза де ла Энсенада подняла вначале до ранга могущественной морской державы; он же впоследствии допустил, чтобы управление было прибрано к рукам министров, которые, казалось, за пачку фунтов стерлингов скорее служат врагам (иногда это так и было), чем своим соотечественникам. Так еще в большей степени сделались обычными следующие явления: коррупция на всех уровнях, когда официальные эксперты не были заинтересованы работать, не положив мзду себе в карман, а моряки были порабощены, и, не будучи подготовленными и стимулированными, обязаны были служить в течение половины жизни без иного будущего, кроме смерти, увечия, нищеты и жалкой старости. Это в отличие от французов с их ярким патриотизмом, с недавно возрожденной Империей, *le-jour-degluar-estartive*, всеобщим переделом имущества, правами на добычу в бою и регулярное жалование; или от англичан, профессионально оттачивающих свои боевые навыки

(никто из их офицеров не получил бы в командование судно больше, чем с двадцатью пушками до тех пор, пока не провел в море хотя бы десять лет, имея при этом соответствующие достоинства и поручительства), которые получают награду за захват добычи, растут в чине до капитана по заслугам, а выше — за выслугу лет в суровых условиях и многие выигранные ими сражения; в то время, как у испанцев повышают по службе до капитана согласно формальному списку, а до адмирала — по протекции. И, кроме того, сейчас в довершение всех бед (заклучал с горечью Роча) имеем бестолкового и безвольного короля и королеву, еще более беспутную, чем Мария Матийо, её любовника Годоя, смазливую молокососа из Мадрида, пацифиста, героя бутафорских апельсиновых ристалищ и при этом главнокомандующего военно-морскими и всеми другими родами войск, который каждый день плачется окружению Наполеона на договор Сан-Ильдефонсо.

— Разрешите обратиться, сеньор капитан, — произнес гардемарин Ортиз, — Известия с „Formidable”.

Карлос де ла Роча бросил взгляд в направлении флагов, которые подняли на реях флагманского корабля адмирала Думанира, командовавшего шестью судами арьергарда, являвшимися третьей эскадрой, в состав которой входила „Antilla”.

У францулика семьдесят четыре орудия, и расположился он в последней трети строя между испанцем „San Agustin”, который хотя и принадлежит к другому дивизиону, но немного отстал с подветренной стороны, и французом „Mont Blanc”, напрягающим паруса с целью занять свою позицию у носовой части „Formidable”. Впереди беспорядочно шли французы „Duguay — Trouin”, „Heros” и испанец „San Francisco de Asis”. Сзади, больше с наветренной стороны, обветшалый трехпалубный испанец „Rayo” (патриарх эскадры), как всегда сильно отстававший и старающийся наполнить ветром верхние паруса, чтобы удержать свою позицию в строю. За ним следовали „Intrepide”, „Scipion”, „Antilla”, шла предпоследней в ряду. Последним в одиночестве продвигался весь покрытый парусами до верхнего клотика испанец „Neptuno” с восьмьюдесятью орудиями под командованием его старого друга адмирала Каэтано

Валдеса. Другой хороший приятель Роча, адмирал Косме Чуррука, должен был в этот час занимать свой боевой пост во главе всей эскадры на его „San Juan Nepomuceno”. Все трое, как и их спутники, свыклись с морем настолько, что считали своим долгом не брать задержанное за шесть месяцев жалование, которое при определенном раскладе кому-то из них никогда не понадобится. Одним словом: судьба моряка. Слава Испании!

И опять флаги на „Formidable”. Юный Орtiz посмотрел в подзорную трубу. В этот раз это был настоящий букет сигнальных флажков, посланный Думаниром, который, очевидно, решил показать, кто главный в арьергарде.

— Занять обычный порядок... Держать дистанцию в один кабельтов.

— Не берешь ли на себя чересчур много, муфлон, — сказал кто-то сзади внизу.

Командор обернулся, но весь его штаб (первый помощник капитана Фатас, второй помощник Орокете, третий помощник Маке, лейтенант Грандай, мичман Гебриан, штурман Линарес и гардемарины

Орtiz, Фалко и Видал) сделал вид, что ничего не случилось. В каком-то смысле они были правы. Могло иметь место своевольничанье сигнального офицера контр-адмирала Думанира. С флагманского корабля адмирала Вильнев „Vucentaure”, который великолепно просматривался отсюда, уже пять тысяч раз подавали этот сигнал, фрегаты повторяли его, этот сигнал видели уже все на свете, все, до последнего придурка, включая англичан, все уже зарубили у себя на носу, что для союзной эскадры строго соблюдающейся дистанцией является один кабельтов или, что то же самое, сто двадцать брасов, и что всем обязательно нужно держаться строя, один вслед другому, как гномики в лесу. Но так же очевидно, что хотя слабый ветер, волнение моря и беспорядок в течение ночи пока не привели к дурному результату и, несмотря на то, что каждый делает все от него зависящее, положение продолжает оставаться щекотливым. Роча с удовлетворением отметил, что сам Думанир находится с подветренной стороны, и его „Formidable”, стремясь уйти в крутой бейдевинд, непрерывно брасопит реи, не выполняя при этом каких-то неизбежно ужасных фигур.

— „Formidable” подтверждает команду, сеньор капитан.

Роча не выносил Думанира. Этот тип, даже переговариваясь сигнальными флагами, продолжал оставаться высокомерным болтуном. На самом деле, капитан „Antilla”, как большая часть его соратников, терпеть не мог своих французских коллег, навязанных им союзом с Наполеоном. А некоторые даже восхищались этими козлами англичанами, их мастерством, патриотизмом, хладнокровной энергичностью, вымуштрованным экипажем и смертоносным владением артиллерией, которая брала верх на всех морях мира. «Будь осмотрителен, имея дело с англичанами, женщинами и ветром», — говорит народная поговорка. Что касается совместной эскадры, в ней аристократический характер испанских командиров и морских офицеров (все были отпрысками из хороших семей), их классовое сознание и манеры контрастировали с невежеством и вульгарной спесью союзников, вышедших из рядов революционных матросов.

Их офицеры, служившие еще при Людовике XVI и имеющие такое же знатное происхождение как

испанцы, самоотверженно прошедшие сквозь жернова первых дней революции, когда гильотина делала „чик-чик-чик” с завидной регулярностью, дослужили до той поры, в которой Наполеон, став Императором, изменил порядок присвоения очередного звания, и продвижение по службе уже зависело не от выслуги лет, а исключительно от проявленного мастерства в бою, и это умение поощрялось командирами также при дележе военных трофеев, сопровождаемое дружеским похлопыванием парней по спине в стиле „o-la-la, Gaston, monami, viva la egalite y la fraternite.”

Власть же Роча была более классической и опиралась на почтительное к нему уважение, страх перед Богом и на Королевский Устав 1802 года. Весь этот французский сброд вызывал у него тошноту, хотя нужно признать, что в отличие от большей части испанских матросов, союзники, как и англичане, не имели обыкновения насмехаться над своей родиной, и, также как англичане, если не больше, ценили своих командиров и всегда были готовы следовать за ними хоть в преисподнюю. Таков был и малыш Лукас с „Redoutable”, который со своими полутора метрами роста был самым

низеньким капитаном во всем Императорском военно-морском флоте Франции, но имел при этом такие яйца, что они не помещались даже на капитанском мостике.

Он был одним из тех, кто полагал, что тактика морского боя не имеет другой задачи, кроме как, сойдясь вплотную с неприятелем, упрямо палить друг в друга в упор, пока один из них не спустит флаг, пойдет ко дну или не будет разграблен, и, таким образом, следуя этой идее, он провел все отпущенное ему время в Кадизе, обучая своих людей искусству абордажа и платя из своего кармана за вино, водку и шлюх для вознаграждения лучших, владеющих короткой саблей и пикой, стреляя из мушкетов с марса или швыряя крюки, гранаты и заряды с порохом до тех пор, пока каждый юнга с „Redoutable” не протер дыру на своей боевой позиции.

Когда окажешься в море, где градом летают пули с осколками, и картечь дырявит все без разбора, а два соединенных параллельно парус к парусу противника изо всех сил дубасят друг друга, эти вещи обретают смысл.

— С вашего разрешения, мой капитан, — сказал Фатас, — Люди собраны на шканцах.

Карлос де ла Роча присел, дотронулся до позолоченной короткой сабли, которую носил на поясе, и тайком проверил почти незаметное заштопанное место своего старого чулка. Он никогда не пользовался сапогами во время сражения еще с того времени, когда в битве при Сан- Винcente (с тех пор минуло восемь лет, Святая Мария!) его ранило осколком картечи, и хирург для того, чтобы прооперировать его, теряя драгоценное время, вынужден был разрезать их. Сапоги стоили ему глаза.

— Начнем читать им напутствие, — выдохнул он.

С высоты трапа правого борта капитанского мостика, над которым нависала тяжеленная бизань-мачта, скрипящая обратной стороной под напором парусов и вант, Роча устремил свой взор в направлении носовой части судна. Люди сгруппировались по бригадам и вахтам в точном

порядке, установленном в каждой из команд, усеяв всю палубу шканцев и по пять шагов в ширину каждый из входов на верхнюю палубу с обеих сторон шкафута, и так до бака носовой части, где артиллеристы взобрались на площадки отделки внешней обшивки судна и на лафеты уже выставленных из бойниц и закрепленных канатами орудий. Все, включая наблюдателя на марсе, вцепившись в ванты, наклонились в сторону палубы и внимательно вслушивались. Кое-где среди оборванных новобранцев, одетых в лохмотья, по относительно опрятному внешнему виду формы из коричневой тонкой парусины и красным шапкам можно было различить солдат из морской пехоты, бригадных артиллеристов, облаченных в голубую форму сухопутной артиллерии, военных из Кордобы и Бургоса в белых форменных куртках и добровольцев из Каталонии в голубых камзолах с желтым отворотом, которые восполняли нехватку людей на борту (лучше кто-нибудь, чем никого, хотя многие страдали морской болезнью, от которой их рвало, как свиней). Люди из первой и второй батарей тоже поднялись на палубу вместе со своими офицерами и командирами орудий, встретившись с

присутствующими там сигнальщиками, плотниками, конопатчиками, поварами и прочими членами экипажа: восемьсот семнадцать человек (восемьсот восемнадцать вместе с капитаном), заняв полностью пространство судна от первого ряда орудий полубака до носовой части, все затянутое сверху лесом мачт, рей, парусов и такелажем, который колебался от качки вместе с палубой; весь рангоут скрежетал в своих соединениях, будто судно стеноло в предчувствии того, что его ожидало. Все, включая хирурга, его помощников и санитаров, высунули головы из люков. С первого взгляда по выражению лиц и одежде опытный глаз командора выделил бывалых моряков (которые не захотели дезертировать или, что более вероятно, не смогли) от силой рекрутированных: выпученные глаза, бледная кожа, открытые от оцепенения или от страха рты резко отличали их от загорелых и обветренных ветеранов, имевших мозолистые руки и смиренный облик людей, привыкших к морю и битвам. Он утешил себя тем, что, по крайней мере, треть экипажа составляют те, кто понюхали порох, и большая часть из них знает свое ремесло. К

сожалению, основная масса новобранцев погибнет прежде, чем они обучатся чему либо.

Командор несомненно отдавал себе отчет в том, что Королевский флот до сих пор имел школы мореходства, мастерские по изготовлению навигационных приборов и инструментов, астрономов и геодезистов, арсеналы оружия и современные судовой верфи в Ла Гаване. Феррол и Картахена были способны спустить на воду фрегат за полтора месяца. Хотя уже прошло восемь лет с той поры, как испанцы удостоились издевки при Сан-Винценте, владея шестьюдесятью девятью галеонами, некоторые из которых считались лучшими в мире (это признавали даже эти псы англичане). Сейчас половина из этих кораблей гнила на причалах из-за нехватки средств, а укомплектованные и вышедшие в море (которые еще не сдали французам), оказались такими же, какими были всегда: командиры и офицеры, плохо оплачиваемые и недостаточно мотивированные, а поддержка астрономов, математиков, морских инженеров и уважаемых во всей Европе ученых во многих случаях не пошла впрок. Имели то, то имеет самовлюбленный индюк. И хотя служили, несмотря

на расхлябанность и бюрократию верховной власти, воодушевленные лишь достоинством и долгом, это не могло распространяться на весь экипаж, лишенный жалования, медикаментов и поддержки: на рыбаков, которые бежали от морского боя как от тифа; на морских артиллеристов, на простых моряков, внесенных в список команды с испытательным сроком, тех, кто не дезертировал, погрузившись на борт из-за жестокости жизни и нужды, ожидающих их самих и их семьи на берегу, и предпочитавших завербоваться в сухопутную армию или во флот, в том числе, и других стран, включая французские. Обычно говорят, резюмируя соответственно старому роковому испанскому правилу: „No como es justo, sino como es gusto”.¹

Несмотря на это Карлос де ла Роча увидит их сражающимися еще раз. Хромыми на обе ноги. Их и других, таких же, как они, напуганных, суетливых, задающих себе вопрос, что они здесь забыли, вместо того, чтобы остаться дома на суше. Но под огнем, когда все превращается в борьбу за выживание, а

---

¹ Что только не станешь делать, коли нужда заставит (здесь и далее примечания переводчика)

ужас, кровь и увечья сменяются отвагой, злобным характером и ненавистью к врагам, которые палят в тебя из пушек и мушкетов, это может иногда коренным образом изменить взгляд на происходящее вокруг. Три месяца тому назад, когда он сражался под Финистерре, люди, прошедшие до того в море достаточно много времени вместе, а вначале такие же новобранцы, как эти рекруты, бились в течение всего дня в полном тумане с отчаянной отвагой, обратив англичан в бегство. И хотя Роча, как и многие другие испанские моряки, имел основание винить власти за то плачевное состояние, в котором находилась Испания и её флот, в чем просматривался не только огромный интерес других наций, но также тайный сговор деятелей третьей ступени в иерархии, ничтожные интриги придворных, трусливых обывателей, в общем, абсолютная неспособность правительства руководить, он полагал своим долгом сражаться против врага, не щадя себя.

Именно так Испания зашла в безвыходный роковой тупик. Прежде чем договориться с Англией, ей пришлось закрепить нейтралитет с Францией, заплатив той кучу денег, а это уже было то, что несомненно вело к войне с Англией. А до того,

отказавшись признать реальность, хватаясь за мир более фальшивый, чем поддельная монета из свинца, Испания превратилась в жертву неисчислимым нападений на её корабли, возвращающиеся из Америки, набитые грузом и пассажирами; плохо вооруженные, они становились легкой добычей для английских судов, в то время как Годой, месье здесь, глубокоуважаемый сеньор Консул там, продолжая переписку между Петитом Карбоном и Испанией, не пришел к краху. Если уже в течение прошедшей войны против республиканской Франции (когда Людовика XVI и его сожительницу казнили на гильотине) англичане, эти сыны Перфиды, продемонстрировали свою суть ничтожного союзника, вероломного и безжалостного, теперь они уже стали врагами, такими, о которых здесь уже рассказывалось. Капитан „Antilla” знал это не по наслышке, он был с адмиралом Лангара и его английским коллегой Худом в 93-м году в Тулоне, когда испанская и английская эскадры пытались помочь восстанию в городе против Республики. Но назвать это помощью можно лишь в качестве эвфемизма, и несомненно потому, что пока испанцы сражались на суше, стараясь спасти людей,

англичане были заняты лишь грабежом, разрушая и поджигая то, что не могли забрать с собой. И это, безусловно, их почерк. Всегда. Сукины дети.

Тишина внизу на шканцах был абсолютной. А еще лучше сказать, гробовой. Все офицеры, поднявшись на капитанский мостик, сгруппировались у основания бизань-мачты за спиной своего капитана: боевые офицеры, его помощники и гардемарины. Роча стоял, замерев на самом краю трапа, сцепив руки за спиной, ощущая, с каким трепетом и почтением взирают на него, надеясь, что внезапный порыв ветра не сорвет с его головы фуражку и тем не испортит значимость момента. Все осознавали, что он именно тот, кто в ближайшие часы будет распоряжаться их жизнью и смертью. Он — их господин. Роча взглянул в направлении правого борта, где, тем временем, английская эскадра на расстоянии приблизительно одной лиги в обманчивом беспорядке начинала выстраиваться в боевой строй, и, указывая туда, возвысил голос, как только мог.

— Матросы и солдаты „Antilla”... Вы видите, что англичане уже здесь, и мы будем биться с

ними!... Ваш и мой долг удержать наш корабль в бою, причинив им как можно больший урон. Я хочу, чтобы каждый снаряд, выпущенный из пушек, и каждая пуля, выпущенная вами из мушкетов, безжалостно разила врагов, а они не могли нам ответить тем же!... И помните, что Всемогущий даст убежище в раю тем, кто падет в сражении, исполняя свой долг!... Тот же, кто струсит, будет расстрелян!

При слове „расстрелян” содрогнулся воздух, а ла Роча раскрыл том морского Устава, который ему только что принес гардемарин Ортиз, и, потрясая им, высоким зычным голосом зачитал пункт 34.11. „Тот, кто, участвуя в сражении на своем судне, трусливо бросает свою позицию и прячется, будет приговорен к смерти. Та же участь ждет того, кто во время боя или до его начала подаст голос, прося об его отстранении от боя, или спустит флаг без приказа капитана...” После чего захлопнул книгу, вернул её гардемарину и посмотрел на судового священника отца Потераса, который стоял на трапе. Он недолюбливал капеллана, которому выпала доля участвовать в этом походе, и старался держать его подальше от кают-компания и капитанского мостика: считал его туповатым и скучным, к тому же с

излишним пристрастием к вину. Но какой достался, такой достался. Выдержав паузу, Роча поторопился передать слово священнику.

— Поднимайтесь сюда, падре, и отслужите молебен... Отпустите грехи. Это приказ.

Подчиняясь, священник, слегка подбрав сутану, поднялся до середины трапа, облачил на себя эпитрахиль, расправил её и поднял ввысь руку в то время, как все собравшиеся опустили на одно колено, сняв с себя головные уборы. Благословясь. Амен. Роча тоже снял фуражку и перекрестился, опустив голову. Молился он с истинным благочестием, доверяя Всевышнему свою душу и будущее своей супруги и четверых детей, оставленных им в Кадизе. Он знал, как в случае его гибели сгустятся тучи над вдовой и сиротами, которые останутся беззащитными в погруженной в дерьмо Испании, где в случае гибели солдата или матроса у государства появляются удивительные возможности сэкономить даже на невыплаченном жаловании, о чём все застенчиво умалчивают. Когда священник закончил своё богослужение, командор, держа фуражку в руке, поднял голову и выкрикнул:

— Да здравствует король!... Да здравствует король!... Да здравствует король!

И все те несчастные, кто шли на смерть или были обречены остаться калеками, уйдя отсюда в небытие, оставив после себя вдов и сирот, которые не смогут претендовать ни на остаток их жалования, ни на компенсацию или пансион, или даже на крохотный малосольный огурчик от государства, трижды проревели приветствие в ответ. Нутро Роча содрогнулось от сочувствия к ним. Бедные люди. И он один из них. Если есть на свете король, недостойный этих восторженных воплей, то это его король. Но это уже не имеет никакого значения и ничего общего с сегодняшней задачей. В какой-то момент ему показалось, что перед ним уже просматриваются очертания боевого экипажа, а не стадо напуганных людей, сбившихся у ворот бойни. Самое важное сейчас — долг. Правда всегда за солдатом, погибшим при его исполнении.

— Слава Испании! — выкрикнул Роча.

Несмотря на то, что восемьсот с небольшим глоток от носовой части корабля до его кормы взревели во славу Испании, ему представлялось, что

они лишь заблудившиеся в потоке люди, с которых, если что, англичане вскоре заживо сдерут шкуру. И всё, что Роча уже сделал и сделает, чтобы уберечь их, всё равно будет слишком мало. Теперь оставалось лишь дать бой, действуя сообразно Уставу, неукоснительно соблюдая дисциплину и приказы слабо компетентного французского контр-адмирала, находясь с наветренной стороны в хаотичном строю у опасного побережья с большим количеством мелей, отдавая себе отчёт в том, что, в случае ухудшения погоды (а это очень вероятно), ситуация для кораблей, потерявших в бою командование, может стать критической. Такие вот были дела. Роча надел фуражку и, глядя в направлении вражеской эскадры, подозвал рукой стоявшего на капитанском мостике отдельно от всех рулевого капитанского катера Роге Алдаза, ветерана морской артиллерии, ходившего с ним в море последние шесть лет. Не нуждаясь в дополнительных словах, тот приблизился к нему и отстегнул кортик, который был абсолютно бесполезен в бою, закрепив настоящую, подходящую для сражения саблю. Затем командор повернулся к своему помощнику:

— Фатас.

По недавно выбритому лицу Роча пробежала тень грустной смиренной улыбки. Помощник ответил также односложно:

— Приказывайте.

— Будьте так любезны, займите свой пост.

Осторожный и хладнокровный Хасинто Фатас де Понзано, сорока четырёх лет, отец двоих детей, поправил свой форменный короткий галстук, проверил пуговицы камзола и, приложив руку к фуражке, отдал честь развевающемуся на верхушке бизань-мачты флагу, после чего в сопровождении гардемарина Фалко, которому было доверено быть его адъютантом, спустился по трапу, ведущему на шканцы, и проследовал по мостику на нос корабля. Начиная с этого момента, его место будет у основания фок-мачты на баке, и он вернётся на капитанский мостик исключительно для перенятия командования кораблём в случае ранения или гибели командора.

— Какого чёрта я здесь делаю, если я вообще родом из Хуэска?!

Эти слова Фатас произнёс не сейчас, а накануне ночью, делая глоток хереса, находясь наедине с Карлосом де ла Роча и глядя сквозь просторное окно капитанской каюты на море, окрасившееся в чёрный цвет, подобно занавесу, опущенному перед началом зловещего спектакля.

— Только не подумай (добавил он, обращаясь на „ты” к старшему по званию, впервые за много времени), что Гравина должен был поспорить, надерзив этим французикам, и, сидя за столом вместе с Годоем, сложить с себя полномочия, вместо того, чтобы принять то, что ждёт нас всех...

Это говорил второй по званию офицер „Antilla”, держа в руке бокал и глядя в глаза Карлосу де ла Роча, под шум кильватерной струи, скрип судна и удар колокола ночной вахты. Донг-г-г. Но тот не ответил и сейчас сожалел о том, что не был откровенен со своим старым другом (насколько может быть другом капитан галеона), признав его правоту, несмотря на всё своё чувство долга и собственного достоинства, согласившись, что адмирал Гравина, эта придворная моль, прежде всего, политик, а лишь потом моряк, который

заполнит Испанию вдовами и сиротами, включая, возможно, твоими и моими, будь он проклят вместе с сукой, родившей его. Не сказал этого, сохранив молчание, продолжая пить херес, не проронив и слова. Гнусная, проклятая позиция: душа на замке, рот закрыт, и всё осточертело. Сейчас, наблюдая, как удаляется Фатас, он с тревогой думал, что он, возможно, никогда больше не увидит его живым. Действительно, спрашивал себя Роча, что потерял здесь этот выходец из Хуэска. Или астуриец, как я, или кто-либо другой из этих несчастных. Так решается здесь судьба и жизнь Королевского флота, вздохнул про себя и, повернувшись к стоящему позади офицеру, не повышая голоса, окликнул того.

— Орожете!

Раздался громкий щелчок каблуками. Игрив и безрассуден, подумал о нём Роча, но моряк хороший. И с гордостью и уважением: пока другие всюю извивались, стараясь остаться на суше, лишь бы не выходить с эскадрой в море, этот проныра, едва оправившись после тифа и лихорадки, предпочёл смыться из госпиталя и явиться к месту службы.

— Не хочу, чтобы меня забыли на берегу, — сказал он, прибыв на корабль со своим обитым свиной кожей сундучком моряка в руках. Вот пройдоха!

— Все на свете знают, что прежде в испанском флоте чины присваивались после наличия в послужном списке трёх славно проигранных сражений. Я уже участвовал в битвах при Сан-Винценте и Финистерре. Так что мне не хватает лишь одной схватки.

Знал это и капитан „Antilla”, а сейчас рад был иметь рядом такого преданного человека, обладающего к тому же чувством юмора, Фатаса и многих других. Даже худшие из них сегодня отработают своё жалование. Есть дни, заключил он для себя, которые искупают грехи всей жизни.

— К Вашим услугам, мой капитан, — отозвался второй помощник капитана Орокете, — Готов к любым испытаниям, с Вами хоть в омут, хоть в пекло.

Продолжая оценивать преимущество, имеющееся у англичан, благодаря их позиции с наветренной стороны, Роча отрезал:

— Оставь свои шуточки и играй боевую тревогу. Быть может, делаешь это в последний раз.

3. Бак.

— Поднять кливер!

Гардемарин Гинез Фалко стоял рядом с закрепленным на фок-мачте колоколом и наблюдал за тем, как спокойно и умело второй боцман Фиерро выполнял команду дона Хасинто Фатаса, проверяя боевую амуницию солдат и матросов, вооружившихся пистолетами и саблями:

— Сеньоры, проявите себя героями, не опозорьте себя и меня в глазах капитана и всего экипажа, смотрящих на вас с кормы. Покажите, на что вы годны в драке, черт побери!

Тем временем на капитанском мостике у основания грот-мачты барабаны продолжали отбивать боевую тревогу „ран, ратаплан, ратаплан,

тан, тан”, юнги поднимали на палубу плетеные корзины с саблями, топорами и абордажными пиками, солдаты под наблюдением сержантов проверяли свои мушкеты, в твиндеках и на палубе артиллеристы готовили к бою орудия по правому борту. Скользя босыми ногами по влажному настилу палубы бака, под аккомпанемент щелчков кнута и подстёгивающих криков боцмана Фиерро, парни, которым поручили управляться с фок-мачтой и бугшпритом, тянули фалы кливера, натягивая его вдоль горизонтальной перекладины, „але-оп, але-оп”, в результате кливер-шкот оставил парус (с подветренной стороны) с невытянутым до середины углом. Таково было их мастерство.

— Закрепить!... Я сказал, крепите!... Крепите, мать вашу!

Туго соображающие матросы закрепили фалы и шкот, растерянно глядя друг на друга, не понимая, хорошо или плохо они поступили. Хорошо, что хоть кто-то знал, что нужно делать. Из полусотни несчастных, задействованных на носу судна, только десять имели опыт морского плавания, и боцман

вынужден был своими руками взяться за дело, чтобы растянуть кливер.

— Наделали тут дерьма! Полное дерьмо! Подтягивайте, тяните, чурбаны! Набрали педерастов!

Чтобы не мешать их работе, дон Хасинто Фатас стоял, прижавшись к трубе камбуза, и смотрел на матросов, прищулив один глаз, будто приготовился к стрельбе. Невесело вздохнул и повернулся к гардемарину:

— Пусть здесь рассыпят песок.

Он вымолвил лишь это, но Гинез Фалко разгадал смысл прозвучавшего. Если эти несчастные поскользываются и спотыкаются на палубе уже сейчас, то лучше даже и не думать, что будет, когда доски покроются лужами крови. Гардемарин весь содрогнулся изнутри, но тут же, перегнувшись через трап шкафута вниз ко второй батарее, передал соответствующую команду юнге, дежурившему там с ведрами, наполненными песком. Когда песок начали разбрасывать по палубе, один из новобранцев толкнул стоявшего рядом ветерана локтем:

— Что ты видишь, земляк? Это что, шутка?

Новобранцы перешептывались и осматривались вокруг с открытыми ртами и испуганными глазами, которые выпучились у них еще сильнее, когда они увидели, как другие юнги подвешивают на лотках короткие кривые сабли, топоры и абордажные пики, заточенные столь остро, что даже страшно было на них смотреть. Крадучись по песку, появился пацан десяти-двенадцати лет, который начал шнырять среди мужчин с кувшином водки и кружкой, давая им отпить по глотку этого пойла, глотку столь незначительному, что каждый умудрялся издать лишь нечто, похожее на звук „глю — глю”. . Лишь один из ветеранов, столпившихся возле лебедки, затачивающий точильным камнем абордажную пику, нахально вымолвил громким голосом:

— Когда матросу дают выпить, то он либо становится бешеным, как черт, либо идет по бабам.

Для поддержания должного порядка дон Хасинто Фатас тут же отдал приказ боцману записать имя шутника. Добавив, что нужно урезонить этого франтика, пусть не открывает рот не к месту. Боцман исполнил то, что ему приказали, хотя все, за исключением новобранцев, знали, что уже через

полчаса, когда начнут летать осколки снарядов и картечь, а сверху будут валиться обломки рангоута и куски чего не попадая, все, что записал Фиерро, будет иметь такой же смысл, как собранный его распутной мамашей прошлогодний урожай перца. Пока боцман делал запись в своем блокноте, гардемарин Фалко поднял голову вверх, и его взору открылся необъятный лес из деревянных конструкций, парусов, такелажа и рей, укрепленных на мачтах тросами и цепями, чтобы они не свалились сверху во время боя. „Крик, крок, гирин, гиран” — скрежетало всё, лениво колеблясь от морской качки, так, что юноша чувствовал себя, словно мышонок внутри скрипки, на которой играет неумелый скрипач. Гинез Фалко провел на борту восемь месяцев и знал судно от верхушки мачт до льяла, но когда осматривался вокруг, как он это делал сейчас, очертания этого чудовища напоминали ему форму огромного куста маниоки: величественная конструкция — творение морских инженеров, сверкающая семидесятью четырьмя стволами орудий, водоизмещением в три с половиной тысячи тонн, из дерева, парусов, конопляных веревок, железа и пушечного мяса, посудина длиной в сто девяносто футов и шириной в

пятьдесят два фута, обшитая понизу ватерлинии медью, заклепанная и скрепленная болтами из бронзы и брусьями из тикового дерева, дуба, астурийского бука, арагонской сосны, с такелажем из Мурсии и Валенсии, парусиной из Андалусии, бронзы из Каталонии и Севильи и контабрийской стали. Но самый лучший мачтовый лес из Испании и Америки был использован при изготовлении кия и шпангоута. Артиллерийская крепость, способная передвигаться по морю под воздействием ветра, в любой сезон и любую погоду, готовая изрешетить врага, если тот встанет на её пути. Все вычищено и надраено до блеска, каждая мелочь уложена и закреплена на своём месте. Иными словами,плыли четыре миллиона реалов. И, несомненно, думал Фалко, большая часть всего этого великолепия разлетится в щепки и клочья, пороховой дым будет стоять столбом, а палуба скользить от пролитой на неё крови при царящей полной суматохе. На самом деле, гардемарин не мог знать всей правды, ему лишь довелось кое-что слышать. Три месяца тому назад он уже был на корабле, когда, возвращаясь с Антильских островов, проходили мыс Финистерре, и союзной эскадре пришлось принять бой с флотом

адмирала Калдера, но до Фалко в течение дня лишь доносились звуки „ пум-ба, пум-ба, пум-ба”, пока англичане не ушли среди ночи, уведя с собой два захваченных ими испанских корабля, в которые они впились так, что ни адмирал Вильнев, ни находившиеся вблизи французские суда (эти французики, крысы помойные), не сделали ничего, чтобы предотвратить это.

Гинез Фалко Алгамеса, блондин с веснушчатым лицом, родился шестнадцать лет назад в Восточной Картахене (случайное совпадение: в этот же год „Antilla” была спущена на воду). Он был мальчиком из хорошей обеспеченной семьи, поскольку в морскую академию Кадиза, резерв молодых кадров Королевского флота, которая с самого своего основания была кузницей высокообразованных и профессиональных офицеров, зачисляли лишь юношей знатного происхождения (что иногда покупалось) как по отцовской, так и по материнской линии. Среди трех курсантов, служивших юнгами на „Antilla”, он был средним по возрасту: Косме Ортизу, ветерану, который был сигнальщиком на капитанском мостике, исполнилось восемнадцать, младшему — Хуанито Видалу, было всего

тринадцать лет. Последнего Фалко только что видел взбирающимся по выбленкам грот-мачты, несомненно отправленного на марс, чтобы передать приказ дозорному, и он это исполнял превосходно, вопреки тошноте, разобравшей его ночью в каюте, в которой ютились юнги. Тьфу, тьфу! Несмотря на морскую болезнь и вызванную ею рвоту во время ужина, этот молокосос Видал был отчаянным и волевым парнем и нравился Фалко, в отличие от надменного Ортиза, с его надоедливими сигнальными флажками, всегда довольного собой, будто он только что взрезал из 36-фунтовой пушки по корме вражеского судна или нечто вроде того. Вдобавок, морская болезнь Видала имела оправдание: пацан только два дня назад ступил на палубу корабля, и это был его первый выход в море, под аккомпанемент рыданий матери и трех его сестёр, которые рыдали, как Магдалена, прощаясь, они пролили целую канистру слёз, пока корабли, подгоняемые восточным ветром, направлялись к узкому выходу из гавани, и весь Кадиз махал вслед им платками, теснясь у собора Святого Себастьяна и на набережной Ла Галета: жены, дети, родители, друзья — все крестились, глядя на уходящую

эскадру, в гробовой тишине, а мужчины смотрели на землю так, будто видели её в последний раз, и на шлюпке, плывшей вдоль огромного бота „Antilla”, мать и сестры Видала вновь прощались с ним: ”Хуанито, прощай”, а бедный Хуанито, вцепившись в ванты, глядел на них ужасно бледный и очень серьёзный в застёгнутой на все пуговицы голубой куртке и форменном галстуке, всхлипывая, сдерживая комок в горле, чтобы не заплакать. Хуан Видал Ромеро, кабальеро, курсант Военно-морской академии. Тринадцать лет. Верно и то, что его отец, лейтенант, тоже был где-то рядом. Он находился в авангарде на борту галеона „Babana”, и, таким образом, в этот час мать и сестрички Видала, впрочем, как и весь Кадиз от Пуэрто де Тиерра до Ла Винья, должны были стоять коленапреклонными перед лицами Христа-Спасителя и Святой Девы Марии, перебирая в руках четки и читая молитвы: „Virgo potens, turris eburnea, ianua coeli” или что-то в этом роде, молясь о том, чтобы их отец и сын вернулись домой живыми, с невредимыми руками и ногами. Или чтобы просто вернулись. Потому что вернуться живым, когда рядом изготовилась к бою

столь огромная флотилия англичан, уже было бы несказанной удачей.

— Проверь, облегчил ли ты свой желудок, — сказал ему дон Хасинто Фатас.

После чего первый помощник капитана, чтобы не терять время на спуск в галюн, направился к группе матросов, собравшихся позади эмблемы корабля, выполненной в виде свирепого льва, которая венчала нос судна, с легкостью взобрался на неё с подветренной стороны, отбросил назад фалды своего камзола и облегчился. Во время сражения никто не сможет покинуть свой боевой пост, поэтому опытные матросы проделали то же самое, но не так явно и чуть подальше, удерживая равновесие на огромном якоре, крепко вцепившись руками за борт. Вечером, после ужина в каюте, воспользовавшись тем, что дон Карлос де ла Роча решил взглянуть, что происходит на палубе, его помощник решил угостить юных курсантов и некоторых офицеров, попутно разъяснив им, что привело их всех сюда. В конечном счете, если быть объективным, англичане имеют свои мотивы для злости. Во время последней войны, до того, как из-за бездарности адмирала Гордоба

Испанию унизили при Сан-Винcente, пока её эскадра еще не впуталась ни в какие гадости, адмирал Мазарредо уже заявлял королю (это стоило ему впоследствии отстранения от должности) о плачевном состоянии Королевского флота: в 1796 году испанские моряки уничтожили английский арсенал оружия в Буле и Шате, сравнив с землей острова Мигель и Сан-Педро, пустив ко дну и захватив сто тринадцать кораблей Его Высочества короля Британии Георга IV, и, в завершение, „San Francisco de Asis” сделал отбивную котлету из четырех английских фрегатов, которые напали на него в бухте Кадиза, уж не говоря о взбучке, устроенной самому адмиралу Нельсону, когда он устроился попить чаек в пять часов по полудню, как это принято у англичан, в Тасида-де-Плата². Вскоре, взамен отданного острова Тринидад, был заключен мир, возвращена Мальорка, но Наполеон всё продолжал подталкивать Испанию к новой войне. Чтобы дело не дошло до требований отставки губернаторов Малаги, Кадиза и военного коменданта

---

² Тасида -де-Плата — название местности, дословно означающее „Серебряная чашечка”. Намек на английскую традицию пить чай в пять часов, традиционное английское „файф-о-клок. ”

провинции Алгесира и, кроме того, о компенсации убытков, пришлось прекратить вооружаться, распустить ополчение и передать французам базу в Эль Феррол, разрешить им разместить гарнизоны в Бургосе и Ваядолиде, а также дать согласие на проход двух французских армий для нападения на Португалию и Гибралтар. Это уже было заискивание. В течение какого-то времени Годой взывал о помощи к церкви, компрометируя и унижая этим Его Величество короля, взамен он получил обязательство платить Франции шесть миллионов субсидий ежемесячно, но это предмет длинного разговора. Договор был секретный и, в конце концов, удалось сохранить нейтралитет Испании. Ясно одно. Петит Каброн желал огласки, и она не замедлила случиться. Англичане не стали вопить и жаловаться, откладывая дело в долгий ящик, они без объявления войны захватили у мыса Санта Мария два испанских фрегата: „Santa Florencia” и „Santa Gertrudis”, а вскоре пустили ко дну „Mercedes” (вместе с женщинами и детьми на борту), потопили „Medea”, „Fama” и „Santa Clara” со всеми сокровищами, которые они доставляли из Лимы, чтобы уплатить субсидии Франции. На закуску англичане напали на „Matilde”

и „Anfitrite”, когда те вышли из Кадиза, направляясь в Америку. Так что Наполеон потирал руки, радуясь, а Годую, принуждаемому возмущенным народом, ничего не оставалось, как объявить войну господам англичанам и передать испанскую эскадру в распоряжение Франции.

— Вот мы и находимся здесь, — подвел итог помощник капитана.

— Ты уже помочился? — спросил Фатас, застегивая пуговицы камзола.

— Еще нет, мой командир.

— Давай выдавливай. Давай. Не изображай здесь взлом сейфа, полного денег.

Подчиняясь, гардемарин перекинул ноги через планшир, взобрался на внешнюю обшивку судна, уперся коленом в жерло пушки, чтобы при качке не свалиться в воду, откинул полы зеленого с красными отворотами камзола и раскрыл ширинку трусов. Англичане были так близко, что могли разглядеть его работу. Испытав облегчение и вернувшись обратно на палубу, он не мог оставить беспокоившие его мысли о том, что через четыре или пять часов ему

приспичит опять. Фалко весь покрывался потом, вспоминая, как это случилось во время схватки при Финистерре, где „Antilla” потеряла фок-стенгугу и уже имела одиннадцать убитых и тринадцать раненых, а он помогал спускать в трюм одного артиллериста и слышал крики других покалеченных. Когда он вернулся на свое место и посмотрел в направлении наветренной стороны, то разглядел британскую эскадру, которая продолжала движение в пока еще кажущемся беспорядке, хотя уже начинали вырисовываться два параллельных строя, нацеленных перпендикулярно линии франко-испанских кораблей. Это впечатляло. На занятиях в академии, которые еще были свежи в его памяти, им преподавали навигацию по краткому курсу Хорхе Хуана, наведение орудий по учебнику командора палубной артиллерии дона Косме Чуррука и тактику по Мазарредо, и всюду писали, что традиционно во время морского боя две вражеские эскадры движутся параллельно, ожесточенно паля друг в друга из всех стволов, потом одна из них ломает строй врага, чтобы вести по нему перекрестный огонь, и этот ход был в такой же моде, как накладная родинка уже отошедшей в мир иной Марии Антуанетты. Но, по

комментариям офицеров, эта новая тактика Нельсона изменила пейзаж. Это называли приёмом Нельсона. Или нечто в этом духе. Всем капитанам кораблей, вышедших из Кадиза, включая командующего адмирала Вильнев, было передано предупреждение, что в случае боя противник, вероятно, попытается разбить строй судов союзного флота или окружить арьергард, сосредоточив весь огонь артиллерии на судах, оставленных без поддержки. Это было просто, как дважды два. Общеизвестна была и эффективность артиллерии на большинстве кораблей Британского флота. Поэтому, чтобы подстраховаться, французский адмирал предупреждал, что, если бой завяжется, когда еще не рассеялся утренний туман, и ни зги не видно, „судно, не участвующее в артиллерийском бою, не должно оставаться неподвижным”. Дословно. Это демонстрация невообразимой глупости. Напоминание лысому о его лысине. Или, еще грубее, советы кобелю о том, что ему делать с его членом. И, как Фалко слышал в Кадизе комментарии лейтенанта дона Рикардо Маке, командира первой батареи, эти французики ничего не смыслят в тактике морского боя, и поэтому, кабальеро, только представьте себе, что нас ждет

впереди. Проклятие. Англичане рассекут наш строй, как нож разрезает яйцо. Это уж точно. Так что лучше сразу исповедуйтесь.

— Зачем же мы выходим в море? — спросил кто-то из слушавших его.

— Да все потому, что дон Мануэль Годой Алварез де Фариас бросился к королеве, и та в результате надерзила Наполеону. Оппа! После этого Император отдал приказ Вильнев выйти в море, если тот не хочет отправиться в ссылку.

— А что на это ответил Гравина?

— Наш сеньор адмирал Гравина — человек чести и кабальеро. Оппа! Он получил приказ. И проглотил язык.

Это было тем более обидно, что дон Федерико Карлос Гравина Наполи, сорока девяти лет от роду, был уважаемым моряком и до сих пор пользовался авторитетом, имел заслуженный послужной список: он сражался с алжирскими пиратами, штурмовал крепость Сан-Филипе, атаковал неприступные бастионы Гибралтара и был ранен, получив удар саблей по лицу, во время высадки на берег Оран и

Санто Доминго при героической обороне Тулона. При этом он был настоящим кабальеро. Некоторые могут заметить, что Гравина слыл чересчур учтивым придворным. Хитрый малый, вращающийся при дворе его Величества, типичная фигура, иллюстрирующая нравы офицеров Королевского флота, многие из которых (и это правда) были универсально образованны и подготовлены лучше других морских офицеров своего времени: астрономы, картографы, математики, инженеры, авторы книг, переведенных на английский и французский, воспитанные в духе самопожертвования и сформировавшие характер в сражениях и научных экспедициях, последние наследники морских традиций Патиньо, Энсенада, Флоридабланка и бурбонской Испании XVIII века. На флоте Гравина уважали. К тому же он был хорош собой и прекрасный танцор. Но были в Королевском флоте и другие люди, выполнявшие специфические задачи, такие, например, как адмиралы Мазарредо и Эсканьо. Они были теми профессионалами, которые ходили в дальние походы. Танцевали они ужасно. Это точно. Эсканьо на самом деле был грубым, закаленным в плаваниях моряком, но также одним из

лучших командиров на флоте, признанным специалистом по тактике ведения морского боя. Но сейчас ему доверили быть лишь помощником на борту „Principe de Asturias”, как, впрочем, и в сражении при Сан-Винcente, когда англичане задали испанцам взбучку. И почему, спросите Вы. Ответ простой: призывали командовать флотом наследников знатных фамилий, этих неоперившихся птенцов.

Другой адмирал — дон Хосе де Мазарредо, отличившийся составлением превосходных планов сражений: четырежды он выручал франко-испанские эскадры во время их операций в проливе Ла Манш, организовывал повторную высадку экспедиционного корпуса в Алжире, защищал Кадиз и Брест во время английской блокады, редактировал военно-морской Устав, написал пять трактатов по кораблестроению, навигации и тактике. Все и так ясно. Мазарредо терпеть не мог французов и, кроме того, раньше кого-бы то ни было, раньше короля, прежде Годоя и его министров пятьдесят раз заявлял о плачевном состоянии флота, что, дословно, звучало: „в случае войны нация наденет траурное платье”. На эти высказывания последовала официальная реакция:

сослать Мазарредо. И пока этот шестидесятилетний муж находился в ссылке, созерцая диковинных мушек и зверьков, другие капитаны совместной эскадры, шедшие на кораблях под испанским флагом, в их числе и дон Карлос де ла Роча, хранили в душе надежду, что ситуация находится под их контролем, и 21 октября в море напротив мыса Трафальгар все начнет меняться к лучшему. Но случилось то, что случилось. Ни Мазарредо, ни Эсканьо, а именно Фредерико Гравина, которому благоволили король и королева, ходивший в любимчиках у Годоя и имевший близкие контакты с французами и их морским министром Декресом, был назначен первым заместителем Вильнев, чтобы он, со свойственными ему тактом и сдержанностью, угождал союзникам и Наполеону, не дай бог, не задев их самолюбие.

— Побольше вазелина, дорогой дон Фредерико. Не жалея вазелина. Понятно?

Тем не менее став на якорь в Кадизе после битвы при Финистерре, когда французская эскадра с трудом вышла из — под огня неприятеля, а испанцы вынесли основную тяжесть боя на себе, Гравина,

невзирая на выгодную должность, и, будучи неглупым человеком, имеющим понятия о чести, прибыл, возмущенный в Мадрид, чтобы поговорить с Годоем. Но, как ни старался Гравина (*tuti, jodeti, etcetereti*), переубедить его сиятельство было невозможно. Фаворит королевы Марии Луизы де Парма имел свой интерес. Наряженный в камзол с галунами и щегольские панталоны, Годой дал ему два длинейших наставления, разглагольствуя о дисциплине и любви к Родине, указав, что Вильнев является правой рукой министра Декреса, и ясно дал понять, что пока Петит Каброн будет в Европе тем, кем он является (и уже давно), испанцам не остаётся другого выбора, как быть послушной овечкой. Слушаюсь, масса, как говорят негритянские невольники, когда их продают в Америке.

— Надеюсь на твою деликатность и благородство идальго, адмирал. А также на достоинство и дисциплину командиров и офицеров. Напомни им, если будет необходимо, о иберийском духе, доблести и тому подобном. Колумбе, Элкано, Лепанто... . Сам знаешь. И то, и другое. И не забывай о вазелине.

После этого Гравина был удостоен аудиенции у короля и королевы, которые, дабы подсластить пилюлю, прежде чем отослать его прочь, долго обнимали, похлопывали по спине, приговаривая, что Европа смотрит на Испанию с надеждой, в общем: за нас, за вас и за славу Испанского флота. Идите, адмирал, с Богом, чао, и бедный Гравина вернулся в Кадиз абсолютно измученным. Ужасно страдая. Подводя итоги: судьба Испании оказалась в руках мерзкого сутенера из Мадрида и еще одного придурка в Кадизе, при этом не стоило даже частично возлагать надежды на привычное благоразумие Чуррука, Эсканьо и Киснерос. Спасти уже не могла даже Пресвятая Дева Мария.

— Кабальеро, вы уже составили завещание?... Нет? Поторапливайтесь, коррида начинается. Своё я уже написал.

Риторический вопрос: почему шли в бой, не имея надежды на победу? Оставим его без ответа. Шли под бой барабанов и мелодию волынки. На отличных кораблях, с хорошо подготовленными командирами, но без единого командного духа. Против беспощадного и вымуштрованного, как

хорошо отлаженный механизм, неприятеля, мотивированного, с железной дисциплиной: в команду набирали моряков и пиратов, знающих, что тот, кто господствует на море, владеет всем миром. Безжалостные и лишенные сантиментов профессионалы. Поэтому экипажи английских кораблей были лучшими. Так складывался дух войска. В воздухе висело предчувствие приближающейся катастрофы, все, до последнего юнги союзного флота, знали, что защищаясь в Кадизе, как это уже было в 97-м году, флот обязательно измотает англичан длительной осадой, но выходить в море сейчас в поисках открытого боя — безрассудство, которое приведет к неминуемому краху. Неужто нужно было рассуждать как безумец, описанный Шекспиром, который твердил: быть или не быть. В испанской версии это звучало: выходить в море или не выходить. Смысл всех этих маневров Карлос де ла Роча раскрыл своим офицерам на военном совете, который он решил собрать два дня тому назад в кают-компани „Antilla”. Долг обязывал его разъяснить смысл происходящего прежде, чем их прикончат.

— Только не смейтесь, черт подери. Наполеон решил высаживаться в Британии.

В действительности план был неплох. На бумаге, конечно. Согласно смыслу договора Сан-Ильдефонсо и парижским договоренностям, Испания должна была не только снять с себя последние штаны, но и участвовать совместно с Францией в военных операциях против англичан деньгами, солдатами и кораблями. Для высадки на Альбион Наполеону нужно было на пять — шесть дней завладеть Ла Маншем. Хитрость союзников состояла в том, чтобы ошарашить британцев, проведя разведку боем на Антильских островах, выманив туда Нельсона. Обманув этих морских петухов, франко-испанская эскадра поспешно вернулась в Европу для того, чтобы напасть на корабли, блокирующие Эл Феррол, Рошфор и Брест, освободив зажатые там суда. Вскоре, собрав эскадру в составе шестидесяти боевых кораблей и нескольких фрегатов, Вильнев собирался, как тигр, перепрыгнуть Ла Манш, чтобы поддержать высадку в Британии с острова Тексель и из Булоньи сташестидесятитысячной армии, приготовившейся форсировать пролив на двух тысячах десантных

кораблей. В этом безупречном плане Наполеон, как обычно, учел все детали. Ему требовалось лишь сорок восемь часов. Сорок восемь часов господства в проливе для высадки на английский берег нескольких дивизий, после чего можно было бы считать дело решенным. Но, будучи всегда эффективным на суше, он не имел понятия, как ведутся боевые действия на море. Его грандиозный план не учитывал непредсказуемости погоды, эту непостоянную фортуна морских сражений. Кроме того, морская эскадра нуждалась в подобном ему решительном и авторитетном командующем. Все знали, что Гравина — человек адекватный, но он был испанцем, и ему, как испанцу, в голову не приходило брать на себя ответственность за наполеоновские планы. Так Наполеон принял совет министра Декреса и назначил командующим флотом рекомендованного ему адмирала Вильнев: капитана корабля (он обратил на себя внимание во время осады Мальты), но нерешительного и неспособного руководить флотом командующего. Например, в битве у острова Абукир, где Нельсон набил морду Императорскому флоту, он командовал французским арьергардом и проявил себя безучастным и неподвижным, словно бревно.

Развивая мысль дальше, в рапортах Морского министерства указывали, что на адмиральском мостике он испытывал недостаток самообладания и не прислушивался к чужим советам. Вел себя как настоящий самодур.

— Куда класть штурвал, мой адмирал, на левый или правый борт?

— Сам решай.

— Я вращаю влево

— Ты что, придурок?!

— О, святая Мария.

Но еще прежде до всех событий была предпринята экспедиция к американскому континенту. После удачного прорыва из Кадиза Гравина разбил осаждавших город англичан и, вопреки вмешательству Годоя, вышел в море, где, объединившись с эскадрой Вильнев, совершил скрытый бросок на Мартинику, взял штурмом форт Эль Диаманте, по пути захватив британский торговый конвой, груженный ромом, сахаром, кофе и шелком. Это было так неожиданно, что капитаны

английских кораблей поверили в происходящее только после шуточки, которой в этой истории запомнился бригадир плотников „Antilla” Хуан Санчес Гарлопа, по прозвищу Фуганок, родом из провинции Чипиона, выкрикнувший им из орудийного порта:

— Эй, аргонавты, настало время причесать вас рубанком!

После чего англичанам вlepили затрещину из орудий и мортир, заставив спустить флаги.

Плохо то, что с той поры Вильнев перестала сопутствовать удача. Возвращаясь в Европу вдоль ревуших сороковых широт, он столкнулся с сильным встречным ветром, эскадру сильно потрепало, она отклонилась от курса и, вместо того, чтобы прийти в порт Эль Феррол, 22 июля встретилась у мыса Феррол с английской эскадрой под командованием адмирала Калдера: „бум, бум”. Двадцать французских и испанских кораблей против четырнадцати или пятнадцати английских, выстроившись в линию, со средней дистанции и в густом тумане палили друг в друга. И пока „Firme” и „San Rafael” с девяносто шестью убитыми и более

чем двумястами ранеными на борту, с перебитыми мачтами, изрешеченных выстрелами, с упавшими парусами, не позволявшими батареям вести огонь, порывами ветра относило в сторону англичан, Вильнев пребывал в нерешительности, а французские корабли, строй которых проходил позади испанских, не пошевелили и пальцем, чтобы прийти им на помощь, и все целиком продефилировали с наветренной стороны, уклонившись от боя. В результате „Firme” и „San Rafael” после изнурительной борьбы были окружены и в девять вечера вынуждены были спустить свои флаги.

— Должны были сдаться, сынок. Нас обложили со всех сторон, будто осьминог охватил всеми своими щупальцами.

— А что мы? Не могли высвободить хотя бы одну руку?

— Не думаю, что могли. Во всей этой неразберихе каждый сделал все, что смог.

— А что случилось с французами?

— От них не осталось и следа. по-видимому, отложили свой „jour-de-glear”³ на потом.

Об этом узнали только утром, когда на рассвете оба корабля показались на виду объединенной эскадры, буксируемые захватившими их англичанами, в то время, как Вильнев, невзирая на умоляющие жесты и

негодование испанских моряков, отказался выручать их, и гардемарин Гинез Фалко (который днем раньше прошел боевое крещение на том же месте верхней палубы „Antilla”, с которой тремя месяцами позднее наблюдал уже за британской эскадрой адмирала Нельсона), как и многие его товарищи, плакал от возмущения и ярости, взирая, как удалялись, обложенные со всех сторон англичанами, два потерпевших неудачу испанских корабля, пока адмирал Вильнев и члены команд французских кораблей издали с большой опаской почесывали себе яйца.

---

³ День победы (фр.)

— И кем после этого считать этих французских трусов?

— Подлыми предателями.

— Ты верно так думаешь?

— Поклясться в этом именем моей матери!?

Начиная с этого дня испанцы разочаровались в Вильнев, утратив веру во французов и в самих себя. В итоге, после захода в порт Видо, вместо того, чтобы стараться исполнить уточненные приказы Наполеона и уйти на север в пролив Ла Манш, французский адмирал повернул на юг, заперевшись в Кадизе. Точка. Когда Наполеон узнал, что весь его план пошел коту под хвост, что эскадра находится не в Бресте, как он замыслил, а черт знает где, в совершенно другой части Европы, он пришел в ярость. С недоверием глядя на карту, багровея от негодования, Император осыпал проклятиями придурка, разрушившего его блестящий план. Замысел вторжения в Британию откладывался на неопределённый срок. В своё оправдание Вильнев без зазрения совести во всем произошедшем обвинял испанцев, но переубедить Наполеона уже не мог (в

эскадре у Императора был «свой» человек в должности старшего офицера, который в каждом своём донесении оскорблял Вильнев), и ему было велено отправляться за дальнейшими рекомендациями к министру Декресу, где уже лежала известная резолюция Наполеона:”Всё доказывает что Вильнев неудачник. Жаловаться на испанцев он не имеет оснований... Они сражались, как львы, Гравина проявил себя с лучшей стороны”. А вскоре, как человек практичный, Наполеон решил, что если уж этот глупец нашел прибежище в Кадизе, чем развеял в прах его планы на день Д и час Н, то пусть отправляется в Средиземное море на соединение у Картахены с испанской эскадрой Салседо и совершит с ним набег на неаполитанский берег, ошарашит итальянцев видом своих знамен. И, если, выйдя из Кадиза, этот осел встретится с англичанами, что весьма вероятно, то пусть сразится с ними. А еще Император просил министра передать Вильнев, что, если тот задержится с выходом в море, то он лично сорвет с него адмиральские эполеты и пошлет драить гальюны всей наполеоновской армии от Бреста до русской границы.

— Подстегни его, Декрес. И все же, мне еще не до конца ясно, твои рекомендации были предательством или только глупостью.

Это было то, о чем думал гардемарин Гинез Фалко (с учетом его возраста и уровнем располагаемой им информации), пока на корме на палубе юта бой барабанов извещал о боевой тревоге, капельмейстер трубил сигнал на латунной дудке, юнги заканчивали рассыпать на палубе песок, и английская эскадра, уже явно выстроившись в две колонны, двигалась под всеми парусами в направлении франко-испанской линии кораблей.

Фалко взглянул на Фатаса. Тот стоял, прислонившись к распорке фок-мачты, слегка согнув колени, чтобы смягчить колебания подзорной трубы при качке и разглядывал сигналы, которые только что флажками подали с флагманского судна адмирала Вильнев, а чуть позже повторили на рангоутах фрегатов и яхте, которые расположились вдоль всего строя кораблей. Фатас беззвучно шевелил губами, будто про себя читал шифровальную книгу, затем закрыл подзорную трубу, протер глаза, удивляясь происходящему, и

направился в сторону кормы, где в этот момент находился дон Карлос де ла Роча, лицо которого выражало такое же изумление. Ветер был слабый, и помощник капитана, глядя на вымпел на мачте, определил его силу и направление, а после просчитал в уме координаты судна и его траекторию движения.

— Разворачиваем судно одновременно со всем строем в обратном направлении, курс на север, — в конце концов громким голосом повторил Фатас полученную команду.

Гинез Фалко обменялся с ним мимолетным беспокойным взглядом, краем глаза заметил нахмурившиеся брови боцмана Фиерро. Команда с „Vucentaure” и впрямь гласила, что все корабли союзной эскадры, которые сейчас шли в южном направлении, должны были развернуться на север, при этом авангард менялся местами с арьергардом. по-видимому, в котелке у Вильнев перемешалось все, что отложилось в нем со времени его учебы в академии, хотя этот маневр и имел сегодня свои положительные и отрицательные стороны: в случае отступления Кадиз находился бы по галсу с подветренной стороны, но одновременно противнику

демонстрировалось, что адмирал франко-испанской эскадры является беспомощным трусом, который уже до начала сражения подготавливает себе путь к бегству. Это еще больше воодушевило англичан. Но не это было самым плохим. Каждый матрос, даже с минимальным опытом (включая гардемарина Фалко), знал, что разворачиваться на глазах противника, когда вот-вот будет открыт огонь, да еще при слабом ветре, маневр крайне рискованный, опасный тем, что придётся сражаться в беспорядке, без шансов восстановить боевой строй. В каком-то смысле лучше других охарактеризовал ситуацию боцман Фиерро, которому дон Хасинто Фатас только что приказал взять в свои руки команду над людьми, изготовившимися разворачивать корабль, как только поступит приказ с капитанского мостика.

— Уж и зададут нам сейчас трепку, — сквозь зубы вымолвил Фиерро.

4. Пушечное мясо

Маррахо Санчес, насильно завербованный на корабль три дня назад в Кадизе, ощупал складной

нож, спрятанный у него в задней части пояса. Он поклялся себе, что прежде, чем вновь вернется на землю, если такое когда-нибудь случится, вонзит его в спину одного известного ему офицера. При этом Маррахо сложил вместе указательный и большой пальцы правой руки и тайком поцеловал их. Нет, не в спину кого угодно (никто даже представить себе не мог, что такое может случиться на боевом корабле), а именно под лопатку дону Рикардо Маке, который только что на его глазах спустился на свой пост на первой батарее. Сукин сын. Полное дерьмо. На самом деле Маррахо не был моряком. И даже близко им не был. Он никогда не состоял в списках ни одного морского экипажа или рыбацкого судна, или нечто подобного; именно по этой причине, невзирая на то, что восемь месяцев назад ему исполнился тридцать один год (хотя полной уверенности в дате его рождения не было), его внесли в список экипажа как юнгу „Antilla”, точно так же, как других, тоже завербованных против их воли. И хотя, несмотря на свои годы, он никогда не ступал на палубу военного корабля, но как уроженец Барбате⁴, знал о море

---

⁴ Барбате — портовый испанский город.

достаточно. А в Кадиз заявился, чтобы заниматься контрабандой водки и табака, играть в карты, развлекаться с женщинами и творить прочие гадости. Все это, разумеется, до того, как пикет вербовщиков во главе с лейтенантом „Antilla” Маке (в шляпе, обшитой двумя лентами, синем камзоле с золотыми эполетами и пуговицами, статный, высокомерный и очень агрессивно настроенный) ворвался вместе с судебным приставом в таверну под названием "Падшая курочка", где в то время расслаблялся в меру пьяный и сытый Маррахо, и его вместе с четырьмя другими неудачниками, не обращая внимания на их протесты и препирательства, уволокли силой с собой. Сейчас весь ужас состоял в том, что с находящегося вдали от берега, в этом бескрайнем море, корабля, не было никакой возможности сбежать или скрыться.

— Всем заткнуться!... Крепить бизань! Все наверх!

На корме на палубе юта, звучали властные голоса офицеров, а боцманы и гардемарины, надрывая легкие, передавали их команды с кормы на нос.

— Давайте, шевелитесь, тупицы! Двигайте задницей прежде, чем вам её подпалят англичане!

Солдаты и артиллеристы бегали, шурша босыми ногами по песку, рассыпанному на деревянной палубе, юнги крепили фалы, подтягивали брасы и выбирали шкоты, скользя по реям и маневрируя среди парусов; туда же, где они не справлялись, взбирались бывалые матросы, вразумляя непонятливых новичков затрещинами и тычками.

— Что вы тут, неповоротливые увальни, вцепились в ванты? Качки испугались?

Бизань, пока её поднимали наверх, полоскалась на ветру с незакрепленными веревками (или шкотами, или как там их еще называли), издавая нечто похожее на звук „флап, флап, флап”. А в это время команда, в которую входил Маррахо, и которой достался грот, уже собралась на шканцах позади огромной грот-мачты, выкрашенной в желтый цвет. „Рииик, раак” — скрипел корабль, словно обделавшись от испуга.

— Подтянуть рифы на гроте, отпустить булини марсея!

Все это было для Маррахо словно китайская грамота. Новобранцы внимали наставнику бригады Онофре, показывающему нужные концы, за которые следовало тянуть снасти. Глядя на ветеранов, они старались понять смысл того, что им следовало делать, проклиная все на свете и едва сдерживая ругательства (строго наказываемые на всех испанских кораблях, а особенно на этом), когда вырвавшаяся конопляная веревка, обжигая руки, сдирала с них кожу.

— Брасопить реи грота и марселя с наветренной стороны, — прокричали с кормы.

Онофре повторил команду. Маррахо промедлил, но наставник подтолкнул его к свободному концу веревки, которую нужно было накрепко соединить с другим концом.

— Давай, тяни, деревенщина, тяни сильнее! Так, так, поглядим, как удастся развернуть эту проклятую посудину. Пошла! Пошла, мать её! Смотрите!

Задача состояла в том, чтобы развернуть всю эскадру курсом на север. Для этого необходимо было

раскрутить корму, потому что ветер был слишком слаб, чтобы поворачивать носовой частью корабля.

— Вам понятна команда? Я не вижу этого! Вы, мерзавцы, понимаете только плетку. Тяните! Тяните наверх! Первый помощник смотрит на вас. Подтянуть шкоты грота! Крепить концы грот-марселя!

Пот тёк ручьем по длинным, черным, вьющимся волосам Маррахо, под грязной курткой, расстегнутой на груди, он взопрел как свинья. Сквозь зубы он слал проклятья всем на свете. От этой каторжной работы Маррахо уже задыхался, не соображая, что и для чего он здесь делает. По крайней мере, в отличие от соратников, которых все эти два дня выворачивало до внутренностей (как его кума и дружка Курро Ортего, прильнувшего к краю борта и блюющего бурдой, галетами и дрянным вином, которыми их кормили и поили на ужин и на завтрак), его до сих пор не мучила морская болезнь, хотя сейчас, во всей этой суете, Маррахо ощущал позывы к рвоте в желудке. Он старался держаться (помня о ноже, хранящемся за поясом), чтобы его не вытошнило от качки. Дельце, которое он намеревался совершить,

требовало ясной головы. Чтобы отвертеться от призыва, он долго спорил с офицером, прикидывался жертвой обстоятельств, аргументируя свой отказ тем, что в Барбате у него больная жена, старуха мать и семеро малолетних детишек, но его гнилая сущность была явно видна и не смягчила сердце Рикардо Маке. А почему? Чтобы он делал, если действительно у Маррахо была бы жена, мамаша и куча молокососов, откуда эта офицерская сволочь знает, правда это или ложь? Сукин сын. Вдобавок, он знал, что, независимо от этого, его все равно загребли бы из-за его физиономии, как это случилось с его кумом и приятелем Курро, и еще с одним, женившимся недавно беднягой, свихнувшимся этой ночью и убитым, словно собака, или еще с одним несчастным нищим, который просил милостыню у ворот церкви (по правде говоря, он только изображал хромого, а на самом деле был полностью здоров), когда проходящий мимо патруль, схватил их. Ты нужен Родине, и далее вся эта дребедень. Но сейчас все эти пошлые шуточки о Родине закончились, во всяком случае, для бедняги Маррахо, для молодожена и для бродяги попрошайки (даже не успевшего набросить на себя свои лохмотья). Закончились они и для его

друзжка Курро, который тоже попался в лапы облавы, и у которого сейчас выворачивало наизнанку желудок, что казалось в нем, словно в пустом горшке, не останется ни капли влаги.

— Как ты, Курро, жив?

— Ужас... Уаааг

Чтобы не видеть всю эту картину, и не ощущать тошнотворный запах, Николас Маррахо задрал вверх голову и увидел над собой огромную пеструю поверхность паруса, позолоченную лучами утреннего солнца. А, тем временем, английские паруса, скопившиеся на горизонте по их правому борту, и подгоняемые слабым ветром, начали неспешно перемещаться в направлении кормы „Antilla”.

Маррахо никак не мог уловить никакого смысла в том, что объяснял Онофре, но ему было очевидно, что нос корабля разворачивается с юга на север. Со смутным чувством облегчения, он подумал, что там на севере находится Кадиз, а бросив взгляд вокруг, убедился, что суда всего союзного флота в сумбурном порядке совершают подобный же вираж. У одних это получалось лучше, у других хуже, но и

прежде несовершенный строй сейчас и вовсе превратился в беспорядочный зигзаг с хаотичной ориентацией кораблей по ветру.

— Крепить брасы!... Освободить концы!

Маррахо и его товарищи смущенно переглянулись и помаленьку, повторяя действия ветеранов, начали выполнять команду. Многие морские пехотинцы и солдаты сухопутной армии, взятые на борт в качестве стрелков, те, кого укачало меньше других, подстегиваемые окриками сержантов, пришли в себя. «Эпа, йаа! Эпа, йаа!» Накануне, на рассвете, не имея при себе никакой теплой одежды, насквозь промокшие и ооченевшие от ночной сырости, сбившись в кучу у основания мачты, словно напуганные овечки, они с тоской слушали наставления Онофре, уроженца Малаги, прослужившего много лет на флоте и, по его словам, участвовавшего в боях за Тулон, в кампании на Карибах и в битве при Финистерре, который разъяснял новобранцам, рекрутам и солдатам, что им надлежит делать с парусами в случае, если ветер дует с наветренной или подветренной стороны, и как поведет себя при этом корабль. Это не одно и то же

— встретить неприятеля с подветренного или наветренного борта, но во всем есть свои положительные и отрицательные стороны. Например, находясь с подветренной стороны, можно использовать пушки нижней батареи, потому что наклон судна к противоположному борту препятствует попаданию воды в орудийные порты; также судно, потерявшее мачты или с пробитым корпусом, имеет шанс покинуть арену морского сражения и укрыться позади своей эскадры, в то время, как поврежденные и беззащитные вражеские корабли ветер сносит в направлении пушек противника, и он может легко добить их; а если дела совсем плохи, то вся эскадра, умело используя попутный ветер, может улизнуть с поля боя подбру-поздорову. Послав прощальный поцелуй и *adios, orrevuar, goodbuy*. Но знайте, парни, что для неприятеля попутный ветер — это больше, чем ветер, ведь находясь с наветренной стороны он может безнаказанно атаковать в свое удовольствие в любом месте, в то время как его противнику с подветренной стороны остается лишь ждать, пойдет ли враг на сближение, на абордаж или разобьет строй; возрастает и угроза пожара, потому что проклятые

искры и пламя, вырывающиеся из собственных и вражеских орудий, поднимаются вверх (и это настоящий кошмар), кроме того, выжигает глаза от дыма своих и чужих батарей. Ужас, да и только! Корабли, атакующие с попутным ветром, без сомнения, имеют больше возможностей для маневра, ветер несет дым и искры в лица их неприятеля и позволяет лучше разглядеть цели для стрельбы. С наветренной стороны все чистенькие, опрятные, а с другой — чумазные как черти. Вдобавок, корабли, находящиеся с наветренной стороны, могут уйти в бейдевинд, и затем пройти против ветра, что дает им возможность выйти из-под огня противника, а если пожелают, могут нападать, выбрав способ, место и время атаки.

— Поняли вы эти премудрости или нет, не имеет значения, — завершил свои наставления Онофре, — Одно скажу, молитесь, чтобы утром эти английские собаки не появились с наветренной стороны.

— Идут эти сукины дети! Идут с наветренной стороны.

Онофре сплюнул за борт и, прищулив глаза, посмотрел на английские паруса, которые медленно приближались, подгоняемые попутным ветром. В это время Николас Маррахо со своим приятелем Курро и другими членами их бригады с помощью морских пехотинцев освобождали шканцы и помогали спустить на воду шлюпку, лодку и ботик, закрепив их буксиром за кормой, чтобы неизбежные артиллерийские снаряды не превратили их в щепки, которые будут представлять из себя дополнительную опасность на палубе.

— Что-то ты неважно выглядишь, приятель, — вымолвил Курро.

— Кто-то за это заплатит, — ответил Маррахо, сопровождая взглядом удаляющегося Маке, и подумал: — Еще будет время поквитаться.

Произнося эти слова, Маррахо представил себе спину ненавистного ему офицера. А сейчас вместе со всей бригадой во главе с Онофре, только что повторившему громким голосом приказ подошедшего к ним боцмана Кампано, он озаботился тем, чтобы каждая лодка, спущенная на воду, была снабжена пластинками из свинца, затычками, паклей,

замазкой, кусками кожи, гвоздями, шпильками и инструментом для ремонта корпуса корабля снаружи, если в разгар боя это понадобится. С неохотой Маррахо подчинился, он все время старался увильнуть от работы и только, когда боцман или наставник устремляли на него взгляд, пригибался и изображал, что занят делом. На самом деле Маррахо маниакально продолжал обмозговывать план мести лейтенанту Маке, насильно забравшему его из таверны.

— За то, что эта свинья закинула меня в это дерьмо, как только начнется неразбериха и представится случай, я выпущу из него кишки, — думал он.

— Курро, как таскать все это барахло?

— Нежно.

— Что значит нежно?

— Нежно и означает нежно.

Пока его товарищи под пристальным взглядом Онофре разматывали бухту каната, к которому были прикреплены лодки, Маррахо осмотрелся вокруг и

разглядел, как вопреки отсутствию ветра, корабли союзной эскадры заканчивали разворот в северном направлении.

— На Кадиз, — с облегчением зашептали все вокруг.

Но на душе у Маррахо было мрачное предчувствие. Англичане были намного ближе Кадиза. Притом, что франко-испанский флот в попытке перестроиться, растянулся в хаотичную дугу длиной в морскую лигу, со сбившимися в кучу кораблями в одних местах и растянувшимися в других, ряд судов шли под всеми парусами, другие, уменьшив парусность, пытались дождаться отставших. Губительный беспорядок. Даже Маррахо, не имевший никакого понятия о тактике морских сражений, понимал это. Обычно две вражеские эскадры двигались двумя параллельными линиями, пока та, что находилась с наветренной стороны, идя с попутным ветром и пользуясь этим своим преимуществом, не решалась вломиться в ряды противника, после чего, сконцентрировав огонь своих батарей на окруженных кораблях, добивала их; однако, в редких случаях, атака предпринималась

прямо в лоб, перпендикулярно вражескому строю, разбивая его сразу и безоговорочно (этот маневр, безусловно, требовал решительности, мастерства и выдержки, ведь на подходе нападавший служил превосходной мишенью). Напротив, обороняющаяся эскадра должна была удерживать организованный прочный строй, круша противника из орудий, пока тот приближался, двигаясь вперед слабовооруженной носовой частью корабля. Но сегодня, даже для неопытных испанских моряков, было ясно, что англичане, которые после разворота оказались с левого борта „Antilla”, будут пытаться реализовать второй сценарий: разбить, разделить и окружить. Уже невооруженным глазом было видно, что выстроившиеся для атаки британские корабли (как оказалось, с Нельсоном во главе строя), нацелились ударить в центр союзной эскадры. Ветер был слаб, но англичанам хватало и его, чтобы идти на сближение, а вот для быстрого перестроения французских и испанских кораблей ветра явно не доставало. Было понятно, что союзная эскадра не успевает выстроиться в линию, чтобы встретить приближающихся англичан орудийным огнем, и что их строй имеет опасно большие промежутки, в

которые может вклиниться противник, разбить строй и взять корабли союзников под перекрестный обстрел. Несмотря на это, Маррахо все еще успокаивал величественный вид собственной эскадры с лесом мачт и парусов, подсвечиваемых только что взошедшим над горизонтом утренним солнцем, со сверкающими воронеными стволами пушками, уже выставленными из открытых бойниц, такелажем, натянутым слабым ветром и скрипящим над головой, укрепленной палубой и дубовым корпусом, качающимся под его ногами. Эта могучая военная машина казалась нерушимой, как и её собратья, шедшие спереди и сзади кормы „Antilla”, в ожидании неприятеля.

— Курро, посмотри на паруса.

— Ох, брат! Меня так тошнит, что нет сил терпеть. Уаааг!

„Шлёп, шлёп”. Маррахо глянул на жижу, которой его кума снова вырвало на влажные доски палубы, и вновь оценил складывающуюся ситуацию. В результате он решил, что командиры и офицеры знают свою службу и оценивают возможности приближающегося неприятеля. Рассказывали, что год

назад их капитан дон Карлос де ла Роча, этот невысокий, скромного вида, но чрезвычайно опрятный кабальеро с седыми волосами и прямой спиной, который только что обратился к ним с откровенной речью с капитанского мостика (что того, кто решит сдаться, расстреляют и т. д.), командуя фрегатом „Santa Irena”, вооруженного тридцатью восемью пушками, после пятичасовой битвы у мыса Санта Мария, заставил спустить флаг команду английского сорокапушечного фрегата „Casandra”. По свидетельству очевидцев, он не был склонен попусту рисковать. Скорее наоборот: религиозен, осмотрителен, неукоснительно придерживается Устава. Но хороший моряк и, при необходимости, готов сражаться. В случае с тем английским фрегатом вначале пробовал уклониться от боя, стараясь уйти от него в течение всего дня и последующей ночи, но, когда стало очевидно, что скрыться не удастся, приказал экипажу воздать молитвы Деве Марии, развернул корабль, и с верой в то, что члены его команды в этот раз будут на высоте, вступил в ожесточенную схватку. Также он вел себя в Гибралтаре, Тулоне и в сражении при Сан-Винценте. А совсем недавно, в битве при

Финистерре против эскадры адмирала Калдера, „Antilla” в полном тумане вела столь скорострельный и упорный огонь по „Winsdor Castle”, что изрядно потрепанный противник вынужден был покинуть поле боя со струящейся по палубе кровью, словно израненный Христос в терновом венце в страстной четверг. Это лишний раз свидетельствовало о том, что даже англичане со всем их опытом, дисциплиной и артиллерией, могут уступить в столкновении со сплоченным экипажем, во главе которого стоит грамотный и отважный капитан. И хотя это не было типичным случаем, но испанцы и французы не раз брали верх, как на суше, так и на море. Лично Нельсон, до его победоносного сражения в устье Нила, потерял правую руку при неудачной для него попытке захватить Санта-Крус-де-Тенерифе на Канарах и вынужден был уйти, поджав хвост. «Так что подходи, мистер, получишь еще одну взбучку. Банг, банг! Пустим тебе кровь, сукин сын, как в обычной испанской драке. *Yu understan?*⁵» Так думал Маррахо, глядя в сторону вражеских парусов, он терзался, не зная, на кого обратить свою злость: то ли

---

⁵ Искаженное англ. You understand.

воткнуть нож в спину этой офицерской собаке, одетой в форменный синий камзол, то ли сбить спесь с английских свиней, надавать по парикам этим *complaisants jusbands*⁶, или как там они именуются по-английски. Наконец он сделал для себя вывод, что хорошо бы успеть и то, и другое, пробравшись к оружейному порту.

— Не хватает бойцов на первой батарее. Нужны пять добровольцев.

Маррахо, не задумываясь, вытянул руку.

— Я согласен.

Первая батарея — это была фантастическая удача, ведь там находился этот дон Рикардо Маке. Все складывалось, как надо. К тому же он, как выходец из Барбате, хотя и был плохо знаком с морем, но вполне достаточно, чтобы понимать, что когда картечь и пули начнут сметать с палубы все подчистую, за прочным дубовым бортом „Antilla” на нижней батарее будет безопаснее, чем за

---

⁶ Искаженное англ: услужливым мужьям

незащищенными носилками (в свернутом виде они уже были прикреплены к фальшборту) и сетью, которую проворные, как обезьяны, юнги только что сняли с такелажа и растянули над палубой, чтобы защитить людей от обломков рей, шкивов, полиспаста, щепок, цепей, обрубков из стали и бронзы и прочей дряни, которая будет валиться сверху, когда начнется весь этот кошмар.

— Неужели ты разбираешься в пушках? — с подозрением спросил его Онофре.

— Да, это что-то вроде кувшина из чугуна.

Его, Курро Ортега (который, несмотря на непрекратившуюся тошноту, тоже поднял руку, подражая своему куму) и еще троих в сопровождении поднявшегося за помощниками артиллериста отправили на нижнюю палубу. Вслед за артиллеристом Маррахо пролез под огромным вздувшимся парусом грот-мачты и спустился по шкафутному трапу в подполье второй батареи корабля: тридцать 18-фунтовых орудий, расположенных по пятнадцать с каждой стороны и по всей длине борта закрепленные в твиндеках, которые пересекали перегородившие палубу опоры

мачт так, чтобы во время боя они не мешали друг другу; лебедки шкафута и кормы, а в глубине в направлении носа — камбуз с потушенной печью (как и все на судне, кроме фитилей артиллеристов и дежурных фонарей). Все было готово к бою: ящики полны ядер и книпелей, влажные запалы лежали в ганах с песком, команды артиллеристов, их помощники и прислуга собрались у орудий, а тем временем комендор и его адъютант спустились в пороховой погреб, чтобы расфасовать порох по картузам, после чего юнги приступили к раздаче зарядов командам орудий.

— Ну и гвалт здесь стоит, дружище, — вымолвил Курро.

Царившая на батарее суэта была невероятной, не укладывающейся в голове Маррахо: офицеры и командиры орудий во весь голос отдавали приказы, знающие свое дело бывалые артиллеристы с обнаженным торсом и повязанными на голове платками освобождали пушки от веревок и, используя качку корабля, выставляли их из скрипящих под тяжестью орудий бойниц, после чего сквозь открытые прямоугольные люки в трюм

врывался дневной свет, все двигалось как потный орущий муравейник, в липкой влаге от дыхания двухсот мужчин, теснящихся сейчас на второй батарее, это напоминало (и на самом деле так оно и было) гигантский гроб со стенами из дубовых и сосновых досок длиной в почти двести футов и шириной в пятьдесят. Длина и ширина „Antilla”. Хотя очевидно большая часть находящихся здесь не знали размера их корабля. Не догадывались они и о том, сколько времени им придётся провести здесь. На трапе, ведущем вниз на первую батарею, Маррахо столкнулся с каким-то неуклюжим типом с обезумевшими глазами, которого уже качало от удушающей жары и вони, проникающей из клоаки, где по щиколотку в воде вместе с крысами плескались такие же, как он, непривычные к морю несчастные и напуганные люди, страдающие от морской болезни и непонимающие, чего от них ждут, и которым морские артиллеристы и бывалые моряки (один на троих) пытались разъяснить их задачу. И их долг, о котором недавно на палубе говорил капитан. Долг, смысл которого едва ли дойдет до многих из них прежде, чем начнется бой, и они погибнут.

— Я полагал, что мы, кум, будем находиться немного повыше, — озабоченно пробормотал Курро Ортега.

По правде говоря, и сам Маррахо рассчитывал на это, прежде чем попасть на эту первую батарею, еще более темную и глубже расположенную, нежели вторая. Единственное, что здесь удавалось разглядеть, были двадцать восемь открытых орудийных портов, по четырнадцать с обеих сторон, в просвете каждого из которых четко вырисовывались огромные черные силуэты 36-фунтовых пушек. Вонь здесь была еще более удушающей, чем на верхней батарее. Под скрип судна, журчание воды вдоль его обшивки и сливающийся с этими звуками скрежет колес лафетов бригады артиллеристов загружали в жерла орудий заготовки снарядов и вскоре вновь выдвинули стволы из амбразур в борте. Среди почти трех сотен находящихся здесь мужчин уже обнаружился первый раненый: «ай, проклятие, моя нога!» — костерил все вокруг пострадавший рекрут, хныкая от боли и упав навзничь. Он не успел вовремя выдернуть босую ногу из под колеса пушки, да так и остался лежать с поломанной лодыжкой. И в центре

этого хаоса знающие свое дело морские и сухопутные бомбардиры, опытные моряки, прикрепленные к орудийным командам, способные сохранять трезвый рассудок даже в этом гвалте, сейчас они сортировали пушечные ядра, отделяя более круглые и менее ржавые, которые будут использоваться для первых залпов, проверяли кремниевые приспособления, запалы и фитили, обучали новобранцев, расставляя их по местам в боевых расчетах, а морским и сухопутным стрелкам показывали (два десятка полков из Кордобы, смешанные со стрелками из морской пехоты, под командованием усатых и пузатых сержантов), как тем выставлять из бойниц свои мушкеты и стрелять по вражеским артиллеристам, пока пушки после каждого залпа будут перезаряжаться, и когда во время схватки корабли сойдутся вплотную.

— Ты и ты, к тому орудью. Быстро!

Маррахо и Курро Ортега послушно обошли вокруг ворота основной лебедки и по открывшемуся проходу между людьми направились к четвертому от кормы орудью по левому борту. Десять парней уже суетились вокруг огромного ствола, удерживая его

на таях и пытаюсь вставить цапфу этого чугунного цилиндра на деревянный лафет пушки, при этом они должны были не попасть под удар, возникающий при качке корабля. Седой бригадир артиллеристов, у которого отсутствовали два пальца на правой руке, поправлял их легкими кивками головы. Его волосы были заплетены по старому морскому обычаю в косичку, на голову был надет берет с вышитым якорем, а весь оголенный торс, спина, плечи и руки были украшены татуировками из крестов, распятий и обнаженных дев.

— Похож на странствующего монаха, — подумал Маррахо.

— Меня зовут Пернас, — с галисийским акцентом сказал артиллерист.

Потом, глядя им в лицо, спросил, есть ли у них какой-нибудь морской опыт, и, не дожидаясь ответа, указал на группу мужчин, (трое из которых, судя по их внешнему виду, всю жизнь провели в море, одного сухопутного бомбардира, вертлявого юнгу лет восемнадцати и четверых крестьянской наружности типов), пояснив обязанности каждого:

— Я прицеливаюсь и стреляю, этот, которого зовут Пало, тоже морской артиллерист, и он отвечает за запальный шнур, тот тощий закладывает в ядро пороховой заряд, блондин заправляет ядро в ствол, солдат его забивает, пацан подносит из порохового погреба картузы с порохом, а эта четверка мужиков провела здесь три дня и уже натаскалась вычищать и надраивать канал ствола. Что касается вас, черти, то будьте готовы в любой момент делать то, что я вам скажу, но, прежде всего, вы должны, что есть мочи, помогать нам после залпа вытаскивать пушку и заряженную выталкивать её вновь. Заряжаем и стреляем, заряжаем и стреляем. „Бум, бум, бум, бум”, и так до одури. Это понятно? И еще: если нас накроют огнем, не сильно беспокойтесь. Тут двойной шпангоут и, слава богу, дубовые доски, а сверху еще толстая обшивка палубы, чтобы эта посудина пошла ко дну, её нужно продырявить со всех сторон. Больше всего такие новички, как вы, боятся, что пушка разорвется при выстреле, и их яйца превратятся в гоголь-моголь. Так за это не беспокойтесь (при этом артиллерист любовно похлопал по металлу ствола), это железо сработано в Ла Каваде, это можно сказать, чрезвычайно

интеллигентная пушка, прежде, чем разорваться на куски, поубивав всех вокруг, она предупредит, будет шипеть и плеваться всякой дрянью. Вообще, обслуживать такое орудие должны пятнадцать человек или около того, но придется обходиться тем составом, который есть. Если кого-нибудь убьют, убедитесь что он мертв, и выбросьте труп через амбразуру в море, чтобы он не путался под ногами. Все ясно? Глухотой не страдаете? И запомните, если кто-нибудь из вас начнет увиливать, я лично вырву у него печень и сожру её, — и суровым голосом добавил, — у него и у сучки, родившей его.

Маррахо рассеянно кивнул, абсолютно не впечатлившись услышанным, в отличие от его товарища, у которого от испуга глаза вылезли на лоб. Взгляд Маррахо скользил по стволу пушки и далее через открытую бойницу в направлении приближающихся под напором бриза английских парусов. Он вновь внимательно осмотрелся вокруг. Хотя все порты по правому борту тоже были открыты, и в каждом уже было выставлено готовое к бою орудие, сейчас все бойцы столпились у левого борта корабля, со стороны которого подходили англичане. Разбившись по бригадам у каждой пушки

во главе с командиром расчета и опытными артиллеристами, они повторяли те же инструкции, которые только что давал Пернас. Маррахо разглядел, что, начиная от грот-мачты и до кормы, батарея находится под командованием молодого офицера из сухопутной артиллерии, который сейчас переходил от одной пушки к другой, проверяя их готовность к бою, и каждый раз, прежде чем отойти, смущенно улыбался прислуге орудия. Он был очень бледен и пальцами судорожно сжимал рукоятку своей сабли.

— Дурной признак, — подумал Маррахо.

Как можно было понять, офицера звали Сандино. Или похоже. Он взошел на судно вместе с другими шестьюдесятью двумя сухопутными артиллеристами две недели назад, чтобы пополнить экипаж. Было ему двадцать два года, почти мальчишка.

— Нервничает, — прошептал Курро Ортега, — совсем пацан еще.

Маррахо пожал плечами и ничего не ответил. Его внимание было приковано к совсем другому

офицеру, находящемуся в носовой части корабля. Среди силуэтов,двигающихся в прямоугольных просветах бойниц, чуть подалее основания гот-мачты и привода помпы, он различил знакомый силуэт: высокую худую фигуру человека, одетого в синий камзол с алыми отворотами и эполетами на обоих плечах.

— Провались я на этом месте, — сказал Маррахо сам себе, — если это не лейтенант Рикардо Маке собственной персоной. Командир первой батареи со всеми потрохами, — свирепо ухмыльнулся он, ощупывая нож, спрятанный за поясом. И подумал:

— У меня тут своя война. Личная.

5. Под синим флагом.

Небо, местами еще темно-синее, уже окрасилось в серый цвет и покрылось на горизонте грозowymi тучами. Затерявшись где-то между сближающимися английской и франко-испанской эскадрами и подгоняемый омерзительно слабым северо-западным ветром, „Incertain” продвигался вперед с

расправленными гротом, фоком и кливером. На корме в этот утренний час собрались лейтенант де Монтей, штурман Кэффер, его помощник Маноло Коррэхуэвос и капитан яхты Луис Келенез, все они стояли, оперевшись на фальшборт, и наблюдали за тем, как корабли союзного флота пытаются развернуться, взяв курс на север. В то время как между одними судами образовались большие зазоры, другие сбились в кучу, кто-то предпринимал отчаянные попытки наполнить ветром паруса, чтобы занять положенную ему позицию. И только авангарду во главе с „Neptuno” и „Antilla” удавалось удерживать порядок в строю (желтая полоса поручней вдоль мостиков верхней палубы и широкая кайма того же цвета на черных корпусах отличала испанские корабли от французских). Ловя ветер всеми марселями и брамселями по левому борту, вновь сложившийся головной дивизион указывал направление движения на север всем кораблям эскадры, которые, оседлав волну, пытались сейчас уйти в бейдевинд. Испанцы „Rayo” и „San Francisco” поймали попутный ветер и старались удержаться между французами „Scipion”, „Formidable”, „Intrepide”, „Mont-Blanc” и „Duguay-Trouin”, пока

другой испанец „San Agustin”, отстававший прежде, теперь замедлил свой ход, стремясь остаться среди основных сил флота.

В течение всего утра проворная яхта, словно неутомимая гончая, маневрировала между кораблями английской и союзной эскадры, производила разведку и сигнальными флагами слала добытые сведения своему командованию. Сейчас, когда за спиной чувствовалось дыхание английского авангарда, Келенез торопился пересечь линию судов франко-испанского флота, чтобы найти укрытие за их могучими корпусами прежде, чем залпы вражеских орудий превратят его посудину в щепки; уйти туда, где уже нашли убежище шесть французских фрегатов, которые выполняли функцию разведчиков и на своих мачтах дублировали приказы с флагмана, передавая их по всей эскадре.

— Настало время уносить ноги, — пробормотал Кэффер.

Его испанский помощник молчал, потому что ни слова не понимал по-французски, но его выразительные брови отобрали явное облегчение, с которым он воспринял жест капитана, указывающий

на то место (свободный промежуток между двумя кораблями), где Келенез решил пересечь линию союзного флота.

— Сейчас заварится каша, — подумал Маноло.

Было начало девятого утра, они находились в девяти лигах на юго-восток от Кадиза, и на этот момент тактика Нельсона уже стала понятна: англичане продвигались вперед двумя параллельными рядами кораблей, которые шли подгоняемые попутным ветром и покрытые парусами до верхнего клотика, намереваясь врезаться под прямым углом в центр и в арьергард франко-испанской эскадры. Головное судно англичан находилось немного севернее, прошло всего лишь полчаса, как „Incertain”, встретившись с ним вплотную, повернул назад и дал деру. Это был трехпалубный стопушечный линейный корабль (желтая кайма очерчивала горизонтальные контуры каждой батареи) с белым флагом, закрепленным на фок-мачте. Или, как выразился боцман Тете-де-Морт, белым бывает молоко, разлитое по бутылкам, а это — визитная карточка вице-адмирала Нельсона.

— А видим мы его флагман „Victory”, — заверил боцман как эксперт (Тете-де-Морт обладал ястребиной зоркостью моряка), — следом за ним идет трехпалубный „Temeraire”, с которым я имел дело несколько лет назад, когда был рулевым на борту „Foudroyant”, и мы столкнулись лоб в лоб у острова Уэсан, чуть западнее Бреста. Провалиться мне на этом месте, мой капитан, если это не „Victory” и „Temeraire” возглавляют их строй, — добавил он, пыхнув дымом своей трубки.

— Ты уверен?

— Да, и нам чертовски повезло, что мы еще целы.

Англичане нацелились ударить точно в сердце франко-испанской эскадры, туда, где шли два наиболее значимых корабля союзников, замыслив сделать из них отбивную котлету. Колонна, предположительно возглавляемая лично Нельсоном, двигалась в направлении „Santisima Trinidad” (самый ценный во всем военно-морском флоте Испании четырехпалубный статридцатишестипушечный галеон) и шедшего за ним „Bucentaure” (восьмидесятипущечный флагман адмирала

Вильнев). Вторая английская колонна, возглавляемая двумя трехпалубными линейными кораблями с синими флагами на фок-мачтах, следовавшая параллельно первой приблизительно в полумиле южнее нее (Келенез полагал, что ею мог командовать любимец Нельсона — адмирал Катберт Коллингвуд), устремилась в направлении бывшего передового отряда кораблей союзной эскадры, который теперь, после разворота на север, превратился в арьергард флота: пять испанских и шесть французских кораблей, чьим флагманом считался трехпалубный ставосемнадцатипушечный „Principe de Asturias”, на котором поднял свой штандарт испанский адмирал с длинным

аристократическим именем дон Федерико Карлос Гравина Наполи Нокемас.

— Эти английские мерзавцы обожают жареные *coulillas*, — прокомментировал помощник капитана де Монтей, — Так и быть, им их скоро поджарят.

— Что?

— Яйца, мой капитан.

Келенез понял эту шутку. Яйца с беконом — любимая еда англичан. Если маневр английской эскадры удастся, то они разорвут линию кораблей союзников и окружают их. Но до того англичане попадут под массированный прицельный огонь франко-испанского флота, „банг, рааака, банг, рааака”, без возможности ответить тем же. Артиллерия на судне расположена по левому и правому борту и отсутствует на корме и у бугшприта на носу. Поэтому, пока англичане будут приближаться, подходя к кораблям союзников под прямым углом, они не смогут использовать свои пушки. И получают хорошую взбучку.

— У нас есть шанс выиграть это сражение, — вымолвил де Монтей, который, несмотря на свое аристократическое происхождение (оба его деда и родной дядя лишились голов на гильотине), продолжал оставаться оптимистом.

Капитан „Incertain” почесал свой небритый подбородок и искоса взглянул на своего помощника. Его одолевали сомнения, но он не произнес ни слова. Нельсон непредсказуем как призрак, и, хотя он лишился руки и глаза, продолжает оставаться

матерым морским волком. Самоубийственная самоуверенность и безответственность ему не свойственны. Одним словом, он — Горацио Нельсон. Келенез был в достаточной степени знаком с выдающимся мастерством английских моряков, превосходной выучкой их артиллеристов и их заинтересованностью обломать рога любому неприятелю. Но при столкновении один на один французские моряки ни в чем им не уступали и часто брали верх даже над более сильным противником. Как, например, это недавно продемонстрировал тридцатидвухпушечный корвет „Bayonnaise”, взявший на абордаж и захвативший сорокапушечный английский фрегат „Ambuscade ”, или капитан Роберт Сурков, командующий корсарами на восемнадцатипушечной канонерке „La Confiance” с экипажем, состоявшим всего из ста восьмидесяти пяти человек, и вовсе одолевший встретившийся ему в море сорокапушечный фрегат „Kent” с командой из четырехсот тридцати сынов Великобритании. Но совсем другое дело командовать огромной эскадрой, и это особенно касалось французского флота, в котором многие адмиралы (до недавнего времени — консулы, а еще раньше — пламенные

республиканцы), несмотря на все события последних лет, не учитывали грандиозных изменений и возможностей морской науки и продолжали руководствоваться „Traite des evolution navales de 1696”⁷. В то время, как английские мысль и дисциплина все чаще внушали уважение и брали верх. Все на свете, включая врагов (особенно над этим потешался Нельсон), знали об ограниченности адмирала Вильнев, больше всего на свете стараящегося угодить министру Декресу, но совершенно не способного командовать союзным флотом (еще в Кадизе после совещаний по тактике старшие офицеры французского флота выходили с них бледные, как полотно, и сразу направлялись в трактир, а испанские офицеры ошарашенно крестились) и разбирающегося в тактике морских сражений как свинья в апельсинах.

— Сигнал с флагмана!

Гардемарин Галопин положил подзорную трубу рядом с нактоузом и внимательно пролистал

---

⁷ Трактат о ведении морского боя от 1696 года.

инструкцию сигнальных флагов франко-испанской эскадры. Келенез заметил, как дрожали его руки.

— Всей эскадре восстановить строй.

Капитан „Incertain” увидел, как этот сигнал повторили на нок-реях фрегатов.

— Своевременный приказ, — подумал он, — но ветер слаб и продолжает дуть с запада. Как бы это не привело к тому, что те, кто уйдут в бейдевинд, будут передвигаться со скоростью черепахи, а те, кто уже завершил разворот, собьются в кучу. Если англичане подойдут прежде, чем союзный флот восстановит порядок своей линии, может случиться беда. Но другого выбора, кроме как довести начатое до конца, уже не оставалось, и нужно было попытаться поймать попутный ветер. Иначе положение станет слишком щекотливым.

— Еще сигнал, мой командир... Посмотрим. Ох!... Каждый корабль должен принять бой, как только сможет.

— Отметь время.

11.30, — записал гардемарин в судовом журнале, пока Келенез молча обменялся взглядом со своим помощником. Они поняли друг друга без лишних слов. В этот момент „Incertain" под напором дующего в левый борт ветра с развернутым огромным парусом грот-мачты прошел сквозь широкую прореху (шириной не менее двух кабельтовых), образовавшуюся между кормой французского „Heros" и величественным носом испанца „Santisima Trinidad", которому никак не удавалось набрать скорость. Когда яхта проходила рядом с его капитанским мостиком, Келенез был потрясён внушительным обликом этого боевого корабля, самого мощного в мире, со ста тридцатью шестью жерлами черных стволов, выставленных из открытых орудийных портов по обоим бортам высоченного черно-красного корпуса с белой каймой. Увенчанный лесом мачт и такелажем, весь покрытый парусами, он казался непотопляемым фортификационным островом, чей внешний вид должен был внушать уверенность его соратникам и союзникам. Должен был!

— Берхуан, штурвал курсом на северо-восток.
Приготовиться к виражу!

В то время, как „Incertain” грациозно проскользнул сквозь строй союзной эскадры, а матросы продолжали суетиться на палубе, Келенез воспользовался относительной свободой действий, предоставленной яхте, выполняющей роль разведчика и посыльного: бросив взгляд на оставшуюся позади обстановку, он устремился к южному краю линии кораблей. Лавируя, он прошел рядом с флагманом адмирала Вильнев „Bucentaure”, шедшего в кильватере „Santisima Trinidad”. Посмотрев на вымпел, закрепленный на верхушке мачты, Келенез сверил направление ветра, который по-прежнему был слаб и дул с северо-запада.

— Берхуан, держи правее. Так... Хорошо. Так держать.

„Incertain” продвигался вперед, пока по его правому борту на расстоянии в два кабельтова по траверсу не показался „Heros”, и тогда Келенез, немедля, отдал уже привычную команду крепить шкоты кливера и фока, распустить бизань, уйти в бейдевинд и т. д. Рулевой бросил штурвал на подветренную сторону, яхта затрещала под напором продольной качки, едва не замерев на месте, оба

треугольных паруса на корме почти повисли на реях, и ветер аккуратненько развернул яхту с левого на правый борт.

— Распустить фок и кливер. Ослабить концы.

Матросы закрепили шкоты, паруса наполнились ветром, и „Incertain”, безукоризненно завершив маневр, двинулся в южном направлении позади основной группы кораблей эскадры, встречая ветер правым бортом. Строй кораблей, безусловно, желал быть лучше: за кормой „Trinidad” удержались лишь „Bucentaure” и француз „Redoutable”, которым морская выучка и отвага (с восторженной улыбкой Келенез вспомнил о энергичном малыше Лукасе) позволили сохранить должный порядок. Испанец „San Justo” (который сейчас должен был находиться намного позади, ведь он принадлежал следующему дивизиону), а также француз „Neptune” и испанец „San Leandro” поймали кормой слабый ветер и пытались занять свои места. Особенно усердствовал „San Justo”, который прежде сильно отставал, и сейчас изо всех сил брасопил реи, что получалось у него весьма неловко. Его капитан должен был

испытывать сильное смущение за все происходящее с его кораблем.

Проходя на расстоянии пистолетного выстрела от „Вуцентауре”, Келенез механически поправил форменный галстук и воротник своего мундира, а потом и вовсе, сняв по Уставу фуражку, обнажил голову. Глядя на капитанский мостик флагманского корабля, откуда группа французских офицеров наблюдала за маневрированием эскадры, его сознание наполнилось гордостью за сверкающее великолепие символов новоиспеченной Империи. Среди собравшихся он разглядел вышитую широкополую шляпу, эполеты и ордена адмирала Вельнев. Вдруг один из стоящих у фальшборта офицеров, держащий в руках сверкающий на солнце латунный рожок, прокричал Келенезу, чтобы он передал адмиралу Гравина (его эскадра все еще не выстроилась в боевой порядок) приказ удерживать позиции в строю, следуя строем друг за другом. Келенез и его помощник де Монтей опять обменялись многозначительными взглядами. Еще недавно испанский адмирал командовал передовым отрядом союзного флота, а теперь, находясь в арьергарде, посредством сигнальных флагов, просил

разрешения действовать самостоятельно и атаковать ближайшую к нему колонну английских кораблей, обстрелять их из всех орудий, разбить строй и попытаться окружить. Идея была полезна для общего дела, ведь Гравина был смелый и опытный моряк, и Келенезу это решение показалось превосходным. Но Вильнев придерживался другого мнения: там, где присутствует французский адмирал, испанец никогда командовать не будет. Идиотское самомнение. Келенезу оставалось лишь подтвердить, что приказ им понят, он повторно отсалютовал и, подчинившись, продолжил движение на юг. Проходя рядом с „Vucentaure” он увидел еще один переданный сигнальщиком приказ:

— Идти курсом в бейдевинд для встречи неприятеля, — перевел его гардемарин Галопин.

— Встретить того, кто сам этого желает, — низким голосом пробурчал штурман Кэффер.

Таким же тихим голосом капитан тут же осек его, сказав, чтобы тот закрыл рот, не то он сам об этом позаботится. Келенезу было видно, как по всей линии эскадры корабли боролись с качкой и обвисшими из-за слабого ветра парусами, за кормой

они тащили спущенные на воду шлюпки и ботики, которые находились там с целью не загромождать во время боя палубу. Испанские и французские корабли начали лавировать, чтобы выставить свой нос по ветру и, таким образом, встретить врага батареями левого борта, а англичане, тем временем, изо всех сил старались наполнить паруса и уже почти приблизились на расстояние пушечного выстрела. Их колонна под белым флагом устремилась прямо в сердце союзной эскадры (Келенезу все меньше нравился приказ, который он обязан был передать арьергарду флота) в то время, как расположенная южнее вторая колонна англичан под синим флагом немного изменила свой курс: если раньше она направлялась в сторону арьергарда, очевидно намереваясь окружить его, то сейчас целью этой группы также стал центр франко-испанского флота, а именно, несколько кораблей союзников, шедших отдельно от других. Несколько опытных моряков „Incertain”, взобравшись на парапет внешней обшивки яхты, старались разглядеть „Royal Sovereign”, который шел под развевающимся над ним синим флагом во главе строя английских кораблей. Он, бесспорно, нацелился на трех-

палубный галеон „Santa Ana”, флагман флотилии, состоявшей из пяти французских и трех испанских судов под командованием адмирала Алава.

— Это то место, где они хотят вклиниться в наш строй, — с тревогой подумал Келенез.

Французы „Fougueux” и „Pluton” шли в кильватере „Santa Ana” настолько хаотично, что со стороны казалось, будто они вышли в море, чтобы устроить праздничный фейерверк. Вдобавок испанец „Monarca” и француз „Indomptable”, двигаясь с подветренной стороны, потеряли ход и оставили явно незащищенный зазор в линии центрального дивизиона союзной эскадры, а еще двое — очевидно страдающий ревматизмом „San Justo”, запутавшийся в своих парусах, и француз „Intrepide” и вовсе отсутствовали на своих местах. Последний пытался разными, только ему одному понятными способами, взять след ушедшего далеко вперед головного отряда адмирала Думанира. Но это удавалось ему явно плохо.

Тем временем „Incertain” продолжал свое движение вдоль линии эскадры в южном направлении, а его капитан успокаивал себя тем, что,

по крайней мере, арьергард флота под командованием адмирала Гравина уже выстроился в боевой порядок, и его корабли ждали соответствующих команд с флагмана своей флотилии „Principe de Asturias”. Перед глазами экипажа яхты продефилировали семидесятичетырехпушечные „Algeiras” под командованием контрадмирала Магона, за ним испанец „Babama”, французы „Aigle”, „Swift-Sure” и „San Idelfonso”, который являлся одним из современных испанских кораблей. Следом, торопясь занять свои позиции в строю, шли испанцы „Montanes” и восьмидесятипушечный „Argonaute”. Отставая от них на добрую пару кабельтовых и завершая собой гигантскую линию кораблей в форме дуги, растянувшуюся на добрых четыре мили и выгнутую в восточную сторону, следовали трехпалубный сточетырнадцатипушечный „Principe de Asturias” под командованием адмирала Гравина и его помощника адмирала Эсканьо, француз „Berwick” и еще один семидесятичетырехпушечный испанец „San Juan Nepomuceno”, ведомый адмиралом Чуррука: молчаливым, худым и бледным человеком, чьи исследования в области гидрографии и

астрономии вызывали уважение даже у высокомерных и грубых англичан, которые с пользой для себя применяли эти знания в морских сражениях и походах. Келенез лично был знаком с Чуррука, много лет назад в Бресте он служил под его началом. Чуррука запомнился ему как несимпатичный, но внушающий к себе уважение командир. Ходили слухи, что после многих лет, проведенных им в плаваниях, он недавно женился на девушке из хорошей семьи. L'amour и все прочее. Еще говорили, что на выплаченное ему Королевским флотом жалование он основал в Кадизе частную школу математики. Или что-то в этом духе.

— Новый приказ командования!

Келенез посмотрел в сторону ближнего к ним фрегата „Themis”, который сигнальными флагами на рангоуте продублировал сообщение, переданное с видневшегося вдали „Argus”, а Галопин тут же расшифровал его. Это было пожелание сражаться до победного конца.

— Отлично, я рад. Сверь время по корабельным часам.

— Ровно полдень, мой капитан.

— Кэффер, уточните наши координаты.

Штурман достал хранившийся в его сундучке секстант, измерил им высоту нахождения солнца, сверил показания со своими записями и определил:

— Тридцать шесть градусов восемь минут северной широты, мой капитан... Мыс Трафальгар находится в четырех лигах на юго-восток.

— Уверен?

— Так точно.

Последние слова штурмана совпали с раздавшейся канонадой. „Пуум-ба” — громынуло вдали. Келенез бросил взгляд на север и увидел там белое облачко, отделившееся от „Fougueux” и подталкиваемое теперь бризом в сторону союзного флота, туда, где южная колонна английских кораблей под синим флагом уже вплотную подошла к „Santa Ana”. И сразу раздалась бесконечная череда выстрелов из корабельных батарей, и вся линия эскадры от центра и вниз на север под

аккомпанемент оглушительного грохота начала фонтанировать вспышками, огнем и дымом.

Пумба, пумба, пумба. Шестьдесят боевых кораблей, пять тысяч девятьсот сорок пушек, сорок тысяч людей приступили к уничтожению друг друга. Началось сражение. Келенез и его команда с изумлением и безысходностью глядели, как разразилась буря, подобная гневу Всевышнего. Еще не успели французские и испанские корабли поднять на корме свои боевые знамена, как раздался оглушительный бортовой залп орудий по головному отряду английского флота, и добрая половина союзной эскадры погрузилась в облако белого дыма, смешанного с серым пеплом. Англичане тоже начали огрызаться Бум-раака. Бум-раака. Над столбом дыма, поднимаемом батареями, просматривались английские паруса, все ближе подходящие к линии франко-испанского флота, а тем временем по такелажу участвующих в бою кораблей на реи взбирались крохотные фигурки моряков, спешащих спустить нижние паруса. С невольным восхищением наблюдал Келенез, как продвигались вперед англичане. Пока „Santa Ana” сотрясалась от залпов всех своих орудий по левому борту, первые четыре

английские судна, следующие за своим вожаком под синим флагом, с поразительной невозмутимостью старались просунуть свои носы в образовавшиеся зазоры между кораблями неприятеля. Их паруса, казалось, плыли над облаком, окутавшим натужно затрещавшие выстрелами корпуса кораблей: это с палуб и марсов взорвались сотни мушкетов.

— Бог ты мой, они проходят. Эти мерзавцы проходят!

Француз „Indomptable” шел против ветра и не успевал закрыть брешь между „Santa Ana” и „Fougueux”, несмотря на отчаянные усилия (Келенез представил себе, как капитан Бадуин надрывается, выкрикивая команды с капитанского мостика) и наполненные ветром марсель и брамсель грот-матчы и бизань, ему никак не удавалось приблизить свой нос к корме испанца и закрыть проход трехпалубному кораблю под синим флагом, который, невзирая на смертоносный артиллерийский огонь, продолжал свое движение вперед.

Остальные английские корабли разделились и, действуя как стая волков, выбирали для себя другие места прорыва линии союзной эскадры, двое из них

устремилась к зазору, который оставил испанец „Monarca”, отставший от „Pluton” и „Algesiras”. Пумба, пумба, пумба. Непрерывный обстрел из пушек поднял столь густой дым, что он уже покрыл собой всю арену морского сражения. С того места, где находился „Incertain”, видны были лишь вспышки и завихрения дыма и пепла, которые спиралью вздымались над лесом мачт и расправленных парусов, по мере продолжения канонады размер этого вихря лишь разрастался. Крааак. Один из кораблей, Келенез не мог различить, английский или союзников, потерял стеньгу бизань-мачты, которая среди облака дыма повалилась вниз, увлекая за собой оставшийся незакрепленным обрубок мачты, и все это, сцепившись с такелажем, рухнуло в море.

Келенез почувствовал, как у него замерло сердце. Поверх клубов дыма он разглядел разбитую корму „Santa Ana”, рядом с которой показался нос английского корабля с синим флагом на фок-мачте. Очевидно, что „Royal Sovereign”, если это действительно был он, уже обогнул „Fouguex” и „Santa Ana” с другой стороны, дав при этом разрушительный бортовой орудийный залп по

беззащитной корме „Santa Ana”. Ядра и картечь прошли по палубе, сметая все на своем пути и превращая людей в кровавое месиво. После чего англичанин переместился в бейдевинд и, совершив разворот против ветра, вмазал по „Santa Ana” еще раз канонадой такой силы, что сам накренился на бок. Тут же ему пришлось испытать на себе прицельный огонь с „Fougueux”, „Indomptable” и „Monarca”, в результате которого была сбита его грот-мачта, а вскоре рухнула и бизань. Но вот среди дыма показались синие флаги еще двух британских кораблей, спешащих на выручку своему боевому товарищу. Три английских судна окружили терпящую бедствие „Santa Ana” в то время, как с десяток других их кораблей уже нацелились на идущих следом испанцев и французов. С позиции, откуда Келенез с нарастающей тревогой наблюдал за сражением, уже четко просматривалась тактика британцев: превосходящими силами окружать неприятеля, подавляя его огнем всех своих пушек и ружей, и далее продвигаться к арьергарду союзной эскадры. Это был почерк Нельсона: не ограничиваться обстрелом с дальней дистанции, а

решительно сойтись с неприятелем в рукопашную лицом к лицу.

6. Под белым флагом.

Карлос де ла Роча стоял, оперевшись на изогнутую в виде подковы массивную стойку фонаря, венчающего собой украшения кормовых балконов „Antilla”, и вглядывался туда, где грохотало начавшееся сражение. Его семидесятичетырехпушечный галеон шел в шести румбах по левому борту в кильватере головного корабля эскадры „Neptuno”, следом за ним, ловя ветер всеми марселями и брамселями, рассекал воду француз „Scipion”. Там, где находился авангард, все было спокойно, лишь одинокий британский линкор, отставший от английского флота, шел невдалеке под всеми парусами, стремясь присоединиться к своей эскадре. „Antilla” находилась слишком далеко, чтобы её капитан мог оценить все детали битвы, завязавшейся в другом конце линии союзных кораблей, которая растянулась на несколько миль в форме дуги, напоминающей круассан. Но, несмотря на разносимый западным бризом и затрудняющий

обзор дым, Роча различал то, что сейчас происходило в центре и в арьергарде. И то, что он видел, не предвещало ничего хорошего. Англичане подняли все свои паруса, спеша добраться до этого круассана, держась при этом позади своего трехпалубного флагмана, идущего под белым флагом (и это несомненно был корабль вице-адмирала Нельсона, уже опознанный несколькими офицерами „Antilla”). Получив парочку артиллерийских залпов от кораблей союзного флота, они легли на правый борт и явно нацелились ударить в центр, где находились „Santisima Trinidad” и флагман адмирала Вильнев „Vucentaure”. Французы и испанцы встретили приближающегося противника огнем всех своих батарей, над флагманом Нельсона взвилось пламя.

— Неплохая встреча досталась англичанину, — прокомментировал это событие лейтенант Орокете и передал подзорную трубу своему капитану.

И верно. Прием был хорош. Невооруженным глазом было видно, какой гигантский урон был нанесен британцу, который, хотя и был лишен возможности использовать свои пушки, все же продолжал бесстрашно идти вперед. Карлос де ла

Роча открыл подзорную трубу, приспособился к качке, чтобы не упустить англичанина из поля зрения, и изучил ущерб, нанесенный тому франко-испанской артиллерией. Казалось, что английский флагман вот-вот вклинится в промежуток между кормой „Santisima Trinidad” и носом „Vucentaure”, но в это время испанец использовал марсель и бизань для снижения своей скорости, расстояние между ним и „Vucentaure” сократилось, одновременно он дал залп из всех своих четырех батарей по левому борту. Сильно потрепанный англичанин лег на правый борт и решительно устремился к корме „Vucentaure”. Расстояние между противниками быстро сокращалось. С первого взгляда капитан Роча понял его замысел: за кормой флагмана союзников с большим креном с подветренной стороны шел француз „Redoutable”, и там образовался соблазнительный для врага зазор. Цель уже была рядом, острие атаки было направлено туда, где отсутствовал единый фронт кораблей. Попутно англичанин (без сомнения на капитанском мостике находился Нельсон) получал свое. И это было немало. Паруса его были полны дыр, и сейчас, когда счет шел на секунды, а эффективность стрельбы все

возрастала, у него вдобавок лопнула часть фок-марселя. Ему еще повезло, подумал Роча, что фок-мачта не рухнула целиком. В отличие от английских артиллеристов, которые привыкли целиться по корпусу корабля, французы обычно стремились разбить рангоут или мачты, чтобы лишить врага возможности маневрировать (что касается испанцев, то они, бедняги, стреляли, куда попало). Роча с сомнением покачал головой. Французская тактика сегодня казалось ему абсурдной: отлично обученные британцы на каждый залп противника успевали отвечать тремя своими, и, таким образом, пока испанцы и французы пытались подбить мачты вражеских кораблей, англичане опустошали их палубы, не оставляя на них живого места, разбивая орудия и делая из артиллерийских команд котлеты, нафаршированные осколками и картечью. В конце концов, каждый делал то, что мог.

— Сигнал с флагмана, сеньор капитан.

Роча навел подзорную трубу на рангоут „Vicentaure”. Сигнальные флаги возвышались над клубами порохового дыма и вдобавок дублировались на ряях шедших с подветренной стороны фрегатов.

Гардемарин Ортиз прилежно изучил сигнальную книгу и сформулировал полученную команду:

— При первой же возможности поддержите пострадавшие в бою корабли.

— Приказ обращен к авангарду, центру или арьергарду?

— Конкретно не указано, к кому, сеньор капитан.

Роча едва сдержал готовое слететь с его уст проклятие. Тупица Вильнев. Этот сигнал вносил путаницу. Он мог быть адресован к кораблям, уже вступившим в бой, и рекомендовать их капитанам по возможности поддержать терпящих бедствие товарищей (в конечном счете это было их обязанностью и долгом каждого достойного моряка); но смысл приказа мог быть масштабнее и означать, что командующий дает сигнал о том, что он отказывается от организованной линии построения эскадры и оставляет каждому кораблю право действовать по своему усмотрению. Такой приказ, переданный посредством сигнальных флагов в самом начале сражения, являлся признанием неуверенности

верховного командующего союзного флота в собственных силах, и об этом теперь неизбежно будет знать каждая собака.

— Этот француз не имеет понятия о своем долге и погубит нас всех, — вымолвил Роча.

Оровете и Ортиз с изумлением переглянулись, ведь капитан имел славу хладнокровного человека. Но в этот раз, осознав происходящее, он поступил вопреки своим правилам. Роча был в ярости, предвидя бессмысленную бойню, на которую обрекал испанских и французских моряков этот приказ Вильнев. С мрачным предчувствием он вспомнил слова, произнесенные адмиралом Антонио Эсканьо в присутствии старших офицеров и капитанов на совещании в кают-компании „Vicentaure” за несколько дней до их выхода в море. Как только Вильнев открыл рот, Эсканьо стало ясно, что француз ищет подходящий предлог, лишь бы остаться в Кадизе на безопасном от англичан расстоянии, и под видом консультаций и совещаний стремится переложить ответственность на офицеров, главным образом, испанских, более других осознающих неподготовленность своих экипажей и

плохое техническое состояние кораблей. Бросалось в глаза, с какой настойчивостью Вильнев в своих докладах в Париж ссылался на советы испанцев остаться на берегу и жаловался его Величеству, как он страдает от того, что те находятся под его командой и воздаёт молитвы Деве Марии, глядя на их плохо экипированные корабли. Все это прекрасно было известно испанцам.

В любом случае, по общему мнению совещания, в преддверии сезона штормов имело смысл выйти в море в поисках английского флота, чтобы обречь англичан на длительную блокаду, которая истощит их силы, даже несмотря на близость базы в Гибралтаре. Это решение было принято не так мирно, как можно было представить себе по донесению в Париж. Французы (сами имеющие существенные проблемы с кораблями и командами, но помнящие о кровавых расправах недавней революции и катастрофе при Абукире) начали совещание очень нагло, o-la-la, мол, опасения испанцев основаны исключительно на сплетнях. Испанский адмирал Гравина принципиально молчал, оставив своему коллеге Эсканьо возможность расставить все по своим местам: тот упомянул

неукомплектованные экипажи, недостаток вооружения на кораблях, недавно сошедших с верфи „Santo Ana”, „San Justo” и „Rayo” (последний был ветераном эскадры и имел в списке личного состава всего семьдесят шесть удальцов), у которых недоставало буквально всего, не говоря уж о неопытности команд в управлении парусами и обращении с орудиями, ведь некоторые из них по восемь лет не выходили в море. Что касается французов, обратился к ним Эсканьо, то они должны доукомплектовать свои экипажи солдатами морской пехоты, которые едва имеют подобающую форму одежды, больны и никогда в жизни не ступали на борт корабля. И это в то время, когда англичане, начиная с 93 -го года непрерывно находились в морских походах, и уже стали бывалыми закаленными моряками. И добавил, что барометр падает, предвещая ухудшение погоды. В этот момент французский адмирал Магон (та еще сволочь!) сказал:

— Это демонстрация вашей трусости.

И закурил сигару. Тогда Дионисио Алкала Гальяно, капитан „ Babata”, человек утонченный и

учтивый, (со впечатляющей биографией: ученый, картограф, исследователь и великолепный моряк) ударил кулаком по столу и пригласил францулика выйти, чтобы повторить сказанное, но уже со шпагой в руке, и убедиться, что это: демонстрация трусости испанцев или уровень знаний китайского района Марселя, откуда сеньор адмирал Магон черпает свои познания.

— Na usted compri o no ha usted compri?

— Nomdedieu!... Quesquidit cetespagnol?

— Digo que a su senora madre se la tiran pagando.

— Mais vuayons!... C`est inaudit ni jamais escrit!

— Perdona, chaval, pero no hablo catalan. Du yu spikin spanish?⁸

С грехом пополам их помирили, но Вильнев продолжал настаивать на своем, говоря, что небо ясное, погода хорошая, и ежели испанцы не хотят

---

⁸ Перебранка на смеси ломанного испанского, французского, английского и каталонского языков, со взаимными оскорблениями и изображением непонимания того, что изрекает оппонент

выходить в море, то пусть остаются на берегу. Не проблема, *mes amis*⁹.

Адмирал Гравина, образец воспитанности и дипломатичности, тоже чувствовал себя задетым, он был вынужден уточнить, что испанцы готовы выступить, если им прикажут это сделать.

— *Compri, mesanfants. Nus sortons silfo` y si no fo tambien sortons*¹⁰ (Гравина, будучи столь же манерным, знал, как разговаривать с французами).

Он напомнил адмиралу Вильнев, что не следует обольщаться тем, что погода сохранится хорошей и пусть примет во внимание, что всегда, когда тот командовал совместными эскадрами, испанцы первыми вступали в бой и бились не за страх, а за совесть, как это было при Финистерре, и отметил при этом, что столь неустрашимые французские корабли не оказали поддержки „Firme” и „San Rafael”, а французы лишь почесывали свои яйца, пока испанцев, как затравленных львов (это сказал лично

---

⁹ Друзья (фр.)

¹⁰ Поймите, ваше высокоблагородие. Мы выйдем, даже если Вы этого не сделаете (смесь фр. и исп.)

ваш Император), вцепившиеся в них англичане не утащили после сражения за горизонт. Говорил это, несмотря на то, что французы, награв своими задницами кресла, обменивались друг с другом насмешливыми взглядами, говорил, забыв о дипломатичности, о рекомендациях Годоя и о своих танцах с королевой. Затем Гравина поднялся и сказал:

— Коллеги, достаточно. Мы дошли до предела. Здесь мы заканчиваем наши споры. В море мы должны быть вместе.

Поднялись все испанцы и повторили сказанное Гравина. После чего Вильнев спустил паруса, сказав „pardon, mesies”, это не дело выходить в море в таком состоянии. Давайте голосовать. *Voyons, mes camerades. Serenite`, egalite y fraternite*¹¹. Магон, разумеется, был за то, чтобы поднять якоря. Все остальные: испанцы, Вильнев и его французские тигры семи морей, которые, по их словам, съедали каждый за завтраком по дюжине англичан, не снимая

---

¹¹ Посмотрим, друзья. Свобода, равенство и братство (фр.)

с них шкуру, воздержались от немедленного выхода в море. На этом и постановили. А через несколько дней после того, как Вильнев уведомил об этом решении Наполеона, тот уполномочил адмирала Розили отправиться с тайной миссией в Кадиз, и, в случае, если выяснится, что Вильнев наложил в штаны, перенять командование над флотом, а самого Вильнев отослать в Париж. В эти дни готовилось сражение под Аустерлиц, Император намеревался выиграть эту битву у австрияков, войти в Вену, чтобы забрать её себе в качестве приданого, и не хотел подпортить себе праздничную прическу из-за паники Вильнев. В конце концов, Вильнев решил вступить в бой, хотя и без особой надежды на успех, но это было для него все же лучше, чем положить голову в изобретение доктора Гильотена на лужайке близ разрушенной стены дворца Тюильри. Он вызвал Гравина, и тот, после всего им ранее сказанного, и, кроме того, имея за собой горб в виде обязанности ежедневно по почте отчитываться перед Годоем, уже не мог развернуться назад и был вынужден, проглотив горькую пилюлю, пожать плечами и неукоснительно исполнить приказ француза. Как

отметил Эсканьо во время прощания с испанскими капитанами:

— У нас нет выбора. Поднимем якоря и доверим свою судьбу Всевышнему, так, по крайней мере, мы сохраним своё достоинство.

Но сейчас, у мыса Трафальгар, надоедливые слова об исполнении долга, чести и достоинстве были слабым утешением для тысяч неудачников, вляпавшихся в дерьмо по самые уши.

— Они сцепились, мой капитан, — констатировал Орокете.

Карлос де ла Роча еще раз направил подзорную трубу в направлении центра эскадры, туда, где уже вовсю гроыхали раскаты боя. Трехпалубный линейный корабль под белым флагом, который с этого расстояния был опознан как „Victory”, устремился к корме „Bucentaure”, где образовавшийся зазор между кораблями позволял разорвать линию союзного флота. Но в этот момент находящийся достаточно близко француз „Redoutable” (под командованием пользующегося уважением всего флота отчаянного малыша Лукаса)

пришел на помощь своему адмиралу, едва не уткнувшись своим бугшпритом в капитанский мостик Вильнев, и этим воспрепятствовал продвижению англичанина. Стремительно шедшая „Victory” врезалась в борт „Redoubtable” с такой силой, что это столкновение потрясло до основания оба корабля. У англичанина, уже потерявшего бизань-мачту, теперь еще лопнула стенга фок-марселя. А тем временем матросы „Redoubtable” уже взбирались по выбленкам на марс, чтобы оттуда обстреливать и забрасывать гранатами палубу неприятеля. Короткие паузы между артиллерийскими залпами заполнились треском ружей и мушкетов. Сцепившись друг с другом абордажными кошками, оба корабля в кружащемся над ними вихре из дыма, щепок и обломков начали дрейфовать в сторону от линии союзной эскадры.

— Этот Лукас поставит их на место, — обронил Оровете.

Несмотря на то, что у противника было сто пушек против семидесяти четырех на „Redoubtable”, и верхняя палуба трехпалубного английского корабля была вдвое выше, чем у французского, Лукас

вцепился во врага и ринулся на него с неподражаемой яростью. С палубы „Antilla” можно было различить толпу, бросившуюся на abordаж „Victory”. Штурмующие взбирались на английский корабль, как только могли: лезли по такелажу и упавшим парусам корабля противника, по реям собственной грот-мачты и по якорю англичанина. И все же, их первая и вторая атаки были отбиты. Стеньга брамселя вражеской грот-мачты валялась в гряде спутанного клубка из такелажа и оборванных парусов. Нельсон огрызался с такой свирепостью, что это не поддавалось описанию. Но, несмотря на гениальность Нельсона как морского военачальника, несмотря на его частые победы, сейчас, как и во время недавнего сражения на Тенерифе, где погибли двести двадцать шесть и были ранены сто двадцать три выходца с туманного Альбиона, как и при осаде Кадиза, а еще раньше, в 97-м году во время испанской обороны Ла Галета, пока не было ясно, чья возьмет. Ведь непобедимых не бывает.

— Это долго не продлится, — ответил Роча.

Так и случилось. Только что проскользнувший сквозь прореху во франко-испанской линии трехпалубный английский линкор бросился на выручку своему адмиралу и ввязался в драку между „Victory” и „Redoubtable”, которые вцепились друг в друга мертвой хваткой. Он врезался в правый борт француза нок-рея к нок-рее, таким образом, „Redoubtable” попал в перекрестный смертоносный огонь с обоих бортов, огонь, не оставляющий камня на камне на его палубе. И третий семидесятичетырехпушечный англичанин, который тоже прорвался сквозь строй союзной эскадры, пристроился к корме „Redoubtable” и присоединился к его добиванию. Вот уже грот-мачта француза упала на английский трехпалубник, который находился по его правому борту, и стеньга брамселя рухнула на собственную палубу „Redoubtable”. Сойдясь в смертельном поединке, запутавшиеся среди мачт, парусов и упавшего такелажа, „Victory”, „Redoubtable” и еще один трехпалубный английский парусник, не прекращая сражения, медленно дрейфовали, подталкиваемые слабым ветром среди залпов и вспышек.

Роча наблюдал, как английские корабли продолжали проникать сквозь все увеличивающиеся проходы между кораблями союзников, окружая те, которые находились в центре. То же самое должно было происходить и в арьергарде, но за лесом падающих мачт, дымом и суматохой боя ему было плохо видно, что там происходит. Пумба, пумба, пумба. Было очевидно, что французы и испанцы отчаянно дерутся, и что сражение превратилось в сумбур индивидуальных схваток и абордажей. Роча был убежден, что „Principe de Asturias” верен традициям своих командиров Гравина и Эсканьо и сражается, как всегда, отважно, и что отчаянный капитан „Vabata” Алкала Гальяно тоже на высоте. Этим не сломить ни англичанам и никому другому. Там вдали чей-то парусник, не было ясно, союзный или английский, полыхал словно факел, и черный дым от пламени на горящей палубе поднимался ввысь над клубами белого дыма от залпов орудий. Он уже был обречен. Хоть бы это не был „San Juan Nepomuceno”, подумал Роча, представляя себе своего друга Косме Чуррука, упорного, умного и мужественного, как и он сам, всегда бледного, небрежно одетого и в слегка припудренном парике,

сражающегося на вдребезги разбитой палубе своего корабля. Роча вообразил эту драматическую картину и ухмыльнулся. Чуррука — тот человек, который, чтобы ни случилось, дорого продаст свою жизнь, его понятия о чести столь строги, что он лучше погибнет, чем опорочит свое имя. Вдобавок у него золотое сердце (когда сорок морских пехотинцев подняли мятеж, за что были осуждены и приговорены к смерти, он лично испросил для них помилование у короля), но при исполнении своих обязанностей он был точен, как английский секстант. Как и Роча, Чуррука не играл в карты, не курил и не пил. Оба моряка были знакомы со времен осады Гибралтара (при том неудачном штурме английской крепости каждый командовал батареей на „Santa Barbara”), и их дружба окрепла в научной экспедиции в Магелланов пролив на „Santa Casilda” и „Santa Eulalia”, где нынешний капитан „San Juan” увлекся астрономией и океанографией. Васко де Матрисо (автор важнейших научных трудов по мореплаванию, уважаемый всеми французскими и английскими учеными) и Мазарредо стали очевидцами того, как во время пребывания испанской эскадры в Бресте, когда тогдашний

Первый консул Петит Карбон вручал Чуррука именную саблю, украшенную аляповатыми цветками, будто это была какая-то безделушка, тот едва сдерживал себя, будучи крайне возмущенным позорной передачей шести испанских кораблей (среди которых был и его верный „Conquistador”) французам, вымолвил:

— Я сыт по горло этим унижением.

А по возвращении в Испанию едва не был лишен этой французской, подаренной ему, сабли. Но Годой, который всегда оценивал Чуррука очень высоко, по личному распоряжению вверил ему командование „San Juan”. По словам самого Чуррука, он освоил это судно во время перехода в Кадиз, по крайней мере, ему удалось свыкнуться с ним.

— Думаю поднять на нем личный капитанский штандарт, — сказал он, прощаясь с Роча и, глядя на того своими грустными зелеными глазами, добавил, — Если тебе скажут, что мой корабль погиб, будь

уверен, что мой последний взгляд был обращен в сторону Трианы¹².

Роча продолжал пристально всматриваться в представшую перед его глазами панораму боя. Иногда просветления в клубах дыма позволяли различить находившуюся ближе других „Santa Ana”, её разрушенный рангоут и огрызающиеся взрывами залпов батареи. Трехпалубный испанец показывал чудеса храбрости, неожиданные для только что сошедшего со стапелей корабля с отвратительно подготовленной командой на борту и получившего большое количество прямых попаданий из орудий английского авангарда. Немного дальше на север, в направлении центра эскадры два её основных судна „Santisima Trinidad” и флагман Вильнев „Vucentaure” успешно выдерживали атаки окруживших и расстреливающих их в упор четырех английских линкоров. Во всяком случае, Роча так казалось, глядя с капитанского мостика „Antilla”. Он с удовлетворением отметил, что четырехпалубный „Trinidad” до сих пор не потерял ни одной мачты, за

---

¹² Триана — порт и район в Португалии

исключением реи фок-марселя, демонстрирует бесподобное мужество и очень достойно сражается сразу с двумя вражескими судами, подошедшими к нему на расстояние pistolетного выстрела. В это время четыре союзные корабля, („San Justo”, „Neptune”, „San Agustin”, и „San Leanardo”), идя с сильным креном, едва ли могли серьезно помочь своим товарищам, а в просвет между ними и „Bucentaure” уже вклинился настойчивый тяжеловооруженный британец. Француз „Heros”, который шел во главе центральной флотилии союзников и должен был находиться вблизи „Trinidad” и „Bucentaure”, спокойно продолжал свое движение на север вслед за все удаляющимся авангардом, оставляя за кормой ожесточенно сражающиеся корабли своего дивизиона. Но основной вопрос, который сейчас тревожил командора Карлоса де ла Роча и Кендо, был — почему „Antilla”, шедшая второй во главе авангарда флота, до сих пор не выполняет своего главного предназначения и не участвует в сражении.

— Сигнал с флагмана „Bucentaure”, сеньор капитан... Один единственный флаг. Его номер 5... Всем кораблям флота, независимо от того, где они

находятся, как можно быстрее вступить в бой и открыть огонь по противнику.

Хотя Карлос де ла Роча не горел желанием ввязываться в бой с такой неподготовленной командой, он с чувством профессионального удовлетворения воспринял приказ Вильнев, понимая, что его час пробил. Авангард уже ушел довольно далеко от эпицентра сражения. Но Вильнев, по-видимому, возлагал большие надежды на своего соотечественника контр-адмирала Думанира. Команда с флагмана касалась всех, и каждый капитан должен был вступить в бой при первой же возможности, не дожидаясь новых приказов.

— Готовиться к развороту, Орокете!

— По вашей команде. Но этот переменный бриз усложнит нашу задачу.

Роча глянул на море, на обвисший вымпел и оценил ситуацию: разворот носом позволит кораблям авангарда прийти на помощь центральному дивизиону, но придется лавировать, идя против ветра. Если же они станут разворачиваться кормой, то удаленность от арены сражения и крен с

подветренной стороны создадут трудности при ведении огня. Тем не менее командор полагал, что последует приказ разворачиваться носом.

— Ждем подтверждения с „Fromidable”.

Роча смотрел в направлении кормы на трехпалубный галеон адмирала Думанира, но тот шел прежним курсом, и на его реях все еще не появлялось никаких сигналов. Капитан „Antilla” с нарастающей тревогой спрашивал себя: чего еще ждет этот француз, почему не выполняет приказ командующего, не поворачивает назад на помощь вступившим в бой соратникам. Одно из двух — это нерешительность или предательство. Здесь не было противника, с кем можно было бы сразиться, за исключением одинокого семидесятичетырехпушечного англичанина, находящегося по траверсу „Neptuno” на расстоянии пушечного выстрела и пытающегося сейчас поймать ветер, чтобы совершить разворот и присоединиться к атаке своих соотечественников.

— Что будем делать, мой капитан? — спросил Орокете.

— То, что я сказал. Ждать команду.

Роча всегда неукоснительно и точно выполнял приказы и, соблюдая субординацию, никогда не действовал через голову своего прямого командира. Но флагман адмирала Думанира, также, как и шедший во главе авангарда под командованием бригадного генерала Каэтано Валдеса галеон „Neptuno”, невозмутимо продолжал прокладывать курс на север. Роча, в свою очередь, был убежден, что сейчас необходимо немедленно изменить курс и атаковать врага. И он считал, что звание капитана обязывает его взять на себя ответственность за действия „Antilla” в бою, это на три четверти, и даже более того, суть исполнения его воинского долга.

— Так мы разворачиваемся, сеньор капитан, или нет?

Нахмурившись, Роча повернулся к Ортизу, который стоял с выпученными глазами, держа в руках книгу сигнальных команд.

— Заткнись!

Юноша покраснел до корней волос, открыл рот и вновь его закрыл. А Роча прибавил серьезным голосом:

— Когда все это закончится, я решу вопрос о твоём аресте. Если, конечно, останешься жив. Понятно?

— Аресте?... Понятно, сеньор капитан.

Роча поймал на себе пристальный взгляд Орокете и глянул на собравшихся на палубе юта людей: на Роге Алдаза, на штурмана Линареса, на лейтенанта морской пехоты, командующего двадцатью парнями, которые столпились сейчас у трапа капитанского мостика, на группу артиллеристов, суесящихся возле карронады. Их лица выражали противоречивые чувства: у меньшинства — решимость, у других — безразличие и тревогу у большинства. Было ясно, что независимо от того, хотелось им сражаться или нет, но большинство понимало, что „Antilla”, как и другие корабли франко-испанского авангарда, находится не там, где она должна была находиться, и эти люди смотрели на своего командира, стараясь понять, почему они продолжают удаляться от места

сражения. Их было десять, современных кораблей, которые могли бы поменять курс, но уклонились от боя: „Neptuno”, „Antilla”, „Scipion”, „Intrepide”, „Formidable”, „Duguoy-Troin”, „Mont-Blanc”, „San Francisco de Asis”, шедший с сильным креном с подветренной стороны „Rayo” и относящийся к центральному дивизиону, но следующий за авангардом, словно маленькая собачка, „Heros”. Таким образом, перед Роча стояла нешуточная задача. Он помнил об основном выводе, который сделал адмирал Вильнев перед выходом из Кадиза: корабль, не открывший в бою огонь, находился не на своем месте. Злая ирония состояла в том, что после военных советов, которые последовали за проигранным в 97-м году сражением при Сан-Винcente (пятнадцать английских кораблей захватили четыре испанских, входивших в состав франко-испанской эскадры, состоявшей из двадцати четырех судов под командованием адмирала Кордоба, потому что лишь семеро из них сражались, пока другие, не открывая огня, продолжали свое движение), все на свете знали, что подъем флага номер 5 на мачте флагмана флота не допускает никаких дискуссий и интерпретаций. Каждый

должен вступить в бой. Кроме того, действующий морской Устав (отредактированный с целью избежать повторения неудачи при Сан-Винценте) указывал, что корабли, являющиеся частью атакованной неприятелем линии, должны развернуться и рассеять вражеский строй, оказывая при этом поддержку друг другу. Поощрялись инициатива, взаимовыручка, стойкость, бесстрашие и отвага. Но сейчас корабли авангарда во главе с его командующим адмиралом Думаниром демонстрировали прямо противоположные качества.

— Откликнулся „Formidable”!

Роча повернулся и посмотрел в сторону кормы. В этот момент, как результат вопросительных сигналов, которые Ортиз только что поднял на нокрее бизань-мачты, на мачтах шедшего сзади „Formidable”, — появился ответ, адресованный „Antilla”:

— Держаться в кильватере головного судна.

— Сукин сын, — выругался Орокете.

— Это не имеет ничего общего с командами с „Bucentaure”, — растерянно вымолвил Ортиз.

— Будто бы он их и не видел.

Капитан „Antilla” молчал в замешательстве. Ему вдруг стало ужасно жарко в его камзоле, и он испугался, что окружающие это заметят. Шедший в одиночестве с наветренной стороны англичанин продолжал движение на юг. Он уже находился по траверсу „Antilla”, и, когда Орокете спросил у капитана разрешения произвести по нему залп, как это сделал „Neptuno”, Роча отрицательно покачал головой. Противник находился вне досягаемости и не заслуживал внимания.

— Фиксируй все события, Ортиз. Все сигналы с точным временем их поступления.

Лейтенант Орокете испытующе посмотрел на своего командира. Ничего не сказал, но Роча знал, что тот все понял: лучше уже сейчас, до обязательно последующих военных советов, обеспечить себе алиби.

— Пусть этот англичанин идет своей дорогой.

Наблюдая за тем, как отбившийся от своей эскадры и шедший в одиночестве английский корабль под всеми парусами спешит принять участие

в схватке, Роча испытывал невольное чувство восхищения. Или зависти. Он представил себе капитана, который на рассвете оказался вдали от своей эскадры и делает сейчас все возможное, чтобы как можно быстрее присоединиться к своим сражающимся соотечественникам и избежать позора, что явился на битву слишком поздно. И с горечью признался себе, что иногда ему хотелось бы стать англичанином. Ведь каждый из них вступал в бой, думая, прежде всего, о том, как раздавить, разбить врага, в то время, как испанцы и французы делали это, тревожась, в первую очередь, о том, чтобы не нарушать установленный порядок, даже не мысля себе, что они могут перечить своему командующему, заранее представляя себе военный трибунал и обвинения, которые им предъявят. В конце концов, хотя Устав предусматривал взаимовыручку в бою и все такое, он, в то же время, не позволял командирам кораблей действовать на свой страх и риск, оставляя эту прерогативу командующему флотилией из нескольких судов. В данном конкретном случае, Думаниру. Так что, с одной стороны, Роча мог быть спокоен: он исполнял то, что приказывал его непосредственный начальник. Но, с другой стороны,

думая о своих сражающихся друзьях, он терзался и испытывал муки совести. Тем не менее, командор прогнал прочь эти мысли (когда командуешь семидесятичетырехпушечным военным кораблем, они не несут в себе ничего позитивного), подошел к фальшборту капитанского мостика и через завесу из такелажа и рангоута „Antilla” направил подзорную трубу поверх голов возбужденных людей, которые столпились на палубе и глядели снизу на него, словно на Бога (если бы они знали всю правду происходящего, подумал Роча с содроганием). Он посмотрел в сторону нависающего на корме „Neptuno” балкона. Головной корабль авангарда шел примерно в ста брасах впереди бугшприта „Antilla”, таща за собой привязанные лодки и ботики. Там, наверху, он разглядел худую фигуру Каэтано Валдеса, окруженную группой офицеров. Валдес тоже навел подзорную трубу в направлении „Antilla”, „Formidable”, или, еще дальше, — в направлении разразившегося сражения. Ему, как самому старшему по возрасту и по званию среди испанских капитанов, командующих кораблями авангарда, Гравина посоветовал педантично и скрупулезно исполнять приказы французов:

— Каэтано, пожалуйста, будь максимально деликатен и слушайся их во всем.

Несмотря на то, что сознание Роча говорило ему, что он не несет ответственность за происходящее, это успокаивало его лишь частично, и в глубине души он метался между своими человеческими чувствами и пониманием воинской дисциплины. Так, он решил, что пусть Валдес принимает решение, и пока „Neptuno” идет впереди, он будет следовать за ним. С сигналом номер 5 или без него. Порядок есть порядок. Как в карточной игре: валет, дама и король.

7. Сигнал номер 5

Бум, бум, бум. Окутанный дымом и уже потерявший грот-мачту „Vucentaure” сражался бок о бок с „Santisima Trinidad” и „Redoutable” с противником, численно их превосходящим втрое. С палубы „Antilla” гардемарин Гинез Фалко разглядел через подзорную трубу, что флагман адмирала Вильнев настойчиво продолжает подавать сигналы бедствия. Накренившийся с подветренной стороны

„San Agustin” попытался было прийти к ним на помощь, но прошло немало времени, прежде чем ему удалось приблизиться и вступить в схватку с трехпалубным английским парусником, ведущим стрельбу по палубе „Santisima Trinidad”. И пока испанец „San Leandro” и француз „Neptune”, боясь подойти ближе, трусливо вели огонь издалека, находящийся с подветренной стороны „San Justo” и вовсе не принимал участие в битве, не подвергая себя никакой опасности и сохраняя свой рангоут целым и невредимым, а черный корпус, окаймленный желтой полосой, неповрежденным.

— Сеньор помощник капитана, с флагмана поступил адресованный авангарду сигнал.

Даже без сигнальной книги нетрудно было догадаться о его содержании. Хасинто Фатас не отрываясь глядел в позорную трубу в сторону „Vicentaure”, и ему был абсолютно понятен смысл этих двух флагов:

— Немедленно измените курс и двигайтесь в обратном направлении.

Гардемарин видел, что, несмотря на то, что вражеская артиллерия перенесла свой огонь на реи и такелаж флагмана, сигнальные флаги номер 5 все еще продолжали находиться на самом верху двух его уцелевших мачт: всем кораблям флота, независимо от того, где они находятся, как можно быстрее вступить в бой и открыть огонь по противнику.

— Более чем ясно, — пробурчал дон Хасинто Фатас.

Гинез Фалко взглянул на обветренное лицо помощника капитана, который пожал плечами и с горькой улыбкой со щелчком закрыл свою подзорную трубу.

— Нас обзовут трусами, юноша.

От этих слов шестнадцатилетний гардемарин поперхнулся:

— Простите, сеньор помощник капитана?

— Именно так. Трусами. Тебя, меня и всех здесь присутствующих.

С высоты полубака Фалко украдкой посмотрел на лейтенанта морской пехоты, который командовал отрядом стрелков, обосновавшихся на баке: это был волонтер из Каталонии, его всю ночь выворачивало наизнанку от качки, и сейчас он стоял, вцепившись в ванты, с лицом более бледным, чем его униформа.

— Такого не может быть, сеньор офицер, — тихо, чтобы их не расслышал лейтенант, пробормотал Фалко.

— Это будет так, как я сказал.

Смущенный юноша повернулся к корме, где на капитанском мостике он разглядел капитана Роча, не понимая, почему тот не отдает приказ разворачивать „Antilla” и идти на помощь их товарищам. Тот же вопрос задавали себе все члены экипажа, которые молча следили за боем, возбужденные грохотом канонады, виднеющимися позади вспышками артиллерийских залпов и столбами дыма. Временами до Фалко долетали комментарии моряков, артиллеристов и солдат, столпившихся у 8-фунтовой пушки:

— Силы наших на исходе.

— И все же лучше быть там, чем прозябать здесь.

— Что правда — то правда.

— Они уже вымотались до предела.

И хотя многие из них испытывали сейчас облегчение от того, что „Antilla” уходила все дальше и дальше, это ни в коей мере не касалось Гинеза Фалко. За все время, проведенное им в плавании, он проникся чувством долга будущего военно-морского офицера, любовью к Родине, славе и всей прочей чепухой. Поэтому юноша испытывал замешательство и стыд, и в этом он не был одинок. Было очевидно, что доброволец — лейтенант в камзоле с расстегнутым воротничком, взлохмаченными волосами на голове и остекленевшими глазами был далек от понимания происходящего; но выражение лица боцмана Фиерро, этого морского волка, то, как он сжимал латунный рожок, закрепленный на петлице коричневого мундира, его почтительный и одновременно свирепый взгляд в сторону помощника капитана дона Хасинто Фатаса, все это указывало на то, что он готов смело ринуться в бой с задорной песней *La Traviata* на устах (странно, что в те годы *La*

Traviata еще не была написана¹³). Если бы боцман, его сослуживцы и вся команда „Antilla” знали, как в дальнейшем развернутся события! Фалко разглядел, что на капитанском мостике „Neptuno”, который продолжал спокойно идти в одном кабельтове впереди „Antilla”, собрались офицеры и обступили своего командира дона Каэтано Валдеса, они тоже смотрели назад в сторону „Formidable” и что-то обсуждали. Но когда Фатас вопросительно развел в их сторону руками, один из офицеров „Neptuno” ответил ему таким же беспомощным жестом, который можно было истолковать: мы тоже ждем, куда прикажет двигаться командующий дивизионом, мы лишь подчиненные.

— Сигналы с „Formidable”, дон Хасинто.

Боцман Фиерро указывал на такелаж флагмана Думанира, на поднятые на нем и колышущиеся теперь на ветру флаги. Фатас быстро развернулся и направился к лафету третьей по левому борту пушки,

---

¹³ Опера Джузеппе Верди „La Traviata” по мотивам романа „Дама с камелиями” А. Дюма-сына впервые была представлена публике 6 марта 1853 года, иными словами, через сорок восемь лет после описываемых событий.

взобрался на него, чтобы лучше видеть, приладил подзорную трубу к своему правому глазу, зажмурил левый, и впился взглядом в силуэт „Formidable”. Прислуга орудия почтительно расступилась, а позади помощника капитана встал гардемарин Фалко.

— Мне кажется, он повторил сигнал с „Vucentaure”.

— Так точно, — подтвердил юноша, — Всему авангарду! Разворот передом.

— Самое время, черт подери!

Гинез Фалко ощутил, как у него на голове зашевелились волосы.

— Наконец-то, — подумал он.

С кормы раздался сигнал рожка, и люди, заполнившие палубу, подбадриваемые окриками, свистками и щелчками кнутов боцманов и караульных, пришли в себя. Лейтенант-доброволец из Каталонии, казалось, тоже вышел из оцепенения, он застегнул воротник своего кителя, и двадцать солдат его отряда по команде Фиерро начали выбирать брасы. Эп-аро, эп-аро. Другие карабкались

по реям фок-мачты и фок-марселя, понукаемые ветеранами:

— Выше взбирайтесь, увальни, выше! Чьи это босые пятки переминаются по битуму такелажа?

Один из них, с внешностью крестьянина, проклинал Бога и поминал недобрым словом родившую его мать за то, что он попался в руки вербовщиков, но не успел Фалко пресечь его и спросить имя, чтобы наказать в соответствии с установленным порядком (двенадцатью или двадцатью ударами плети — на усмотрение командира), как предпочитающий не медлить во время аврала боцман Фиерро заткнул этому парню рот плетью: "зас, зас, зас" — три удара отпечатались кровавыми рубцами на руках и лице несчастного.

— Ветер слабый, — глядя на вымпел, с сожалением отметил Хасинто Фатас, — Разворачиваться будем долго.

В действительности ветер лишь вскользь задевал паруса. И как ни брасопили реи, северо-западного бриза никак не хватало для того, чтобы изготовленный из дерева и железа парусник

водоизмещением в три тысячи тонн, развернулся носом по ветру. Нужно принять во внимание, что хотя „Antilla” и была современным и маневренным судном (её брат-близнец „San Ildefonso” также шел в составе союзной эскадры), но на её борту были установлены 36-фунтовые орудия вместо рекомендованных по конструкторским чертежам 24-фунтовых. Кроме того, ход корабля замедляло волнение на море, и поэтому он продвигался со скоростью не больше двух узлов. Гинез Фалко в полной мере понимал последствия: если лавировать и разворачиваться передом, когда ветер дует в корму, описываемая дуга будет столь велика, что они отойдут слишком далеко от места сражения. Чтобы поймать попутный ветер, который даст возможность выбрать место атаки, могли пригодиться лодки, которые уже были спущены на воду; поэтому Фатас послал гардемарина на корму с предложением капитану отрядить в них гребцов. И пока толпа моряков и солдат, сгрудившаяся на палубе по левому борту, расступалась на его пути, Гинез Фалко удостоверился, что некоторые корабли авангарда уже стараются выполнить разворот, раскачиваясь на поверхности беспокойного моря и ловя парусами

слабый ветер. „Nertuno”, шедший с распущенными марселем и фок-марселем во главе колонны, выполнял маневр очень медленно, а вот французский капитан „Scirion” посадил своих моряков в лодки, чтобы те развернули нос корабля по ветру.

— Сеньор капитан, дон Хасинто послал меня к Вам с предложением использовать шлюпки, — отрапортовал Гинез Фалко.

— Я так не думаю. А ты останешься здесь, на всякий случай.

Капитан отдал команду поднять все возможные паруса, чтобы корабль мог ускориться хотя бы на один узел. Гардемарин оглядел находившихся на палубе юта людей. Роча стоял, опираясь на ограждение, и вместе со вторым помощником капитана Хавьеро Орокете и командиром отряда из двадцати специально отобранных гренадеров, лейтенантом Антонио Галера, наблюдал за маневрами кораблей союзного авангарда. По приказу лейтенанта Галера его гренадеры вместо повседневной коричневой формы одежды были облачены в форму морских пехотинцев: шляпа с кокардой, короткий голубой мундир с ярко-красными

отворотами и латунной эмблемой якоря на воротнике, белые панталоны и черные краги на ногах. Эти парни безукоризненного внешнего вида находились в полной готовности, чтобы по первому зову, как только начнется бой, подняться на палубу юта. Гардемарин Косме Ортиз тоже был на своем посту рядом с ящиком с сигнальными флагами. Запустив руки в карманы куртки с пуговицами, сверкающими золотом, немного в стороне стоял рулевой капитанского катера Роге Алдаз. Он держался вместе с выдавшим виды первым штурманом „Antilla” Бартоломеем Линаресем, который, пользуясь рупором, передавал приказы капитана рулевому и своему помощнику, находившимся на нижней палубе под навесом палубы юта, рядом со штурвалом и нактоузом. Десять бомбардиров, обслуживающих карронады, уже зарядили две из них по левому борту, а теперь подготавливали те, что были установлены по правому. Ядра и картузы с картечью располагались рядом с орудиями, кремневый замок каждого мушкета был взведен, а запальные фитили дымились в бочках с песком.

— Скорость меньше трех узлов, мой капитан, — доложил Оровете, Плетемся как черепаха.

— Не сможем атаковать, значит вынуждены будем обороняться.

Все свое внимание Фалко сконцентрировал на словах и действиях дона Карлоса де ла Роча. Ведь именно в таких условиях проявляются истинные качества моряка и командира. Отказ от разворота передом означал бы утрату попутного ветра и потерю позиции в строю, что могло привести к невозможности участия в сражении. Командор подошел к трапу, который по правому борту спускался с палубы юта на шканцы, и лично указал направление движения „Antilla”: все замолкли, подобрали бизань и шкоты, а штурвал был положен курсом против ветра. Подстегиваемые боцманами марсовые взбирались наверх по наветренным вантам, а внизу матросы трудились на брасах с подветренной стороны. Весь сложный механизм корабля пришел в движение. И несмотря на то, что фок-марсель опять обвис, а судно никак не желало идти против ветра, нос „Antilla” стал разворачиваться.

— Идти правым галсом! — раздался голос Роча.

— Бизань закреплена, мой капитан.

— Ну, с Богом!

Некоторые моряки перекрестились, и Фалко разглядел, что дон Карлос де ла Роча тоже молится, молча шевеля губами.

— Это удивительно, — подумал гардемарин, — Испанцы, как и итальянцы, и португальцы, меняя курс, всегда обращаются к Богу. Кроме них так поступают рыбаки, запуская сети. Будто этим они хотят снять с себя часть ответственности.

— Идем в бейдевинд, — прозвучала команда.

С божьей помощью или без нее, но судно, хотя и с трудом, развернулось. И все же, несмотря на то, что для облегчения маневрирования капитан приказал убрать фок-марсель и кливер, корабль лавировал убийственно медленно.

— Это какое-то бревно, а не парусник.

— Сам вижу. А ты прикрой свой рот, Орокете.

— Слушаюсь.

Нос „Antilla” вибрировал на ветру и норовил зачерпнуть воду, судно потеряло ход и, казалось, вот-вот пойдет задом наперед. Но понемногу бугшприт корабля начал разворачиваться влево, а находившиеся на реях фока и на палубе юта матросы и некоторые артиллеристы из obsługi карронад под руководством боцмана Фиерро приготовились к поднятию огромного паруса бизани на случай, если Роча прикажет идти в фордевинд. Раздался возбужденный голос Орокете:

— Ветер на румб по правому борту, мой капитан!

— Штурвал еще на пол-румба влево.

Гинез Фалко вместе со всеми смотрел наверх. Марсель грот-мачты хотя и свисал, как пустой мешок, но уже начал наполняться ветром. Наконец „Antilla” удалось завершить вираж.

— Идем на три румба под ветер, мой капитан.

— Выбрать кливер-шкот.

Рассматривая действия других кораблей гардемарин огляделся вокруг. Несмотря на отданный

приказ — всем поменять курс одновременно, не всему авангарду маневр удался должным образом. Подобно „Antilla” носом развернулись „Formidable”, французы „Mont-Blanc”, „Scipion”, „Duguay-Troin” и испанец „Neptuno”, у француза „Intrepide” разворот передом не получился и в результате, уйдя в крутой бейдевинд, он двинулся по дуге, делая все возможное, чтобы держать курс к месту боя. А вот „San Francisco de Asis”, немощный старец „Rayo” (кроме всего прочего утяжеленный непомерным для него весом ста орудий), и француз „Heros” или не справились с маневром по причине разворота кормой, или, потому что доктор предписал им никогда не подставлять себя под пули (это очень опасно для здоровья), и они, пройдя по дуге, направились навстречу ветру, удаляясь от поля боя.

— Куда идут эти идиоты?

— Займись своими делами, Орокете.

— Так точно, мой капитан... Но Мак Доннелл и Флорез смываются.

— Это не наше дело. Следи за курсом, черт подери!

— Все в порядке. Идем румб под ветер.

— Подтянуть шкоты кливера и фока. Так держать!

Пока „Antilla” завершала разворот, затратив вдвое больше времени, чем на это ушло бы у подготовленного экипажа, Гинез Фалко убедился, что выполнение маневра разделило авангард на две группы: семерым кораблям как-то удалось выдерживать курс на запад от линии союзной эскадры, что давало им возможность подойти к месту боя с наветренной стороны, в то время как три других корабля направились на восток, в дальнюю от эпицентра боя и от Кадиза сторону, чтобы в случае опасности улизнуть без риска для себя. Подобно Орокете Фалко поразился тому, что капитан „Asis” Флорез и бригадный генерал Мак Доннелл на „Rayo” взяли курс вдаль от места сражения, также поступил француз „Heros” (несмотря на свое героическое название). И будто, чтобы еще сильнее осложнить и без того непростую ситуацию, французы „Intrepide” и „Mont-Blanc”, маневрируя, столкнулись друг с другом, запутавшись такелажем и порвав паруса

бизани „Intrepide”. Глядя на это Орокете лишь покачал головой:

— Наш разворот может служить примером для всех, мой капитан.

— Да. И это чудо.

— Нисколько, дон Карлос. Просто мастерство моряка... В отличие от французигов, которые не способны обойтись без помощи лодок.

— Не подхалимничай, Орокете.

Оглядевшись вокруг Гинез Фалко увидел, что „Formidable” подал сигнал, чтобы остаток авангарда следовал у него в кильватере, после чего флагман Думанира занял место во главе строя и двинулся в юго-восточном направлении в сторону эпицентра боя, где находилась английская колонна под белым флагом, чьи последние корабли, хотя и подошли к месту сражения, но все еще не открывали огонь. Там грохотала самая ожесточенная артиллерийская канонада, уже распространившаяся до самой крайней точки линии франко-испанской эскадры. Но маршрут, выбранный контр-адмиралом Думаниром, сильно отклонился от нужного курса. Он шел в

безумно крутом бейдевинде, шесть румбов под ветер, как это позволял продолжающий дуть с северо-запада слабый бриз. Почувствовавший себя слегка задетым Орокете обратился к капитану:

— Я лишь хотел сказать, что мы справились первые.

— Не утомляй меня.

— Честное слово моряка. Клянусь детьми, которых у меня еще нет.

Гардемарин Фалко слушал своего командира и одновременно оценивал сложившуюся ситуацию. Наверняка направление, указанное с „Formidable”, позволило бы отсечь шедшие позади английские корабли, до сих пор не добравшиеся до возжеленной цели, но даже для него было очевидно, что сейчас нужно было пробиваться непосредственно в центр, чтобы поддержать флагман Вильнев и отчаянно сражающиеся корабли союзной эскадры, которые, хотя и дрались как окотившиеся кошки, но были сильно измучены численно превосходящим их противником и его артиллерией. Можно выразиться и по-другому: хотя последний приказ с „Bucentaure”

(у которого на тот момент уже была сбита бизань-мачта) предписывал всем судам немедленно открыть огонь, курс, указанный командующим авангардом Думаниром, уводил семерку кораблей в сторону от рубежа атаки. Или, после непродолжительного огневого контакта с англичанами, шедшими в конце неприятельской колонны, они оказывались настолько далеко, что их артиллерийские снаряды не долетали бы до цели.

— Что будем делать, мой капитан?

В этот раз дон Карлос де ла Роча и вовсе промолчал. Пораженный Гинез Фалко робко посмотрел на него, потом на арену сражения, которая после смены курса видна была почти как на ладони, вся в дыму и огне, громыхающая и содрогающая воздух артиллерийской канонадой: парусники, застывшие среди дыма, белого от пороха и черного от пожаров, и уже сцепившиеся в абордажной схватке, их горящие и растерзанные паруса и упавшие мачты. „Пумба, пумба, пумба” и „крак-крак” от треска мушкетов и ломающихся мачт и рей. „Vucentaure” и „Santisima Trinidad” извергали огонь обоими бортами, нанося чудовищный урон своре

набросившихся на них английских кораблей, а в центре этого адского пекла на единственной оставшейся мачте французского флагмана продолжал развеваться флаг.

— „Interpide” не подчинился приказу! Он двинулся на выручку „Vucentaure”

— Удачи ему, — подумал Гинез Фалко, как и все вытягивая шею и изо всех сил сдавливая пальцами фальшборт. Семидесятичетырехпушечный француз (капитан корабля Инфернет) под всеми парусами, за исключением грота и фока, с развевающимся вымпелом на бизань-мачте, едва не столкнулся с „Mont-Blanc”, который даже не попытался уклониться, а затем прошел между кораблями авангарда, держащими курс на юго-восток и, покинув свой дивизион и игнорируя отчаянные сигналы, посылаемые ему с „Formidable”, направился на юг. При этом его бугшприт едва не задел кормовой фонарь „Antilla”. Вскоре Фалко с неопишуемой гордостью взирал на их товарища по оружию, который торжественно, как на параде, прошествовал вдоль всего строя кораблей, демонстрируя свой корпус с ярко-красными

полосами по верху каждой батареи, с наполненными ветром парусами, с выставленными из открытых портов правого борта орудиями, с вооруженными моряками и артиллеристами на палубе и с расположившимися на марсах стрелками. А на капитанском мостике виднелась невозмутимая фигура его капитана в синем мундире и белых панталонах. Расставив ноги пошире с целью скомпенсировать качку корабля и надев на голову обшитую галуном шляпу, он ответил на приветствие, посланное ему капитаном „Antilla”, а потом, сложив руки рупором, чтобы его лучше расслышали, прокричал что-то похожее на „lu caro su lu "Vucentaure”¹⁴, что было очень трудно понять, поскольку Инфернет говорил с прованским акцентом, который зачастую не разбирали даже его соотечественники. На самом деле то, что он хотел донести, было яснее ясного: я иду на выручку моему командующему в самое пекло сражения. А для чего здесь собрались вы?

— Что делает „Neptuno”?

---

¹⁴ Читай приказ с „Vucentaure” — искаженный фр.

Гинез Фалко внимательно посмотрел на дона Карлоса де ла Роча. Лицо капитана, всегда сохраняющее спокойствие, сейчас исказила нервная гримаса. Еще никогда за все время плавания он не видел его таким. Даже когда они получили хорошую взбучку в битве при Финистерре. Всегда он оставался смиренным и хладнокровным, почти безразличным, но сейчас буря, бушевавшая у него в душе, казалась столь сильной, что даже Орокете не отваживался смотреть на командора и воздерживался от комментариев. Безусловное подчинение приказам командования. Долг, дисциплина и порядок. В конце концов, даже сам адмирал Гравина все время предостерегал от того, чтобы они не пренебрегали указаниями французов. Между тем, испанцы оказались в этот час здесь потому, что дон Федерико Гравина и Наполи, прозванный за глаза доном Феде, всегда такой вежливый, любезный и учтивый, в подвязках и напудренном по-старинке парике, подставил их задницы с одной целью — лишь бы не разозлить Наполеона, сделав это за компанию с Годоем и Его Католическим Величеством Карлосом IV, королем, милостью Божьей, Кастилии, Леона, Арагона и т. д. , все лишь для того, чтобы Император

не посягал на их права. В итоге, Испания была оккупирована и ограничена в возможностях в гораздо большей степени. И теперь Роча должен был принять особенное и некомфортное для него решение. Проглотить и исполнить приказ, отданный его непосредственным начальником — французским контр-адмиралом Думаниром, или не подчиниться ему на свой страх и риск. И все это, несмотря на осознание того факта, что он командует судном, укомплектованным более чем семьюстами несчастных, из которых три четверти артиллеристов не имеют должной подготовки, моряки бестолковые и набраны на борт силой, и ни Думанир, ни Гравина, ни Наполеон, а только лично он несет за них прямую ответственность. И отправить их в бой означает привести прямиком на бойню. Командовать кораблем — это не только отдача приказов о смене галса и переносе огня туда или сюда, это также принятие на свою совесть ответственности за будущих вдов, сирот и одиноких стариков-родителей в Испании, в которой, когда погибает моряк, есть чиновники, бюрократы-счетоводы и даже капитаны, которые не гнушаются тем, что не вычеркивают убитых из списка личного состава, преследуя подлюку

цель присвоить себе их жалкое жалование. В Испании, в которой инвалид войны вынужден просить подаяние на улице, ибо, чтобы получить пансион, он должен, по крайней мере, дожидаться повышения в звании до сержанта.

— „Neptuno” пошел наперерез!... Тоже не подчинился!

К счастью для самого гардемарина Гинеза Фалко, он был далек от этих размышлений. Он лишь четко знал главу 8, раздел 32 Королевского Устава, гласящую: „Гардемаринам предписывается оказывать всеобщее и беспрекословное повиновение и подчинение непосредственному начальству”. В такие дни, как сегодня, это успокаивало, и до той поры, пока в его личном сундучке не будет лежать капитанская лицензия, всякие филантропические сомнения не станут его терзать. Поэтому вместе с ватагой вооруженных людей с криками восторга он бросился к правому борту, наблюдая за действиями испанского корабля. „Neptuno”, шедший прежде во главе всей союзной эскадры, казалось, уже занял свое место в дивизионе позади „Formidable”. Но после пары неясных маневров, которые создавали

впечатление, что „Neptuno” живет своей жизнью (не экипаж, а именно само судно) и дискутирует с импульсами своего сознания, семидесятичетырехпушечный корабль не остановился на достигнутом, а развернул свой нос дальше на юг, брасоя реи, с целью поймать ветер. Дивизион все еще не сформировался, и шедшие гурьбой корабли старались не столкнуться друг с другом. „Antilla” находилась на расстоянии пистолетного выстрела от кромки левого борта „Formidable”, и отсюда экипажи обоих судов видели правый борт „Neptuno”, который вознамерился пересечь их кильватерный след, чтобы уйти курсом на юг, как это только что сделал „Intrepide”. И когда на палубе юта „Antilla” все, включая капитана, устремили свои взоры в сторону кормы, они увидели, что на „Formidable” Думанир и офицеры его штаба тоже смотрят, как уходит „Neptuno”, и что лично контр-адмирал приложил ко рту латунный рожок, чтобы обратить на себя внимание капитана „Neptuno” бригадного генерала дона Каэтано Валдеса, но тот остался безучастен.

— Uesquevus allez, — переходя на крик, спрашивал француз, — Purcua poveizes pas, — короче, — Куда идешь, коллега?

На что тощий высокомерный и спокойный Валдес, не удосужившись использовать протянутый ему гардемаринном рупор, повернувшись в пол-оборота, сухо ответил:

— На битву!

Потом корпус его корабля прошел, едва не коснувшись кормы „Antilla”, и до Гинеза Фалко донесся тревожный звук барабанной дроби „ран-ратаплан-план-план”, усилившийся при приближении капитанского мостика „Neptuno” (ему показалось, что корабли вот-вот столкнутся, так близко они сошлись). Гардемарин изучал матросов и солдат, которые заполнили палубу, марсы и батареи направляющегося на бой „Neptuno”: сосредоточенные лица, смотрящие из всех тридцати шести открытых портов правого борта, откуда выглядывали черные жерла орудий и исходил дым зажженных фитилей. Некоторые из команды „Neptuno” поприветствовали их, помахав рукой, другие лишь кивнули головой, но большинство

оставались неподвижными. Пара моряков-ветеранов тайком сплюнули в направлении „Antilla”. Но никто не проронил ни слова. Был слышен лишь плеск бурлящей между корпусами кораблей воды да скрип рангоута и такелажа. Даже капитан Валдес, возвышающийся на своем капитанском мостике и глядящий сейчас на своего товарища капитана Роча, хранил молчание. И только разойдясь бортами он, видимо, отдал приказ, и от носа до кормы „Neptuno” подобно боевому кличу, прогремело троекратное „Viva el rey!”, а потом „Viva Espana!” Для остающихся позади этот воинственный рык прозвучал как вызов их чести.

— Ушел еще один, — пробурчал Орокете. —
Вместо нас.

— Заткнись!

— Со всем уважением к Вам, мой капитан.

— Я сказал, чтобы ты заткнулся.

Гинез Фалко обернулся, чтобы посмотреть на дона Карлоса де ла Роча. Для гардемаринов этот случай также был предусмотрен в уже упоминавшемся Уставе: „Неукоснительно соблюдать

Устав, не позволяя зарождаться в сердце зерну сомнения.” Это позволяло сохранить рассудок трезвым. Но бросалось в глаза, что с капитаном творилось нечто противоположное. С отсутствующим видом он сделал несколько шагов, обошел вокруг бизань-мачты и пристально оглядел людей на палубе, ожидавших его решения и не понимающих, какое будущее их ожидает. На лицах многих читался проблеск надежды на спасение. Потом командор обратил свой взгляд в сторону правого борта, за которым „Duguay-Troin”, „Mont-Blanc” и „Scipion” уже начали выстраиваться в ряд позади удаляющегося в юго-западном направлении „Formidable”, на его рее был вывешен адресованный „Antilla” сигнальный флаг. Гардемарин Орtiz перевел по сигнальной книге его смысл: „Расположитесь за моей кормой”, но Роча на это никак не отреагировал. Сцепив руки за спиной он замороженно смотрел на юг в направлении парусов „Neptuno” и „Intrepide”. Шедшие в двух кабельтовых друг от друга испанец и француз направлялись в самое пекло боя, туда, где в просветах дыма время от времени можно было различить „Redoutable”, который в конце концов отделился от „Victory”, и

теперь дрейфовал, сцепившись с другим трехпалубным противником, одновременно ведя перестрелку с третьим англичанином, палящим обоими бортам: одним по „Redoutable”, другим — по „Vucentaure”. Флагман Вильнев только что потерял свою последнюю мачту, на его разбитой палубе было снесено абсолютно все, и теперь она больше походила на ровный понтон, на ней даже негде было закрепить вымпел (он возвышался над палубой, пока не рухнул единственный уцелевший деревянный обрубок) с взывающим о помощи сигналом номер 5. „Santisima Trinidad” свирепо дрался сразу с четырьмя англичанами, и на рее его фок-мачты все еще реял флаг, приказывающий всем кораблям союзной эскадры вступить в бой. С непроницаемым лицом Роча некоторое время глядел в их сторону, и тут изумленный Фалко расслышал как командор тихим голосом напевает:

Vinieron los sarracenos
Y nos molieron a palos;
Que Dios ayuda a los malos

Cuando son mas que los buenos¹⁵

Капитан снял фуражку и повертел её в руках (Фалко разглядел, что у неё изнутри, рядом с овчинной подкладкой вышита иконка с ликом Девы Марии). После чего опять надел её, пожал плечами, вздохнул и окликнул Орокете. И когда тот отозвался, дон Карлос прерывающимся голосом, будто он только что выпил бокал хереса, спросил его:

— Что ты предпочел бы?

— Простите, мой капитан, я не понял вопроса?

— Я спрашиваю, где ты предпочел бы погибнуть?

И широким взмахом руки командор указал на представшую перед их взором панораму боя. Тон его голоса был так мягок и смиренен, что Фалко не поверил своим ушам. Он увидел, как пригладив свои бакенбарды, натужно улыбнулся Орокете.

---

¹⁵ Пришли сарацины,
Палками нас лупили;
Но Бог поможет лишь тем беднякам,
Кто сами готовы драться с ними. (исп.)

— Мне все равно, дон Карлос, — ответил он после недолгого раздумья.

— И мне тоже, — оглядываясь по сторонам, промолвил Роча шепотом, — Сейчас подходящей мне кажется вон та свалка. Как она тебе?— спросил он задумчиво, будто речь шла о совсем других делах, и опять зябко пожал плечами, после чего устремил свой взгляд вверх, чтобы по вымпелу определить направление ветра, повернулся к штурману Линаресу, который уже стоял рядом с рупором наготове, и голосом, таким твердым и спокойным, будто он отдает команду спустить якорь в порту Махона на Мальорке, приказал взять курс на юг. И прибавил:

— Держать прямо на „Trinidad”. С нами Бог!

8. Первая батарея

Николас Маррахо выглянул из амбразуры одиннадцатой пушки первой батареи левого борта „Antilla”, и представшая перед глазами батальная сцена поразила его воображение. Даже с этого расстояния вибрация от грохота, производимого

артиллерийскими залпами французских, испанских и английских орудий, сотрясала толстую обшивку судна с пугающей силой. Временами порывы ветра рассеивали дым, окутавший вцепившиеся друг в друга корабли, и перед взором появлялись продырявленные и разорванные паруса, переломившиеся мачты, спутанные клубки такелажа, упавшие на разбитые ядрами, осколками и картечью палубы, уже покрытые огромными обломками вырванных рей и тучами поднимающихся над ними щепок. Маррахо был привыкшим к суше человеком, его познания о море и плавании по нему ограничивались лишь частыми визитами в порт, всю свою жизнь он только и делал, что изворачивался и приспособливался, поэтому все увиденное привело его в состояние крайнего возбуждения. Ему рассказывали о морских сражениях, но он никогда не мог себе представить, что все услышанное им в тавернах и пивных не будет иметь ничего общего с громяющим кошмаром, к которому, похоже, медленно и неумолимо приближался корабль, на который вопреки его воли судьба забросила Маррахо.

— Сейчас из нас выпустят кишки!

Как и все остальные, его кум Курро Ортега с выпученными от страха глазами уставился в том же направлении (от всего увиденного его морская болезнь разом улетучилась). У всех людей, сгрудившихся вокруг зловеще просматриваемых в просветах открытых орудийных портов четырнадцати огромных черных 36-фунтовых пушек, закрепленных тросами на гигантских лафетах, были неестественно большие глаза и застывшие, пепельного оттенка, лица. На них читалась готовность как открыть огонь, так и принять его на себя,

— У меня слюна не идет в глотку.

У Маррахо тоже все пересохло во рту, но он молчал. Их бригадир Пернас, отвечающий за одиннадцатое орудие по правому борту и за его близнеца по левому (если придется сражаться одновременно с обеих сторон, то obsлуга должна будет разделиться поровну между двумя пушками), еще раз повторил обязанность каждого члена команды, а затем разъяснил, как использовать находящиеся рядом инструменты при зарядании и стрельбе. И добавил, что результат будет зависеть от

быстроты, с которой все будут согласовывать свои действия.

— Все понятно?— спросил он. — Эти островные собаки стреляют быстрее нас, поэтому, чтобы выровнять наши шансы, мы должны как-то скомпенсировать это. То ядро предназначено для стрельбы по корпусу, а этот снаряд конической формы используется для разбивания такелажа, мачт и рей. А вон в тех парусиновых картузах находится картечь, в каждой шестнадцать ядер по два фунта весом, которые при стрельбе разлетаются на части и превращают в фарш каждого, кто попадет на их пути. Наша батарея самая нижняя на корабле, поэтому картечь мы будем использовать лишь изредка. Чтобы снести мачты, нам нужно бить по креплениям вант, по бугшприту и по всему остальному с дальнего расстояния. Но когда окажемся с неприятелем нос к носу, наша задача — вклепить оплеуху из тридцати шести ядер в его борт, попытаться сквозь амбразуры снести его пушки, разрушить рулевое управление или врезать по его ватерлинии. Предпочтительнее вести стрельбу с наветренной стороны, тогда качка мешает меньше и можно целиться вдоль поверхности воды, но лучше

всего надрать задницу этим мерзавцам, поймав в прицел их корму, там слабее обшивка и один бортовой залп разом разобьет вражеские твиндеки по всей длине судна, устроит там такой разгром, что все разом обделаются.

— И это же они могут вытворить с нами? — спросил кто-то.

— Конечно могут, — признал Пернас, почесав в паху, — Но „Antilla” крепкий корабль, он выстроен в Картахене. Обшивка корпуса первой батареи из досок мореного дуба толщиной в десять дюймов, и хотя у нас на борту много сброда, включая вас, но офицеры знают свое дело. Особенно наш капитан, человек молчаливый и суровый, но моряк от кончиков волос и до пят. Так что нам остается надеяться, что корабль будет ловко уворачиваться от вражеских снарядов, и никто не врежет нам по корме, или, точнее, по заднице, как здесь только что намекнули. Уловили?

— Уловили, — хором ответили внимавшие ему канониры.

И опять бригадир повторил основные правила: „Вначале закладывается картуз с порохом, потом ядро, после этого все забивается шомполом, чтобы при качке заряд не вывалился из ствола. И орудие готово к стрельбе. И так носимся среди всего этого бардака, выталкивая из амбразуры то орудие, которое нам укажут, лоя цель, перезаряжая пушки, и с помощью лома опять выталкиваем их в бойницы. Вновь крепко привязываем пушку, чтобы при качке и отдаче она не ходила туда-сюда (а пушка — это семь тысяч фунтов веса без учета лафета). Я продырявливаю картуз, вставляю запал, прицеливаюсь, и мы лупим по неприятелю. Затем отвязываем веревки и тали, затаскиваем орудие назад, заряжаем его, и опять все с начала. Скребок, который я держу в руках, применяется для очистки канала ствола от порохового нагара, но куда важнее эта штукавина, называется она банник. Слушайте внимательно: тот кто использует эту палку с тупым концом, обитым овчиной, макая ее в бадью с водой, должен охлаждать канал ствола между выстрелами. Самое главное — остудить его, потому что, если после предыдущего залпа внутри сохранятся остатки тлеющего зарядного картуза, при закладке нового он

может воспламениться и опалить наши физиономии. Запомните еще одну вещь. Этой иглой я прокалываю ткань или натертую воском бумагу картуза с порохом через отверстие с задней стороны ствола. А потом, потянув за шнур, добываю огонь, или стрелок высекает его кремниевым замком и поджигает порох: клик, клак, флууус, флааас, бум, бум, бум. Приблизительно так. На самом деле, часть этого „клик-клак”, или, точнее, кремниевый замок, очень ненадежен и ломается на пятом или шестом выстреле. Так что, как и прежде, должны будем для поджига фитиля использовать запальник, который лежит в ведре с песком. И если какая-нибудь дурацкая оплошность с запальником приведет к тому, что фитиль погаснет, то вы позавидуете мертвым и матерям, родившим их. Это уж точно. Советую, когда будем стрелять, открывать шире рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки. И еще одна рекомендация: снимите свои рубашки, чтобы осколки и щепки не попали в тело вместе с тканью и не вызвали гангрену. Кроме того, мы вспотеем сверху и донизу, а некоторые и вовсе наделают в штаны. Ну что, готовы? Тогда за дело, парни!”

Николас Маррахо держался за огромное дуло орудия и, вращая головой во все стороны (сейчас ему и его куму поручили передавать картузы с порохом), разглядывал парусники, сражающиеся чуть дальше „Antilla”, которая неуклонно продвигалась к месту боя. Обзор из бойницы был весьма ограничен: только синий квадрат взбудораженного волнением моря с качающимися на его поверхности корпусами кораблей, дым и поверх него порванные паруса, мачты с поломанными реями и вспышки выстрелов. На расстоянии трехсот шагов (если бы только можно было на самом деле шагать по воде, он сбегал бы отсюда) судно под испанским флагом ожесточенно билось с трехпалубным англичанином, ведя огонь с правого борта. Некоторые ветераны признали в нем семидесятичетырехпушечный „San Agustin”, который прежде замыкал авангард, а теперь вернулся, чтобы огнем своих батарей поддержать огромный „Santisima Trinidad” (у него сохранилась лишь передняя мачта), сражающийся бок о бок с „Vucentaure” против нескольких, бьющих в них в упор из всех орудий, англичан. Маррахо ясно видел, что на палубе „Vucentaure”, на котором находился французик — адмирал Винеф, или как там звали

этого сукина сына, уже не осталось ни одной мачты: она была ровная, как гладильная доска, и лишь единственный разорванный сине-красно-белый флаг все еще развевался на последнем возвышающемся обрубке, оставшемся от сгинувших мачт. Когда на рассвете Маррахо и другие рекруты, дрожа от холода, стояли, собравшись на палубе, им разъяснили, что пока корабль удерживает свой флаг развернутым, он не признает себя побежденным. Опускание флага означает сдачу противнику и просьбу прекратить огонь; и, согласно морскому Уставу, ни один капитан не имеет права так поступить, не оказав перед этим ожесточенного сопротивления. А репутация и честь обязывают командира, прежде чем прекратить бой, сосчитать количество погибших и раненых и зафиксировать полученные кораблем разрушения.

— Хотя лучше оценивать потери врага.

— Да. Но такое случается редко и может считаться или подарком, или насмешкой судьбы, — горько пошутил по этому поводу их наставник Онофре,

— У нас моряку, поднявшему руку на офицера, её (руку) отрубают, за другое преступление солдата привязывают к пушке и секут шомполами или протягивают под килем судна (в этом случае, коллеги, предпочтительнее, чтобы вас вздернули на рее), а вот к ошибкам командиров высшее начальство относится куда как снисходительнее. Кроме того, так как в Королевском флоте все капитаны являются господами и приятелями, они стовариваются и покрывают один другого. И это в отличие от англичан, у которых решительно пресекаются кумовство и семейственность, и офицер, сдавший корабль или струсивший в бою, будет расстрелян. В море все это играет свою роль. Однажды адмирала, который обмишурился у острова Менорка, приговорили к расстрелу и привели приговор к исполнению — „бинг-бонг” — прямо на его корабле.

— Бог ты мой, мы движемся прямо в самое пекло, — процедил сквозь зубы Курро Ортега, указывая на завихрения дыма и всполохи огня, которые были видны через оружейный порт. Маррахо посмотрел на своего дружка и нагло ухмыльнулся.

— Лишний шрам тебе не мешает.

— Зачем мне он? Как и тебе.

— Шрам на роже — украшение для мужчины.

— Что ты болтаешь? Обошелся бы и впредь без них.

Маррахо отошел от амбразуры, освободив место другим желающим посмотреть, что творится снаружи, и двинулся вглубь в полумрак батареи, откуда, как из пещеры, раздавался звук голосов возбужденных людей, комментирующих ход сражения, и слышны были приказы командиров, заканчивающих подготовку орудий к бою или инструктирующих самых непонятливых бойцов. Проходя рядом со вторым командиром батареи (Сандино, молодой лейтенант сухопутной артиллерии), Маррахо поприветствовал его легким кивком головы, как бы пожелав ему удачи. После этого обошел вокруг огромного люка, дошел до пяртнерса¹⁶, откуда вниз уходил огромный ствол

---

¹⁶ Пяртнерс — отверстие в палубе судна, через которое проходит мачта

грот-мачты (она проходила сквозь палубы, трюмы и крепилась в киль), и посмотрел в носовой отдел, в ту зону батареи, где он недавно разглядел лейтенанта дона Рикардо Маке, который в это время одной рукой вытирал платком пот со лба, придерживая свою треуголку подмышкой, а из другой руки не выпускал рукоятку сабли. Вместе с толстым сержантом из морской пехоты он наблюдал за расстановкой караульных у люков: солдаты с мушкетами и с примкнутыми штыками должны были следить за тем, чтобы люди не убегали со своих боевых позиций, не прятались и не искали убежище где-нибудь в потайном месте трюма или в пороховом погребе. Маррахо изобразил на своем лице подобие улыбки, скорее похожей на оскал акулы. Пощечина, полученная им в „Падшей курочке” вновь напомнила о себе, жгла щеку и требовала отмщения. Кровь бросилась Маррахо в лицо, он едва сдерживал себя, но сейчас был неподходящий момент для сведения счетов.

— Все быстро на другой борт!... Приготовиться к бою по правому борту!

По коже Маррахо пробежались мурашки, и он вместе со всеми бросился выполнять команду. Хотя Маррахо и побывал в разных переделках, но никогда прежде у него так не сжимался от страха живот, как от этой донесшейся с верхней палубы безумной беготни ног, от скрипа талей и орудий и от звука барабанной дроби, который заставлял вибрировать все внутренности. Еще не привыкший к качающейся под ногами палубе юный безбородый лейтенант Сандино, подобно лейтенанту Маке, извлек из ножен свою саблю и указал ею боевую позицию своему подразделению, сделав это с некоторой нерешительностью, будто бы не был уверен в том, что эта толпа людей, в которой лишь один из трех знал, что требуется делать, подчиниться ему. Остальные застыли на месте и устались на своих товарищей, которых нападки и приказы командиров орудийных расчетов вывели из остолбеневшего состояния, и они уже проверяли кремниевые замки и дымящиеся в чанах фитили, сжимали в руках банники, закладывали картузы с порохом, повертев в руках, выбирали подходящие для первого залпа ядра, и, пригибаясь, выглядывали из орудийных портов.

— Всей батарее приготовиться!... Огонь по моей команде!

Дон Рикардо Маке находился в состоянии крайнего возбуждения: натянув шляпу до самых бровей, с обнаженным клинком сабли и с засунутыми за пояс двумя пистолетами, он ходил кругами по всей длине батареи, вселяя страх во всех окружающих. Курро Ортега, посвященный в замысел Маррахо, бросал на него беспокойные взгляды. Маке был загрубевшим в плаваниях моряком, рост его был столь высок, что, приближаясь к оружейным портам, он вынужден был нагибаться, чтобы не удариться головой о бимсы¹⁷. Не поднимая взгляда,

Маррахо разглядывал его поношенную зеленую, лоснящуюся на локтях куртку, заплаты на коленях белых панталонов, потертый красный нагрудник, обшитый уже позеленевшим от морского воздуха золотым галуном. Всем своим видом лейтенант показывал, что ежели кто-либо не будет подчиняться или попытается скрыться, то он расправится с ним,

---

¹⁷ Бимс — продольная бортовая балка, связывающая противоположные борта судна

не дожидаясь военного трибунала. Твердость руки дона Рикардо Маке Маррахо испытал лично на своей шкуре, когда попытался отвертеться от вербовщиков, и знал, что этот офицер миндальничать не станет. В бою, по-видимому, Маке не доверял ни одному новобранцу. И на то у него были основания. Девять лет назад, будучи мичманом на фрегате „Mabonesa”, в сражении у мыса Гата он был захвачен в плен английским фрегатом „Terpsichore”. Испанский экипаж был насильно набран из крестьян, бродяг и портовой шпаны, корабль имел на борту двадцать одного убитого и двадцать шесть раненых (у англичан ранено было лишь четверо). Несмотря на усилия и мужество офицеров, члены команды бросили свои позиции после первых же залпов, убежав и прячась у противоположного борта. С тех пор при каждой боевой тревоге Маке держал наготове саблю и два пистолета, которые он готов был пустить в ход, если кто-то не исполнит его приказа с первого раза. Было очевидно, что он знает, с кем имеет дело. Маррахо уже показали то место на батарее, на которой во время недавней битвы при Финистерре лейтенант, не моргнув глазом, раскроил

череп одному из моряков, решившему укрыться в глубине трюма.

— Спокойно... Выставляем орудие... Сохранять спокойствие.

Капрал Пернас пригнулся за виноградом пушки номер 11 и, сощутив глаза под лучами проникающего снаружи слепящего света, удерживал на взводе кремень замка. Вместо артиллерийского берета на его голове был повязан платок, стянутый узлом на затылке, а из-под платка сзади выглядывала туго сплетенная косичка, его обнаженный торс был сплошь покрыт татуировками, которые смотрелись как единый синий камзол. В свою очередь, Николас Маррахо держал в руке увесистый пороховой картуз, и хотя у него на душе скребли кошки, он старался не отвлекаться и ни о чем не думать. Рядом с лафетом, удерживающим тяжеленный черный металлический ствол, ожидали команды еще десять парней, которые старались хоть что-нибудь разглядеть через открытые амбразуры, но различали лишь клочок моря с одной стороны и паруса четырех французских кораблей, удаляющихся в юго-восточном направлении, с другой. Та же картина наблюдалась у

каждого из остальных тринадцати орудийных расчетов по правому борту. Наступившую тишину нарушали лишь раздававшийся снаружи гул канонады, звук струящейся за бортом воды, да скрип корабля, медленнодвигающегося по беспокойному морю. Молчали все: оба офицера первой батареи, барабанщик, опустивший палочки на кожу своего инструмента в ожидании приказа о боевой тревоге, расположившиеся у бойниц и уже приготовившие ружья к стрельбе морские пехотинцы, юнги, которым поручили разносить картузы с порохом из кладовой к орудиям. За всю свою подлую жизнь Маррахо не испытывал такого ужаса, как от этого зловещего молчания трехсот собранных вместе мужчин.

— Выдвигаем... Ждем команды...
Приготовились.

Теперь для Маррахо уже не имело значения, что происходит снаружи, кто победит, и кто потерпит поражение в этой грандиозной схватке. И никто: ни бывалый Пернас со всем его опытом, конским хвостом на затылке и вытатуированными на теле крестами и девицами, ни дон Рикардо Маке, ни юный лейтенант артиллерии не знали, что ждет их впереди.

Маррахо с горечью посмотрел на Курро Ортега, на его открытый рот и перекошенное гримасой испуга лицо и подумал, что от них ждут лишь одного: заряжать и стрелять, заряжать и стрелять. И так до тех пор, пока не будут покалечены или убиты.

— Закрой рот, приятель, — прошептал Маррахо в ухо своему куму, — Иначе муха залетит.

— Сказали: держать его открытым.

— Это позже... Когда будем стрелять.

Пернас свободной рукой дал понять им, чтобы замолкли и кивнул в направлении открытого оружейного порта. И тут Маррахо увидел, как в пугающей близости с левой стороны вырос силуэт английского двухпалубного корабля: вначале мимо открытого люка амбразуры проплыла его корма, а следом показался черный левый борт с желтыми полосами. Увидел это и дон Рикардо Маке.

— Целиться по мачтам!... При крене на левый борт по моей команде!

Маррахо с оцепенением смотрел на оружейные порты англичанина, из которых выглядывали жерла

пушек. Они показались ему страшно огромными и смертоносными. И пока эти два слова (огромные и смертоносные) звучали в его голове, он уже отдал себе отчет в том, что из нижних бойниц, а затем и верхних выросла вереница из вспышек и белого дыма, похожая на взрыв пороховой ленточки на ярмарке. Такатакатаката.

Маррахо никогда не представлял себе, что можно разглядеть летящие по воздуху ядра. Это все равно, что увидеть свою смерть. Через мгновение после залпа перед их батареей поднялся столб брызг, некоторые ядра со звуком „рааака” ушли выше, другие превратились в серию ударов и сотрясений, заставивших вздрогнуть корпус „Antilla” от носа до кормы. Наверху, на палубе второй батареи раздался хруст, производимый чем-то невообразимо тяжелым и массивным, и сразу у нескольких человек из обслуживающей команды от страха задергались лица.

— Спаси нас, Господи, спаси нас, святая Дева,
— запричитал один из них.

С пылающим взором лейтенант Маке поднял саблю, молодой лейтенант перекрестился и сделал тоже самое.

— Огонь!... Огонь!

Пернас прищурил один глаз, прицелился, щелкнул кремниевым замком, отошел влево, чтобы уклониться от отдачи лафета, огромное орудие встало на дыбы, заставив заскрежетать канаты и издало оглушительный треск „пумба”, отозвавшись дрожью во всех внутренних органах Николаса Маррахо. Мгновение спустя загрохотали все пушки, пальба переросла в нескончаемый треск, перебегающий из одного края в другой по всей длине батареи, ветер нагонял вовнутрь несгоревшие частички пороха, стершиеся о ствол пылинки свинца, ошметки пыжей и едкий ослепляющий дым, производящий в легких суций ад. Проклятый встречный ветер (Маррахо вспомнил предсказания Пернаса) нес в лицо всю гадость и грязь.

Кто-то сильно хлопнул его по плечу и, повернувшись, Маррахо увидел искаженное лицо командира орудия, который что-то кричал, но он уже ничего не слышал, барабанные перепонки Маррахо

превратились в тряпье, подобное обвисшей коже барабана; и все же по жестам Пернаса он понял, что тот требует картузы, которые лежали сбоку от орудия. „Шевелись, черт подери, сукин сын, подавай картузы, срочно нужны картузы.” Натолкнувшись на согнутую спину артиллериста, который отвязал пушку и выталкивал её прочь от оружейного порта, Маррахо обошел двух рекрутов крестьянской наружности (их имена уже выветрились у него из памяти), трудившихся со скребком и банником в еще дымящемся жерле орудия. Тут же кто-то выхватил из его рук картуз, заложил его вовнутрь ствола, еще один малый вставил снаряд, а третий набил пыж и шомполом вдавил его вглубь. Сильнейший удар, сопровождаемый звуком „рааака, рааака, рааака”, отбросил Маррахо, на верхней палубе раздался страшный скрежет, разрывающий и без того поврежденные барабанные перепонки. Напротив сверкнули вспышки выстрелов, и грохот „пумба, пумба, пумба” уже отозвался не в ушах, а в сердце и в желудке. Обшивка судна вновь содрогнулась. Чоф, плаш. Удар пришелся вровень с оружейным портом, заплеснув через амбразуру вовнутрь струю холодной воды.

Свол будто покрылся глазурью. Воспользовавшись качкой палубы, Пернас и еще один артиллерист сбросили тали, чтобы вновь вставить орудие в порт. Маррахо помогал им и, не замечая боли от содранной на руках кожи, изо всех сил толкал лафет. Мальчишка, насилу одиннадцати или двенадцати лет, с лицом, испачканным сажей, будто он только что выбрался из угольной ямы, и исполняющий обязанности юнги при пороховом погребе, появился рядом, шустрый как обезьянка, и передал два картуза, которые Маррахо, смутившись на мгновение от вида ребенка в центре этого безумия, схватил в каждую руку, при этом едва не уронив их, и успел с ними вовремя отскочить, чтобы колесо орудия не раздавило его ногу. Вначале он услышал скрежет лафета, а потом неясный шум, который в результате оказался боем барабана, выбивающим звуки „ран, ратаплан, тан, тан” в районе основания грот-мачты. Вскоре прозвучал неистовый голос лейтенанта Сандино, который кричал так, будто совсем потерял голову:

— Огонь, огонь из всех орудий по всем целям, огонь! Бейте, черт побери, изо всех сил, стреляйте как только можете!

Выглянув еще раз из орудийного порта, Маррахо увидел черный борт английского корабля с нанесенными на нем полосами желтого цвета и торчащими из его амбразур жерлами пушек столь близко, что, казалось, можно дотянуться до них рукой. Теперь англичанин и испанец, не двигаясь, стояли друг напротив друга. Пернас вновь пригнулся за виноградом пушки, все, включая Маррахо, отошли в сторону, и орудие подпрыгнуло так, что казалось, сейчас оборвутся канаты, раздался звук „пууумба”, и этот вылетевший снаряд со всей очевидностью врезался в корпус англичанина, со звуком „клатаклаз” куски неприятельского борта разлетелись в стороны в районе орудийного порта. Вся артиллерийская команда взвыла от восторга, потому что наконец они дали сдачи этим сукиным детям, морским волкам, осьминогам и кальмарам, пусть теперь подправят свое здоровье и подлатают костюмчик. В этот момент звуки залпов остальных пушек батареи слились воедино, промчавшись раскатами в сторону кормы и носа, дым скрыл как своих, так и чужих, а когда он рассеялся, все уже пришли в себя и вновь заряжали пушки и выталкивали их из амбразур. Крепость духа росла,

люди становились все более собранными и точными в движениях, и даже робкие обрели уверенность и хладнокровие. Маррахо стал замечать в себе небывалое ощущения единения с людьми, сражающимися с ним бок о бок, вдыхающими тот же запах пороха, сквозь зубы молящимися тому же Богу, с мокрыми от пота торсами и кричащими вместе от радости: „ну- ка, дядя, подбрось еще дровишек”, когда сквозь дым стало видно, что в корпусе английской собаки уже имеются с полдюжины пробоин и бесчисленное количество трещин, и что одна из его огромных рей свалилась навзничь вместе с оторвавшимся парусом и валяется на палубе.

— Да здравствует Испания! — взвыл дон Рикардо Маке,

— Огонь!... За Испанию!

— За Испанию! — с изумлением услышал Маррахо свой собственный голос, слившийся в едином хоре с другими голосами.

Одновременно он передал своим товарищам следующий картуз. Подобно ему, „Слава Испании!” кричали Курро Ортега (иногда его кум добавлял от

себя „слава Каи¹⁸”) и все остальные несчастные, оказавшиеся в этом аду, стреляющие из бойниц, солдаты, рекруты, вырванные из своих семей крестьяне, нищие, всякий сброд, забранный из кабаков, сиротских домов и тюрем, надрывающийся сейчас у орудий и рычащий:

— Да здравствует Испания!

Ослепленные, оглохшие, отчаявшиеся, каждую минуту готовые к смерти, внезапно осознавшие, что шанс пережить этот день имеется лишь у самых смелых, самых жестоких, самых беспощадных, у тех, кто быстрее и точнее стреляет. Они вновь и вновь выставляли из портов орудия, заряжали их и били по врагам, молясь про себя:

— Апостол Петр, спаси и сохрани нас, грешников. О святая Мария!

Крича „Слава Испании!”, они сражались за свою жизнь. А Испания в этот момент символизировала для них их судьбу и судьбу их товарищей, одурманенных запахом пороха и барабанным боем у

---

¹⁸ Каи — городок на юге Испании.

грот-мачты и находившихся под защитой ненадежной деревянной обшивки корабля.

Испания была символом их далекого очага, семьи, рыбацкой лодки, таверны, засеянного поля и рынка, куда они жаждали вернуться. Наполнявшая их ненависть была обращена на этот спесивый вражеский корабль, который преграждал им путь домой.

— Там еще один англичанин!

Маррахо выглянул из орудийного порта. Англичанин, с которым они схватились, уже находился по траверсу правого борта чуть дальше ружейного выстрела. Но теперь в направлении носа „Antilla” виднелась другая корма и еще одни паруса над раскрашенным желтыми полосами черным корпусом.

— Черт бы их побрал, — подумал он, — Мы оказались в самом центре вражеского строя.

Пока он с ужасом наблюдал за этим открытием, по всей длине корпуса первого англичанина, словно огненная струя, пробежала вспышка бортового залпа.

— Спаси нас, Всевышний Творец неба и суши,
— прошептал кто-то рядом.

Ядра попали ниже первой батареи, массивная обшивка испанского судна содрогнулась, издав оглушительный треск. Щепки, обломки, болты и металлические осколки шквалом ворвались вовнутрь трюма. Одно из ядер точно попало в оружейный порт, убило Курро Ортега и оторвало голову их командиру Пернасу.

9. Палуба юта

Пумба, пумба, пумба. Дон Карлос де ла Роча стоял на палубе юта, опираясь на фальшборт, и всем телом ощущал, как под его ногами от попаданий английских снарядов, будто стена от боли во всех своих сочленениях, содрогается корпус „Antilla”. Он раскрыл подзорную трубу, глянул в неё и с разочарованием закрыл. Перед бугшпритом „Antilla”, шедшей правым галсом на юго-восток в направлении эпицентра боя, виднелась бескрайняя сероватая дымка, сквозь которую то там, то здесь над обломками мачт и изрешеченных ядрами парусами

появлялись завихрения дыма, озаряемые вспышками залпов, Пумба. Большая часть кораблей союзной эскадры уже была скована, сражаясь парус к парусу с проявляющими свое обычное бульдожье упорство англичанами, стремящимися довести до конца каждую схватку. Испанцы и французы, невзирая на флаги, огнем оказывали поддержку друг другу, а в это время четыре французских судна из дивизиона Думанира миновали арьергард британского флота и, используя попутный ветер, продолжали уходить вдаль от поля боя, лишь едва вступив в кратковременную перестрелку с неприятелем. Послав, как говорится, воздушный поцелуй. Береженого Бог бережет. Сегодня спасаешься бегством, а завтра, быть может, станешь героем. Если когда-нибудь вообще пригодишься. „Intrepide” (во главе с капитаном Инфернет), пришедший на выручку своему флагману „Vucentaure”, дрался отчаянно и беспощадно, жестоко сражался сразу с двумя английскими кораблями испанец „Neptuno” (руководимый адмиралом Валдесом), предпринимая отчаянную попытку пробиться к „Santisima Trinidad” Пумба, пумба. В какой-то момент из-за интенсивного огня противника „Neptuno” потерял стеньгу фок-

марселя и средний марс фок-мачты, которые теперь вместе с клубком бакштага кучей валялись внизу на палубе. Роча с горечью подумал, что в этот раз Каэтано Валдес не сможет повторить свой подвиг, совершенный им при Сан-Винценте, когда он на „Pelayo” предотвратил захват „Trinidad” англичанами.

— Если так пойдет дальше, — процедил он сквозь зубы, — то помощь понадобится ему самому.

— С Вашего позволения, мой капитан. Вам нужно перейти на капитанский мостик.

„Неужто лейтенант Орокете утратил все правила приличия, предлагая капитану спуститься вниз,” — подумал было Роча. Но, помыслив, рассудил, что хотя совет второго помощника не лишен смысла (возвышающаяся корма судна представляла из себя самое опасное место и их всех, находящихся на палубе юта, враг мог легко поджарить), решил не торопиться. Поэтому он отдал приказ своему окружению не высовываться, и все, за исключением Орокете, штурмана Линареса, лейтенанта Галера, двух морских пехотинцев и рулевого капитанского катера Роге Алдаза, выполняя команду капитана, пригнулись или вовсе опустились на колени: обслуга

карронады (с этой дистанции такого типа орудия не представляли опасности для неприятеля), перепоясанные португеей белого цвета гренадеры, отобранные из отряда морской пехоты, дисциплинированные бесстрастные профессионалы, только что по команде лейтенанта Галера поднявшиеся наверх и затаившиеся сейчас с мушкетами вокруг бизань мачты. Раака, клак, клак. По мере того, как их корабль приближался к английским парусам, ядра и осколки стали летать со всех сторон. Впереди носа „Antilla”, шедшей в кильватере „Neptuno”, взору открылась вся атакующая линия вражеских судов. И тогда Роча указал цель — два корабля, шедших позади английского арьергарда. Нужно было как можно быстрее отсечь их от остальных англичан и этим облегчить положение Валдеса, постаравшись отвлечь их внимание на себя, а потом поспешить на выручку „Trinidad”. Мысленно он прикинул в голове все линии, углы и румбы прокладываемого курса — это занимало его голову больше, чем события, происходящие в непосредственной близости. Он думал о том, что нужно сотворить с парусами, чтобы заставить находящуюся под его ногами махину из

дерева и железа, водоизмещением в три тысячи тонн, двигаться с удвоенной энергией в самое пекло боя. Правда была в том, что военный корабль был комплексом механизмов и плавучих мастерских, предназначенных для сражения, где люди, подчиняясь уставам и приказам, работали и умирали как автоматы, вне зависимости от их преданности или компетенции.

— Капитан, подходит еще один англичанин!

Роча обернулся посмотреть, но его ослепила вспышка из левого борта ближнего к ним неприятельского судна, и через мгновение выпущенные англичанином снаряды потрясли „Antilla” сверху донизу. Со сжавшимся в груди сердцем и искаженным от напряжения лицом командор поднял глаза, чтобы убедиться, что сверху сыплются лишь щепки и обрывки фала, но в целом рангоут и такелаж устояли.

— Слава Всевышнему, — с облегчением прошептал он.

И это было сейчас самое главное, потому что без мачт корабль превратился бы в морской буй,

неспособный двигаться и представляющий из себя отличную мишень для вражеских пушек. И тогда он был бы обречен. Это было то, что происходило в данный момент с находившейся в поле зрения Роча большей частью французских и испанских кораблей.

— Линарес!

— К вашим услугам, сеньор капитан.

Роча указал штурману (мичману Бартоломею Линаресу) просвет между носом и кормой ближайших к ним двух английских кораблей, которые шли в конце атакующего стоя противника:

— Еще один румб вправо. Нам нужно прорваться вон там.

— Попытаюсь, мой капитан.

— Не попытаюсь, приятель, а выполню Ваш приказ.

Пока штурман посредством сигнального рожка передавал команды рулевому, находившемуся ниже палубы юта, по всему борту судна пробежала вереница вспышек от выстрелов, сопровождаемых

соответствующим звуком, похожим на трещетку. Пумба, пумба, пумба. Это „Antilla” дала ответный залп по англичанину, адресованный в том числе Георгу III¹⁹ и его распутной мамаше, а когда ветер разогнал дым от канонады, Роча с удовлетворением отметил, что его люди не оплошали.

Артиллерийские команды копошились вокруг 8-ми фунтовых орудий на шканцах и на баке, охлаждали и заряжали их вновь, выталкивали и закрепляли в орудийных портах, тем временем стрелки, подобно размещенным на юте гренадерам, залегли на палубе (под сетями, натянутыми над их головами, с целью защиты от падающих сверху шкивов, деревянных обрубков, цепей и тросов), укрывшись позади свернутых носилок и нагроможденных на фальшборте вещевых мешков, и оттуда открыли пальбу из ружей, обмениваясь огнем с английскими стрелками.

---

¹⁹ Георг III — король Великобритании, правивший с 1760 по 1820гг. , сын Фредерика, принца Уэльского и Августы, принцессы Заксен-Готтской.

Некоторых моряков и рекрутов, пытавшихся улизнуть при каждом вражеском залпе, пришлось вернуть на их места ударами кнута, а один из охранявших люк морских пехотинцев должен был, угрожая штыком, отогнать струсившего новобранца, ищущего подходящий момент, чтобы спрятаться внизу в трюме; но в целом экипаж демонстрировал должную дисциплину. Уже были убитые и покалеченные, но их пока было немного. Большинство раненых укрылись у трапа шкафута или у люков, причитая „ай, ай, как больно, мамочка”, кто способен был передвигаться направлялись самостоятельно в трюм, где первый хирург Эстевез вместе со своими ассистентами приступил к ампутациям и прижиганиям ран. И пока падре Потерас, щеголяя латынью, отпускал грехи, склонившись грудью над пациентами, сверху сбрасывали в воду трупы погибших, чтобы они не мешались под ногами на палубе и не деморализовали остальных.

— Прощай, Пако. Шлеп. Прощай, Маноло. Шлеп.

Разрушений было немного. Роча был проинформирован о том, что на первой и второй батареях разбиты пара орудий, но офицеры поддерживают порядок среди личного состава, по верхней палубе пришлось несколько серьезных попаданий, и в результате пострадала рама фок-мачты, а у третьего орудия по правому борту с лафета был сбит ствол; но почти все ванты и бакштаги, поддерживающие мачты, остались невредимыми. Больше досталось корме: пропал приличный кусок продольных мостиков, оставив после себя лишь обломки поломанных досок и пятна крови.

— Команда держится достойно, мой капитан.

— Вижу, — ответил Роча, а про себя воздал молитву „Отче наш” на арамейском и подумал: — Единственное, что осталось у бедной Испании и что спасает её от полного бесчестия — это народ.

Но, с другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что, несмотря на военное превосходство англичан в последние сто пятьдесят лет, Испания не утратила лицо: доказательства тому — постоянная связь с Америкой через океан, оборона „жемчужины

Вест-Индии” Картахены де Индиас против двухсот кораблей и 27 000 солдат Верона, победа Наварро в Тулоне, героическая оборона форта Эль — Морро под Гаваной, которую возглавил Луис де Веласко, научные экспедиции и труды Хорхе Хуана, картография Висенте Тофиньо, экспедиции к берегам Алжира, шебеки Барсело²⁰, нажим на Ямайку, вылазки на английское побережье, захват Сан-Антиоко и Сан-Педро, защита Тулона, Росас, Эль Феррол и Кадиса. Или еще случай, когда сеньор Хуан де Лангара обломал англичанам рога в битве между мысами Сан-Винцент и Санта Мария: его „Fenix” прикрывал отступление эскадры и восемь часов дрался один против нескольких британских кораблей, пока не лишился всех мачт, почти весь экипаж был убит или покалечен, и лишь тогда его раненный капитан приказал спустить флаг. „Все это, — с горечью размышлял Карлос де ла Роча, — вся предшествующая история, независимо от скверного правления, беспорядка и расхлябанности,

---

²⁰ Шебеки — вид вооруженного парусника, судно арабского происхождения, появилось в Испании благодаря выдающемуся моряку Барсело, организовавшему флотилию из шебек, с помощью которых испанцы нанесли поражение берберским пиратам.

совершалась простыми людьми. Тем же несчастным, бедным народом. Плохо оплачиваемым, лишенным заботы властей, таким, который сегодня сражается на „Antilla.” И никогда не имевшим достойных его господ. Барсело, Лезо²¹ и Веласко были исключением из правил. На должностях министров и чиновников всегда находились подлецы, которые, дабы восполнить некомплект экипажей во время прошедшей войны с Англией, объявили амнистию всем беглецам и дезертирам, обещали добровольцам и всем морякам платить жалование в три золотые унции²² и не удерживать на военных судах дольше, чем прописано в контракте. На деле, стоило этим несчастным ступить на борт корабля, как они превращались в пожизненных рабов. А страна оставалась без рыбаков и торговцев. Когда вспыхнула новая война, тех, кого включили в список личного состава, уже непросто было обвести вокруг пальца, они так и отвечали: „Иди и призови на

---

²¹ Блас де Лезо (1689 — 1741гг.) — испанский адмирал, возглавил оборону города Картахена в 1741 году.

²² Золотая унция — испанская монета XVII — первой трети XX веков = 80 песет.

службу стадо свиней своего папаши.” Так флот попал в трудное положение.

— Боцман!

Первый боцман Кампано, человек дисциплинированный и очень расторопный, бегом поднялся по трапу на палубу юта, даже не пригнув головы, несмотря на то, что в этот момент английское ядро пробило над ним еще одну дыру в парусе бизань-мачты.

— Я в Вашем распоряжении, дон Карлос, — отрапортовал он, прикоснувшись пальцами к своему головному убору.

— Доложи об имеющихся повреждениях, — потребовал командир.

Кампано поднес руку к плохо выбритому испещренному морщинами лицу и ответил:

— Все не так уж плохо, дон Карлос. Могло быть гораздо хуже. Вражеским попаданием срезан кончик реи грот-мачты, порваны фалинь и пара бакштагов. Пострадали две вантины фока, стенъга фок-марселя,

один брамсель, один трос и три веревочных трапа. Люди уже устраняют эти недостатки.

— В каком состоянии паруса?

— На них много рубцов. Самые значительные — четыре больших дыры на грот-марселе, две на бизани, четыре на фок-марселе и три на крьюс-марселе. Но мы делаем все, что возможно, чтобы использовать паруса с максимальной эффективностью.

Раааака. Английское ядро (Роча даже успел разглядеть это черное чудовище) пролетело над головами, едва не задев фуражку капитана, разорвало фал, оставив отвязанным шкив в опасной близости от головы гардемарина Ортиза, и, издав звук „гаааф”, потерялось с другой стороны, не причинив большого вреда. Орокете от напряжения прикусил себе губу, не осмеливаясь вмешиваться в разговор. И так все ясно. На этом этапе сражения нет необходимости подвергать опасности жизнь капитана и всего его штаба. Опыт подсказывает, что если что-нибудь случается с капитаном, падает боевой дух всего экипажа. Рааака. Следующий английский снаряд пронесся с таким гулом, что кровь застыла в жилах.

А потом еще и еще. Рааака. Рааака. Одно из ядер попало чуть ниже, задев, со звуком „клац”, фальшборт. Раздался треск, а артиллерист второй карронады завопил от боли, когда в его руку вонзились щепки, и кровь потекла ручьем. Орокете приказал ему спуститься на перевязку и немедленно возвращаться назад, и бомбардир — бывалый капрал, согнувшись сошел по трапу, не прибегая к посторонней помощи Выждав паузу, достаточную, чтобы не показать, что он спешит укрыться, Роча приказал:

— Переходим на капитанский мостик. Орокете, Вы тоже. И штурман. Все, за исключением тех, у кого здесь боевые посты.

— Так точно, мой капитан.

Прежде чем спуститься вслед за офицерами, штурманом, рулевым капитанского катера и гардемаринном Фалко, командор подошел к лейтенанту Галера — командиру морских пехотинцев, остающегося на палубе юта вместе со своими гренадерами и обслугой карронад с нахмуренными лицами взирающими на уходящих вниз, и пожал ему руку. Он почувствовал, как она

холодна. Как у покойника. Роча почти мог слышать его мысли: „Мы должны оттрахать этих мерзавцев. Вы внизу будете делать свою работу, а мы наверху — свою. Умирать — так с музыкой!” Бледный, но спокойный Антонио Галера мрачно ухмыльнулся и поднес свободную руку к головному убору, отдавая честь. Командор обернулся к гардемарину Ортизу и поручил ему охранять флагшток с флагом корабля. Приказ он отдал сухо и формально, хотя ему так хотелось обнять паренька. Но делать этого он не имел права.

— Ты отдаешь себе отчет, что означает для нас этот флаг?

— Так точно, сеньор капитан.

Голос юноши дрожал, он был бледен как лейтенант Галера, но держал себя в руках. Потом обнажил саблю и посмотрел на неё, будто увидел её впервые.

— Ему всего восемнадцать или девятнадцать лет, — с тревогой подумал Роча, — а какая собранность! То, что мы делаем, преступление перед такими, как он. Все дерьмо: и Наполеон, и Годой, и

Вильнев. И будь проклят Гравина со всей своей деликатностью, чувством собственного достоинства и прочей мурой — со всем, что окунуло нас с головой в это дерьмо.

— Ортиз!

— К вашим услугам, сеньор капитан.

Роча показал на красно-желтый флаг, который развевался на верхушке бизань-мачты над их головой, и вымолвил:

— Убивай каждого, кто попытается приблизиться к нему, желая спустить или сорвать его.

Капитанский мостик. Боевой пост капитана — место, где сражаются, побеждают или погибают. В этот час его палуба, битком забитая пушками и людьми, находилась в тени паруса, который то наполнялся под нажимом капризного бриза, заставляя скрипеть рангоут и туго натянутый такелаж, то вновь ослабевал. Позади, над капитанским мостиком, штурвалом и нактоузом нависали бизань-мачта и палуба юта. А спереди возвышалась грот-мачта и зияла объемная впадина

шкафута с продольными мостиками, ещё дальше, под фок-мачтой, располагалась палуба бака с бугшпритом, где кливер и контр-кливер (оба треугольной формы), закрепленные между фок-мачтой и концом бугшприта, пытались поймать хоть какой-нибудь ветер, чтобы помочь судну маневрировать. Количество дыр на марселях и брамселях, расправленных на всех мачтах, увеличивалось с каждой минутой; грот был подобран выше обычного. В случае его возгорания пламя не сразу перекинется на палубу, реи дополнительно закреплены цепями: вражеским ядрам будет тяжелее обрушить их. Ниже, по правому борту, батареи извергали снаряды со всей доступной им энергией и методичностью. Но еще регулярнее залпы вражеской артиллерии сотрясали корпус „Antilla”, поднимая вверх клубы щепок и обломков и убивая все живое (испанцам с трудом удавалось отвечать одним залпом на два-три неприятельских). Теперь уже было поздно поворачивать назад, море и яростная схватка окружали их со всех сторон, и действовать они должны были в строгом соответствии с Уставом.

— Никто в будущем не сможет бросить обвинение, что „Antilla” и её капитан не сделали все,

от них зависящее, — мрачно подумал Карлос де ла Роча, вспоминая инструкцию этого глупца Вильнев: „Тот, кто не открыл огонь во время боя, находился не на своем месте.”

— Достаточно, решил Роча, — Я там, где мне положено быть. Судно с семьями шестьюдесяти двумя членами моей команды (их уже осталось меньше, решил он, глядя на струящуюся сквозь люки кровь) попало в настоящую мясорубку, без малейшей возможности выскочить из неё. Возьмем верх или потерпим горькое поражение, но свой долг перед Родиной „Antilla” выполнит.

С этой верой в душе командор ходил взад-вперед, сцепив руки за спиной, с зачехленной саблей на боку, демонстрируя окружающим не напускное хладнокровие, а истинное душевное спокойствие. И это не было проявлением особенного мужества, а являлось результатом всего его жизненного пути, начиная с того дня, когда он четырнадцатилетним парнишкой впервые ступил на палубу гардемаринном, и с тех пор каждый час готовился к этому решающему событию. Его спокойствие происходило от смиренности профессионального моряка,

полагающего смерть обычным событием, который, если ему случайно повезет вернуться после боя живым (в случае с таким религиозным человеком, каким был Роча, он это, без сомнения, приписывал промыслу Божьему), воспринимал такую удачу как неожиданную прибавку к жизни. Как безграничный дар Божьего милосердия. Или нечто подобное. Но сейчас, под огнем английских пушек, Роча был холоден подобно прохладной руке лейтенанта Галера, которую он пожал наверху на палубе юта. И молился, обращаясь к Всевышнему и к Деве Марии, чтобы они не покинули их в трудную минуту, и мысленно перебирал хранящиеся в правом кармане его камзола четки, стараясь не шевелить губами, чтобы никто этого не заметил.

— „Vucentaure” потерял последнюю мачту, мой командир, — объявил Орокете.

Правда была такова, что флагман эскадры, плоский и гладкий как понтон, неуправляемый и лишенный всех мачт, окруженный со всех сторон сворой вражеских кораблей, отгрызался из последних сил.

— Будь ты проклят, мерзавец, — подумал Роча об адмирале Вильнев, рассматривая гибнущее судно через подзорную трубу. — За всеми нами идет смерть по пятам, но чтобы ты попался ей первым.

Никогда не прислушивающийся к чужим советам, неспособный принимать решения и гибко реагировать на изменяющиеся обстоятельства, обрекший на погибель тех, кто из-за слепости министра, оказался в его подчинении, сейчас Вильнёв заслуженно горел в настоящем аду.

— „Trinidad” защищается как тигр, — продолжал Орокете.

Роча направил подзорную трубу в сторону четырехпалубной махины испанца. Среди дыма и огня он разглядел, что рядом с ним на расстоянии pistolетного выстрела сражаются по меньшей мере четыре английских судна. „Santisima Trinidad” вел убийственный огонь обоими бортами, все его мачты, за исключением стеньги и реи фок-марселя, были на месте, а на самом верху фок-мачты реял флаг сигнала номер 5 (обязывающий сражаться всем кораблям эскадры). Невдалеке от них другой, похожий на „San Agustin”, испанец сошелся в схватке, уже

перешедшей в абордажный бой с двумя англичанами. Еще дальше в южном направлении форма линии союзного флота приобрела совершенно хаотичный вид, и там, среди вспышек залпов, можно было различить зарево пламени горящего корабля и поднимающийся над ним черный столб дыма, да несколько шедших последними в своих колоннах англичан, спешащих ввязаться в бой как можно быстрее. „Умелые и решительные типы”, — с горечью подумал о них капитан „Antilla”, — „знающие, что в случае успеха, командование их всегда поддержит, или, в крайнем случае, никогда не будет упрекать за решение протаранить неприятеля и ввязаться с ним в драку. А достойные будут вознаграждены. Это их работа. Война для них — доходное ремесло. И вот эти мерзавцы здесь. Алчные до золота пираты. Жестокие, дисциплинированные и непреклонные как машина, но, тем не менее, прежде всего полагающиеся на своих людей, тоже состоящих из плоти и крови и приводящих в движение их корабли. И против них мы — нелепые глупцы, у которых все богатство утекает сквозь пальцы рук в карманы самых недостойных, продавших труд и страдания своих соотечественников, забывших все

условности, нормы приличия и человечности, присвоивших себе то, что создано за счет чужого пота и крови, и никогда ничего за это не заплатившие. Поглядим, сеньоры и кабальеро, девочки и мальчики, военные без погон и званий, какая из систем окажется эффективней.”

— Курс навстречу сирокко²³, — объявил штурман, — Больше нам из этой посуды ничего не выжать, сеньор капитан.

— Давай, Линарес, давай... Делай все, что можешь.

„Тот кто, не открыл огонь по противнику...” Слова боевого наставления ударами пульсировали в голове командора. Ветер слегка усилился, это было видно по тому, как наполнились паруса, и „Antilla”, будто по просьбе капитана, прибавила в скорости, соревнуясь с замыкающим вражеский строй и идущим по правому борту англичанином, постепенно сближаясь с ним. Это был

---

²³ Сирокко — южный или юго-западный ветер, зарождающийся в глубинах североафриканских пустынь.

семидесятичетырепушечный парусник, чтобы воспользоваться порывом посвежевшего бриза, он старался использовать все возможности, но „Antilla” была уже на расстоянии ружейного выстрела от его левого фальшборта.

— Без моей команды огонь не открывать, — скомандовал Роча.

Оровете и мичман Мигель Себриан (командующий батареей на капитанском мостике) громко повторили приказ, и он прозвучал по всей длине

палубы и верхним батареям. „Ждать, ждать, ждать, черт подери! Ждать команды!” На трапешкафута показался самый юный гардемарин Хуанито Видал с чумазым лицом, командир второй батареи старший лейтенант Грандай послал его посмотреть, что происходит наверху. Приказ не открывать огонь не касался стрелков, которые уже выставили свои ружья из орудийных портов, поверх свернутых вдоль борта коек и нагроможденных на сетках фальшборта вещевых мешков, и вели стрельбу по англичанам, пальба шла и с марсов, где были размещены дозорные для коррекции огня и маневрирования.

Крак, крак, крак. Вдоль всего правого борта, от палубы юта и до бака, морские и сухопутные артиллеристы, кто с расстегнутым воротником камзола, а кто и вовсе с обнаженным торсом, но все уже перемазанные копотью после первых залпов, остужали, заряжали, отвязывали тали и выталкивали из амбразур скрежещущие 28-фунтовые орудия, командиры расчетов с запальником или фитилем в руке (проклятые кремниевые замки уже начали отказывать) снова и снова напряженно глядели в сторону кормы в ожидании приказа о следующем выстреле. Но в этот раз Роча не стал спешить. Он хотел дать залп всеми тремя батареями одновременно, влечь удар по противнику, полностью поравнявшись с его волнорезом, чтобы пронзить его борт целиком. А потом, если удастся, обойти его и произвести такой же залп, но другим бортом, по идущему впереди англичанину. Семьдесят четыре великолепных орудия должны были наспиговать внутренности каждого из них тысячью фунтами раскаленного железа. Вдоль твиндеков разнесся приказ: „Командам артиллеристов разделить между орудиями правого и левого борта. Круглыми ядрами по корпусу и

палубе. Не вздумайте подражать стрельбе лягушатников по рангоуту.”

— Командир, думаете получится?

— Не трогай меня, Орокете.

Второй помощник пробормотал извинения и умолк, продолжая с открытым ртом следить за все сокращающимся промежутком между „Antilla” и двумя английскими судами. Но сам Роча задавал себе тот же вопрос: „Проскочим или нет? Быть или не быть?” И уже не имело значения, с какого фланга наброситься на англичан, здесь или чуть ближе. „Тот, кто не открыл огонь по противнику...”

— Подтянуть фок-шкоты. Нос держать по ветру. Я не хочу видеть как полощется проклятый фок-марсель.

Роча вновь сцепил руки за спиной и развернулся к находящемуся в тени палубы юта штурвалу, где в мнимом укрытии позади толстенной бизань-мачты двое бывалых матросов под внимательным взглядом штурмана вращали рукоятку штурвала. Линарес считал их лучшими рулевыми: одного из них, энергичного и крепкого выходца из Альмерии, звали

Перико Гарфия, другой же, чье имя Роча не мог вспомнить, был родом из Валенсии. На случай, если английские ядра разобьют штурвал на палубе или его стойку, второй штурман Наварро вместе с еще двумя рулевыми и несколькими помощниками находились двумя палубами ниже, в районе порохового погреба, готовые управлять судном оттуда.

— Над Валдесом собираются тучи, — сказал Орокете.

Роча посмотрел в направлении левого борта. По траверсу можно было разглядеть „Neptuno”, который, несмотря на потерю стены марсея и едва держащуюся грот-мачту, отчаянно бился с двумя, не дающими ему прохода, английскими кораблями. Порванные и упавшие на палубу паруса фок-и грот-мачт лишали его шансов вырваться. Роча представил себе стоящего на капитанском мостике Каэтано Валдеса, уже смирившегося с невозможностью прийти на выручку „Bucentaure” и „Trinidad” и дерущегося сейчас за свою жизнь, жизнь своего корабля и экипажа. И шкуру свою он хотел продать как можно дороже. С этого места было видно, насколько эта схватка одного против двоих была

бескомпромиссной и жестокой, без шансов на выживание.

— Валдесу не выйти живым оттуда.

Орокете вопросительно посмотрел на Роча, будто умоляя поспешить на помощь товарищу. Но командор глядел в сторону продолжающегося сражаться „Trinidad”. Официальная доктрина морского боя предписывала в первую очередь оказывать содействие главным силам флота. Приказ есть приказ. Как говорится, вначале самые толстые рыбы, а сардины — потом.

— Ветер, хоть и на капельку, но становится сильнее, мой капитан.

И верно. „Antilla” стала набирать скорость и лавировать стало легче. Роча понимал, что сомнения второго помощника, „пройдем или не пройдем”, имели основания. Может быть, выйдет, а, может, нет. Ведь в любую минуту ветер мог ослабнуть, а то и пропасть вовсе, и в этом случае судно будет взято на abordаж идущим последним в английской колонне семидесятичетырехпушечным с черным корпусом и желтыми полосами на борту неприятелем, чья вторая

батарея в этот момент дала залп, заставивший всех на палубе пригнуться (всех, кроме Роча, который продолжал стоять с высоко поднятой головой и прямой, казалось, негнущейся спиной), один из снарядов разорвался у самого капитанского мостика, вдребезги разбив кабестан и оставив лежащими неподвижно четверых человек, истекающими кровью, будто забитый на бойне скот.

— Крепить фалы!

Первый боцман Кампано собрал полдюжину надежных матросов и послал их устранить повреждение.

— Себриан!

— Я в Вашем распоряжении, мой капитан.

Вместо положенной шляпы на голове мичмана Себриана был повязан окровавленный платок. Осколок оторвал ему полуха. Его галстук и воротник мундира были пропитаны свежей кровью, но этот жилистый худой рыжеволосый симпатяга держался молодцом.

— Будем брать этих псов на abordаж?

Себриан сохранял полную невозмутимость. Он рвался в рукопашную. Но Роча ответил, что у него и в мыслях этого нет, идти на abordаж с командой, состоящей из новобранцев, нищих и каторжников, способных лишь прокричать „Vivaspana”, что это полное безумие. Себриан вынужден был согласиться. А Роча прибавил, что abordаж вероятен от противника справа, поэтому для отражения его атаки нужно приготовить пики, сабли и пистолеты, а отряду морских пехотинцев примкнуть штыки. И на случай, если англичане зацепят нас за такелаж и попытаются проникнуть на борт, наготове должны быть топоры для обрубания abordажных крюков. Стрелкам на марсах Роча приказал приготовить бутылки с зажигательной смесью (получившие впоследствии название „коктейль Молотова”) и гранаты (при этом он убедился, что все это уже имеется наверху).

— А ты останешься с мобильным отрядом, чтобы прийти на помощь туда, где будет особенно тяжело, — обратился капитан к Орокете, — Будь то на палубе юта или на баке. Понятно?

— Я уже рою копытом землю, как раззадоренный бык, — оживился второй помощник.

Себриан искоса взглянул на него.

— А я, дон Хавьеро, возбужден так, будто передо мной моя теща.

„Отличные ребята”, — подумал Роча и продолжил отдавать команды. Будучи галисийцем, он ценил юмор. Но сейчас это был черный юмор. Да и какой сейчас мог быть у испанского моряка юмор? Только черный. Рааака, клац.

Рааака, рааака. Клац. Треск ломающихся досок и свист осколков. Разом лопнули два коуша бакштага грот-мачты. Кусок поручня и угол парапета правого борта превратились в обломки и разлетелись в разные стороны. „Рааака, рааака. Бум, бум”, — загрохотало все вокруг. Внизу содрогнулись деревянные балки корабля, грохот на нижних палубах заставил вибрировать всю конструкцию судна. И еще один снаряд попал точно в корпус корабля. Оровете взял в руки рупор, чтобы его могли слышать сквозь адский шум:

— Закрепите эти бакштаги, вашу мать!

Так как боцман Кампано был занят фалами (кроме того, только что был убит один из матросов его команды), примчался гардемарин Фалко, позвал на помощь караульного и пятерых матросов, и все вместе они стали крепить оторвавшиеся бакштаги. С тревогой Роча следил за тем, как паренек, перебравшись через площадку наружного крепежа грот-мачты, крепит трос на раскачивающемся такелаже под огнем противника.

— Отчаянное молодое поколение подросло, — прокомментировал Орокете и почесал бакенбарды.

Рааака, рааака, клац. В этот раз английские ядра ушли выше, пробив бреши в марселе и фок-марселе. Один из них порвал бейфут²⁴ реи. Люди на марсе съёжились, вцепившись в бакштаги, но вскоре, раскачиваясь там наверху, попытались устранить дефект. Один из них, возможно раненный, или просто менее ловкий, нежели его товарищи, повис, дрыгая ногами в воздухе и цепляясь за ванты, при следующем крене корабля, когда мачта наклонилась

---

²⁴ Бейфут — толстая, обшитая кожей, веревка, служащая для прикрепления реи к мачте.

в подветренную сторону, свалился в море, издав протяжный вопль „ааах.” При виде этой картины Роча отвел взгляд в сторону. Потом он забрался на лафет одной из пушек правого борта и посмотрел в сторону приближающегося английского корабля.

— Только бы не ошибиться в расчетах и не попасться на абордаж, — подумал он.

Командор, хотя и симпатизировал Себриану, сомневался, что его люди смогут отбить штурм.

— Сеньор капитан, разрешите обратиться? На капитанском мостике появилась очкастая физиономия Бонифация Мерино, писаря, счетовода и хранителя судовой кассы „Antilla”. Это был полный, плохо выбритый сорокалетний мужчина робкого вида. На судне он занимался бухгалтерским учётом и иногда, как подобное водится у людей этой профессии, что-то оседало в его карманах. Служба на корабле легко позволяла такое: он вел учет боеприпасов и провианта, просматривал бумаги с расходами трески, овощей, солонины, сала, сыра, вина, галет в течение всего плавания, которое могло длиться четыре и более месяцев. Искушаемый поставщиками, оптовыми торговцами и

сотрудниками складов флота, он мог приобрести сотни пудов плохой, зараженной вредителями, муки. В Испании это было типично для любого, через чьи руки проходило хоть что-то.

— Зачем ты здесь, Мерино?

— Внизу мне нечего делать, сеньор капитан... Я подумал, что... Хм. Что я...

— Что ты?

— Буду полезнее наверху.

Роча пристально посмотрел на писаря, тот замигал, но взгляда не отвел. На своем веку Роча повидал разных счетоводов, и этот не был самым плохим из них, хотя и допускал некоторые злоупотребления. Какое-то время он рассматривал его, глядя сверху вниз: мятая шляпа, грязные ботинки, поношенный, весь в бурых пятнах и вытертый до блеска на локтях камзол, пальцы, вымазанные чернилами. Солдат так выглядеть не должен.

— Почему именно сегодня, Мерино?

Писарь снял шляпу, обнажив редкие курчавые волосы. И вновь надел её. Он провел на „Antilla” полтора года, но впервые просил оставить его на палубе во время боя.

— Мой брат погиб двадцать второго июля при Финистерре, — выдавил он в конце — концов, — ...Он был третьим штурманом на „Firme.”

Какое-то мгновение Роча продолжал смотреть на него. Что за вопрос? Каждый волен сражаться за то, что считает важным для себя.

— Можешь остаться на шканцах. Присматривать за ранеными и подавать патроны.

— Благодарю, сеньор капитан.

Рааака, бум. Вновь вздрогнула дубовая обшивка корабля, полетели щепки и осколки, а весь рангоут и такелаж завибрировал, издавая пронзительный гул, подобный звуку скрипичной струны, которую дергает вредный кот. С беспокойством Роча разглядел, что грот-мачта дала гигантскую трещину поверх салинга грот-брам-стеньги. Бакштаги выдержат и может показаться, что все в порядке. Но все только начинается...

— „Neptuno” потерял бизань-мачту, — выкрикнул кто-то.

"К черту „Neptuno”, — подумал Роча. Сейчас все его внимание было приковано к проблемам, с которыми столкнулся его корабль. В эту минуту бугшприт „Antilla” уже был направлен прямо в левый борт натягающего все паруса англичанина. Его капитан догадывался о намерениях Роча, но английский парусник потерял рею грот-мачты вместе с парусом, и это тормозило его ход. А „Antilla” уже подошла к нему на расстояние пистолетного выстрела, поравнявшись носами, и с этого места уже можно было хорошо различить лица людей вражеской команды: офицеров на капитанском мостике, матросов, хлопочущих вокруг орудий верхней палубы и карронад на юте, одетых в красные мундиры с белой португеей морских пехотинцев и стреляющих с марсов стрелков. Опять шум над головой Роча. И еще один матрос безмолвно (пожалуй, он был убит наповал) свалился сверху, да так и остался висеть на натянутой над капитанским мостиком сетке, одна его рука свесилась вниз, и по ней на влажный песок, рассыпанный на палубе, стекала алая струя крови. Командор, стоявший внизу,

отошел в сторону, чтобы кровь не намочила его китель. За своей спиной, наверху на юте, он слышал как кричит, отдавая команды, лейтенант Галера, и вскоре его гренадеры открыли огонь по вражескому кораблю. Бац, бац. Отличный паренек этот Галера. Несмотря на то, что смерть со своей косою прошла совсем рядом с ним, он ни на секунду не потерял самообладания. Крак, крак, крак. Роча взглянул вверх и какое-то мгновение изучал лицо погибшего, упавшего в пяти шагах над его головой. Он не помнил его, хотя по виду это был бывалый моряк: босые ноги, загорелая кожа (смертельная бледность еще не завладела его лицом), непостижимые татуировки, синеющие на свесившейся руке, по которой струился ручеек крови. Неподвижные приоткрытые глаза уже застлала поволока, будто он был поглощен какими-то мыслями. Отведя глаза от мертвеца, Роча встретил напряженный взгляд гардемарина Хуанито Видала, который, несмотря на все случившееся, продолжал нести вахту на трапешкафута. „Бог ты мой, тринадцать лет. Возраст моего старшего сына”, — подумал Роча.

— Все в порядке на второй батарее, Видал?

— Да, сеньор капитан.

Неиствующая ружейная стрельба то ослабевала, то нарастала вновь, перекатывалась волнами с одного борта к другому, сверкала вспышками и наполняла дымом все вокруг. Стараясь перекричать шум пальбы, Орокете приказал тем, кто не имел ружей, лечь и прижаться к палубе или укрыться за простенками между бойницами. Людям не нужно было повторять это дважды, они тут же свалились один на другого. „Хорошо бы с такой же легкостью поднять их вновь, когда понадобится”, — подумал Роча. Одна из пуль разбила стеклянную колбу песочных часов, прикрученных позади грот-мачты, заставив вздрогнуть одного из рулевых. Второго рулевого слегка задел осколок 8-фунтового снаряда. Следующее попадание пришлось по дощатому настилу палубы в шаге от украшенных серебряными пряжками ботинок командора. Щепки полетели во все стороны, поднялся столб пыли из фрагментов дегтя и прочих клеющих смесей. Рулевой капитанского катера Роге Алдаз бросился к Роча, чтобы помочь, но тот остановил его взглядом. Орокете тоже видел произошедшее и пристально посмотрел на своего капитана в ожидании

комментариев или хоть какой-то реакции, но Роча остался безмолвным, будто ничего не случилось. Сказал лишь, что уже лишился глаза по вине этих свиней. Его капитанская форма с эполетами на мундире и золотыми нашивками на фуражке привлекала к себе особое внимание вражеских стрелков. Но выбора не было, и Роча, сжав зубы и напрягая все мускулы в ожидании следующих выстрелов, способных отправить его на небеса, продолжал отмерять шаги из стороны в сторону, сохраняя спокойствие, насколько это возможно было в сложившейся обстановке, стараясь не подставлять себя под вражеские пули и не быть неподвижной мишенью. Бац, бац. Хлоп. Со всех сторон свистят пули, да жужжат осколки. И тот, кто не стреляет, находится не на своем месте, мать его... Роча вновь нащупал четки, лежащие у него в кармане, и стал перебирать их. „Спаси и сохрани нас, святая Мария...”. Мимолетно перед его глазами промелькнули образы жены и четверых детей.

— Если бы я мог знать, — с безмерной печалью вопрошал он себя, — сколько времени понадобится бедной Луизе, чтобы получить причитающееся мне жалование и вдовью пенсию.

Тем временем „Antilla” выиграла гонку, её нос поравнялся, а потом опередил бугшприт англичанина.

10. Капитанский мостик

Краак. Только когда стеньга грот-брамселя, свалившись сверху, разлетелась с потрясшим весь корабль грохотом, гардемарин Гинез Фалко оставил попытки оттащить труп Линареса (один из осколков, отрекошетив от стойки штурвала, только что обезглавил его) и, предварительно убедившись в том, что оба рулевых находятся на своих местах и продолжают удерживать рукоятку штурвала, появился на капитанском мостике, продолжая вытирать вымазанные кровью руки о свою форменную куртку. „О, святая Мария!” — вымолвил он, глядя, как стеньга обрывком паруса сцепилась со стодвенадцатифутовой реей грот-мачты, и, опираясь на правый борт, балансирует в воздухе, вертикально свисая прямо над углублением шкафута, в это время наверху на марсе „час, час” (звуки от ударов топорами распространялись до самой палубы) матросы пытались освободиться от всего лишнего

хлама и сбросить его за борт. К счастью, рея марселя и его парус остались неповрежденными. Внизу на палубе, под натянутой сетью, сейчас уже порванной во многих местах и полной деревянных обломков, обрывков такелажа, парусины и будто попавшихся в паутину трупов, сражались артиллеристы, матросы и солдаты, окутанные разъедающим глаза и легкие едким дымом, охрипшие, истекающие потом, почерневшие от пороха, посреди урагана из осколков, картечи и английских пуль, разрывающих и калечащих все, что попадалось на их пути.

— По этим псам!... Пли!

Рааака, клац, клац, клац. Фалко весь сжался, когда обшивка „Antilla” затрещала внизу под ударами ядер еще одного английского залпа. Разрушения были огромными. В свои шестнадцать лет юный курсант уже побывал в морских сражениях, таких как при Финистерре, но никогда до сегодняшнего дня он не видел палубу корабля столь опустошенной от вражеского огня. Почти все поручни по левому борту сорвало осколками, с той же стороны три из восьми орудий верхней палубы были сбиты с лафетов. Не обращая внимания на

интенсивный неприятельский огонь, люди в самозабвении продолжали остужать стволы, заряжать и стрелять, освобождать тали, чтобы выставить пушки из амбразур, сбрасывать в воду путающиеся под ногами тела погибших товарищей, по возможности относить покалеченных к люкам и дальше в лазарет (этим занимался по уши перемазанный кровью писарь Мерино). То же самое происходило на палубе по правому борту, где пригодными оставались шесть орудий. Фалко поразился тому, что, несмотря на суматоху боя и ощутимые разрушения, экипаж продолжал сохранять дисциплину. Юнги, пригнувшись, продолжали таскать картузы из порохового погреба, передавали их артиллерийской службе и снова исчезали в люках, чтобы принести следующие. Правда, каждая команда бомбардиров вела огонь по своему усмотрению, а укрывшиеся за изрешеченными пулями бортовыми досками стрелки падали из мушкетов, кто куда вздумает, качка мешала прицелиться, а слабый ветер не разгонял дым, но присутствие офицеров, которые, с поднятыми вверх саблями, шныряли то тут, то там, подбадривая людей, призывая исполнить долг или вынуждая

вернуться на свои места тех, кто пытался спрятаться, поддерживало боевой порядок на должном уровне. Вдобавок, к этому времени все уже были злые как черти, а это во время боя идет на пользу. Большая часть крестьян, каторжников и бродяг, забранных силой пару дней назад, те, кого недавно тошнило и выворачивало наизнанку, теперь орали от гнева и посылали проклятия англичанам, заряжали и стреляли с такой сноровкой, будто делали это всю жизнь, с осознанием, что от этого зависит, выживут они или погибнут. Страх и злость, убедился юный Фалко, в правильном соотношении творят чудеса. В конечном счете, совсем неопытные и имеющие ничтожный боевой дух, испытав на себе ужас вражеского огня, видя, как замертво падают их товарищи, все, до самого малодушного и робкого, уже во весь голос орали о своем желании вырвать печень у этих английских псов.

— Что со штурманом? — спросил второй помощник Орокете.

— Испустил дух, — ответил Фалко, на что дон Карлос де ла Роча лишь полуобернулся, и, не прокомментировав услышанный ответ, продолжал

бесстрастно смотреть вперед в направлении разгромленной палубы, пока старший плотник корабля Хуан Санчес (которого все на судне звали не иначе, как Фуганок) информировал его о разрушениях: четыре опасные пробоины у ватерлинии, двадцать пустяковых вдоль бортов и так далее до мелочей.

С изумлением юный гардемарин взирал на негибаемую фигуру командора, который после доклада плотника продолжил размеренно ходить по капитанскому мостику, то и дело поднося к глазу подзорную трубу с таким хладнокровием, будто он прогуливается со своей семьей по бульвару Анча в Кадизе после того, как отслужили мессу в соборе Кармен. Это был человек особой породы, воин по призванию. Погибая в бою, они оказываются прямиком на небесах. Пожалуй, поэтому дон Карлос де ла Роча не кланялся пулям и не суетился, когда, сопровождаемый серией глухих трескучих ударов „катакатапумба” следующий залп, находившегося по траверсу их правого борта английского корабля (это был второй англичанин, в это время он бил по ним всеми орудиями своего левого борта), прямым попаданием разнес борт „Antilla”, а фрагмент

картечи вырвал подозрную трубу из рук Роча, не задев самого капитана, но прежде, перебив горло морского пехотинца, который уронил мушкет и упал, будто оступился, в углубление шкафута. Фалко уже видел своего командира в подобной ситуации, такого же бесстрастного и невозмутимого, в бою с англичанами при Финистерре, когда в полном тумане произошло столкновение с адмиралом Калдером. Рассказывали, что аналогичной линии поведения он придерживался и в схватке „Santa Ines” против „Casandra”, и при Сан-Винценте, и сражаясь на суше вместе со своими матросами во время эвакуации из Тулона в 93-м году, где адмирал Худ (высокомерный и жестокий, как всякий порядочный англичанин) заботился лишь о том, как погрузить свои войска на корабли, одновременно сжигая за собой все, что можно было сжечь и отказываясь взять на борт ищущих убежище членов французской монархической семьи, в то время как испанцы, рискуя своими жизнями, спасали этих несчастных. Среди них был и дон Карлос де ла Роча, тогда еще капитан фрегата, последним покинувшим бухту.

— Фалко, взгляни, пожалуйста, что там на палубе юта... Что-то не слышно стрельбы карронад.

Гардемарин отдал честь и, подчиняясь приказу, поднялся по трапу, соединяющему шканцы с палубой юта, находившейся в тени парусов бизань-мачты (к этому времени лишь их жалкие парусиновые клочья трепыхались по ветру). Пригнувшись, он остановился на полпути, когда залпы мушкетов затрещали над фальшбортом, и, не рискуя лишний раз, огляделся вокруг: квадратики парусов дивизиона Думанира уже были едва видны на юго-востоке, а затянутая пороховой дымкой, пронзаемая вспышками орудийных и мушкетных залпов и сопровождаемая монотонным аккомпанементом глухих выстрелов панорама боя растянулась на много миль, выделяясь бесчисленным количеством поломанных мачт и разорванных парусов.

С подветренной стороны от „Antilla”, почти прижавшись друг к другу, сражалась дюжина кораблей. К этому времени флагман адмирала Вильнев спустил флаг, и на огрызке, оставшемся вместо одной из уже отсутствующих мачт, развевался английский вымпел. *Aurrevoir, mes amis.* Фалко представил себе главнокомандующего в его припудренном парике, всего в галунах и бахrome.

— Ya hemos cumplido con la patri, mes garsons. Rien ne va plus. Ase que laissez faire, laissez passer. O sea: laissez les armes, citoyens

— Pardon?

— Que nos rendimos, cono.²⁵

Но „Santisima Trinidad”, несмотря на сбитые и упавшие вдоль его бортов мачты, такелаж и паруса, продолжал вести интенсивный огонь и отбивался, подобно загнанной в угол кошке, от трех вражеских кораблей, окруживших его со всех сторон и заседавших с нечеловеческим остервенением. Фалко представил себе, с какой неприязнью взирают на то, как спускают французский триколор находящиеся на борту „Trinidad” командующий эскадрой Киснерос, весь его командный штаб и капитан четырехпалубного испанца Уриарте.

---

²⁵ - Мы выполнили свой долг, приятели. Ничего не поделаешь. Придется прекратить огонь. Или: придется сложить оружие.

- Простите?

- Мы сдаемся. (фр.)

— Обрати внимание, Уриарте, на бесстыдство того, кто рассказывал нам всю эту муру про ожесточенное сопротивление до последней капли крови. Не сложивший ли сейчас оружие Вильнев?

— У нас тоже осталось немного сил, мой генерал.

— Да. Но мы еще подеремся, *vale*?... Хотя бы, чтобы утереть нос французам.

Немного севернее бился парусник, силуэт которого напоминал „San Agustin”, невдалеке от него ожесточенно сражался накренившийся с подветренной стороны „Intrepide”, в действиях обоих просматривался явный замысел объединиться с уцелевшими кораблями союзной эскадры, которые собрались по ту сторону линии боя и до сих пор могли маневрировать (им повезло больше), пытаясь перестроиться и отойти на северо-восток в направлении Кадиза. Почти рядом с „Trinidad”, но без шансов пробиться к нему, чтобы помочь, отчаянно дрался „Neptuno” во главе с бригадным генералом Валдесом. Он уже лишился грот-мачты, с других мачт были сбиты стеньги и оторвана половина бакштагов, а корпус был продырявлен

ядрами настолько, что „Neptuno” напоминал памятник „Эль Качорро” в квартале Триана²⁶. Было ясно, что он доживает последние минуты без всякой надежды на спасение, огонь его слабел на глазах.

— Настоящее решето, — прокомментировал боцман Кампано.

„Мы не лучше”, подумал Фалко, но не проронил ни звука. Что касается „Antilla”, то пройдя между двумя английскими кораблями, замыкавшими неприятельскую колонну и идущими следом за флагманом адмирала Нельсона „Victory”, она, почти обездвиженная по причине отсутствия ветра, сражалась теперь с этими двумя англичанами на дистанции пистолетного выстрела. Правда, прежде чем паруса, флаги и вымпелы безжизненно обмякли и повисли, „Antilla” уже почти прорвалась на намеченную Роча боевую позицию.

---

²⁶ Исторический квартал Триана в Севилье. Скульптура „Умиравшего Христа” или „Эль Качорро” создана Франсиско Антонио Руисом Хихон в 1682 году и установлена в часовне Петросинию в Триане. Моделью послужил цыган по имени Качорро, весь израненный и умиравший после стычки.

Когда она своим правым бортом проходила под носом у семидесятичетырехпушечного вражеского парусника, капитан отдал приказ открыть огонь, мичман Себриан поднял саблю и повторил эту команду, и в тот же момент вражеская пуля сразила его наповал, попав в грудь и застигнув его в этой героической позе, а восемь 8-фунтовых орудий и две карронады по правому борту одновременно с двумя нижними батареями издали залп „пумба, пумба, пумба”, полностью разmozжив нос англичанина, вырвав половину бугшприта, „крааак”, разбив вдребезги его волнорез, рею фок-мачты, не менее двух орудий на баке и, без сомнения, послав в преисподнюю кучу народу, отчего сила духа испанской команды возросла многократно.

Но капитан другого английского парусника, находившегося с противоположной стороны, разгадал замысел Роча, вывел свою корму из-под удара и нацелил батареи своего правого борта напрямиком в левый борт „Antilla”. Его семидесятичетырехпушечный линкор под развевающимся на бизань-мачте британским флагом встал на пути „Antilla”, лишив её возможности прийти на выручку „Trinidad”, одновременно он вел

прицельный огонь левым бортом по другим, находившимся в непосредственной близости, испанским кораблям. Хуже всего было то, что лишенная возможности маневра „Antilla” (предвидя последствия этого, дон Карлос де ла Роча всячески пытался избежать абордажа) стала отличной мишенью для первого англичанина, который, дрейфуя, мог безнаказанно сметать её палубу юта.

Палуба юта уже преобразилась до неузнаваемости.

Несмотря на то, что сознание Фалко было подготовлено к открывшемуся перед ним ужасному зрелищу картиной стекающей сверху по трапу и струящейся по поломанным стойкам фальшборта крови, поднявшись наверх, гардемарин вынужден был остановиться, чтобы, будто выброшенная из воды рыба, глубоко вздохнуть, вобрав в легкие воздух, и лишь потом он обрел способность двинуться дальше, погружая ботинки в расплывшееся по палубе кровавое месиво и раздвигая ногами

оторванные конечности, обломки шкивов²⁷, полипаста²⁸, лоскуты парусины и останки человеческих тел.

Обе карронады по правому борту отсутствовали, пропали вместе со всей артиллерийской командой из десяти человек, исчезла и венчающая часть кормы вместе с фонарем и сундуком, где хранились флаги; вместо этого царил хаос из поломанных досок, оборванных тросов, искореженного орудия и груды потрохов. Одна из двух карронад левого борта была сбита с лафета и перекатывалась по палубе при каждом крене корабля, вторую, оставшуюся нетронутой, некому было обслуживать. Из тридцати пяти человек — артиллеристов и морских пехотинцев, которые находились на палубе юта в начале боя, в живых остались едва ли полдюжины гренадеров, залегших за кучами хлама и старавшихся вести огонь из мушкетов, лейтенант Галера, их командир, ползком перемещался поочередно к

---

²⁷ Шкив — колесо с канавкой по окружности, передает движение канату.

²⁸ Полипаст — элемент лебедки, служащий для установки каната на ролике.

каждому, пригибая голову, чумазый от пороховой гари, будто негр из Гвинеи, и указывал им мишени на марсах и марселях вражеского корабля. В конце-концов Фалко просунул голову через разбитый люк на нижнюю палубу, прямо в лазарет — в помещение, обычно служившее для разделки рыбы, а сейчас больше похожее на мясную лавку, и пока он взглядом искал гардемарина Ортиза, которому было поручено охранять боевое знамя (эта обязанность повсеместно налагалась на гардемаринов), и которое, хотя и изрешеченное, возвышалось на колеблющемся пике бизань-мачты, его едва не вырвало от тошнотворного запаха, исходившего от смеси горелого дерева, пороха, крови и разлагающихся внутренностей. Наконец Фалко увидел своего товарища на вверенном ему посту: позади бизань-мачты, прислонясь спиной к тумбе битенга, тот сидел с саблей в руке и с открытыми остекленевшими глазами, длинный лоскут его собственной рубашки был небрежно затянут вокруг разорванного картечью бедра с зияющей на нем раной, из которой растекалось обширное багрово-красное пятно еще не спекшейся крови, она сбегала ручейком,

колеблющимся на палубе из стороны в сторону при каждом крене корабля.

Но когда Гинез Фалко, шмыгая носом (дым, запах пороха, воспоминания об истекающем кровью Ортизе) вернулся, чтобы доложить своему командиру, (сеньор капитан, пока лейтенант Галера продолжает контролировать ситуацию наверху, знамя в порядке, и его никто не спустит), он и мысли не допускал о поражении. Даже на йоту. В этот час в его голове все перемешалось: сражение, непосредственная дуэль „Antilla” с двумя семидесятичетырехпушечными английскими кораблями, драматические сцены борьбы каждого участвующего в битве испанского или французского судна. Победа или разгром были результатом общих усилий и каждого в отдельности, кто огнем отвечал на огонь противника. Может быть поэтому, заключил юноша, окидывая взглядом происходящее вокруг, люди, которых в это судьбоносное время их король и родина окунули в чертово дерьмо (он сам поражался своим мыслям, осознавая, что слово „родина” лишено теперь всякого смысла), сражались, руководствуясь в отношении тех, кто терзал их из орудий и ружей, заповедью „око за око, зуб за зуб”.

Собственная шкура, жизнь, пульсирующая в его сердце и голове, падающие рядом и кричащие от боли товарищи, их неистовство и ярость — теперь именно это было олицетворением родины. Да далекая, недоступная земля, где кто-то ждал их. „Родина — это чьи-то матери”, — подумал юноша, вспоминая о своей. Чьи-то дети, отцы, сестры и жены, которые, взобравшись сейчас на крепостные стены Кадиза или на утес мыса Трафальгар, вглядываются в море, туда, откуда из-за горизонта доносятся глухие отзвуки канонады; или, находясь в других городах и селеньях, ждут и любят их, не взирая на проявленный ими героизм или трусость, безрассудство или малодушие. Ждут и любят тех, по ком в этот момент в углублении шкафута от попадания английской картечи пронзительно и печально, как по покойникам, зазвонил колокол, будто предрекая грядущие роковые события.

Голос дона Карлоса де ла Роча оторвал гардемарина от его раздумий:

— Ты в порядке, Фалко?

— Да, сеньор капитан.

Он увидел, как переглянулись дон Карлос и второй помощник Орокете. Теперешняя палуба юта была неподходящим зрелищем для молоденького паренька. Но сегодня выбора не было ни у кого. Раака, бум. Раака, бум. Убивая все живое, продолжали грохотать свои и чужие орудия, заставляя вибрировать рангоут и корпус. Сейчас самое важное было отправить на тот свет как можно больше вражеских бойцов, прежде чем „Antilla” спустит свой флаг или вовсе отправится в преисподнюю. Сражение такого масштаба обязывало капитана выполнить Устав с максимальной тщательностью, а достоинство измерялось количеством пролитой чужой крови. Её должно быть пролито столько, чтобы враг захлебнулся в ней, чтобы его ботинки, чулки и фалды камзола пропитались ею насквозь (лишь бы это была не моя, а вражеская кровь, с внезапной, пульсирующей в висках яростью, подумал гардемарин). За честь почиталось также огрызаться до тех пор, пока судно способно держаться на плаву, в соответствии с сигналом номер 5, который продолжал реять на обломке фок-мачты „Santisima Trinidad”. В этот момент, почуяв усиливающийся ветер, паруса

встрепенулись и напряглись, и Фалко услышал, как дон Карлос де ла Роча сказал второму помощнику:

— Мы должны двигаться, Орокете, нечего тут ковырять в носу, дожидаясь, пока нас потопят, нужно использовать те лохмотья, которые остались от парусов, вмазать батареями левого борта по проклятому англичанину и пробиться дальше, туда, где находится „Trinidad”. И, если Киснерос жив, мы постараемся, по крайней мере, спасти его.

Внезапно Орокете отпрыгнул в сторону, в последний момент увернувшись от падающего сверху полипаста (натянутая сверху сеть не выдержала силы удара и провалилась вниз), но через мгновение он уже стоял, повернувшись к левому борту, оценивая позицию находящегося по траверсу английского парусника, и с сомнением покачивая головой.

— Я двинусь, как Вы приказали, мой капитан, но я не уверен, что этот негодяй нас пропустит, не говоря уж о втором, по другому борту, который изрешетит нас бортовым залпом, как только мы подставим ему нашу беззащитную корму.

— Это приказ, Оровете. А приказы не обсуждаются.

Столпотворение на палубе было невероятным, люди вихрем кружились вокруг пушек, бомбардиры, стрелки, матросы — все стреляли, как только могли, расчищали мешающие им завалы, выбрасывали за борт трупы погибших или волокли к люкам раненых, и, стараясь перекричать грохот и вопли, второй помощник отдавал приказы, которые повторял боцман Кампано (он только что отцепил от борта разорванные снасти свалившейся сверху стеньги грот-мачты и вытолкнул её за борт, надеясь, что она рухнула вниз):

— Всем наверх! Подтянуть шкоты бизани или того, что от неё осталось! Крепить концы марсея! Брасопить с подветренной стороны все, что можно, черт подери!

Свистки боцманов и щелчки плети заставляли нерадивых двигаться энергичнее (удары кнутом и уколы штыком в задницу доставались пожелавшим найти укрытие на шкафуте), а сам капитан в это время бросал нетерпеливые взгляды в направлении то правого, то левого борта, думая о налетающем с

обеих сторон огненном смерче, затем он посмотрел наверх, чтобы убедиться, что снасти такелажа не оборваны и не спутаны, и это не мешает маневрированию „Antilla.”

— Отпустить фок.

Второй помощник Орокете с недоверием мельком взглянул на дона Карлоса де ла Роча (парус фока только что был взят на гитовы²⁹ и собран на рее, чтобы он не воспламенился от огня на баке во время боя), но, немедля, сквозь зубы, повторил приказ капитана, и тут же боцман во весь голос скомандовал брасопить реи фока с наветренной стороны, и пока матросы бросились опускать фок, Гинез Фалко с тревогой наблюдал, как на носу на баке дон Хасинто Фатас и второй боцман Фиерро подталкивали к бакштагам оставшихся на палубе людей, а собрать смогли только четверых или пятерых, и поэтому самому боцману пришлось карабкаться по вантам, а лично дон Хасинто, сильно рискуя, взобрался на середину перекинутого вдоль палубы бака мостика и

---

²⁹ Взять на гитовы означает подтянуть нижнюю кромку паруса к верхней

выкрикивал инструкции ему и двум марсовым, которые уже находились наверху, балансируя на рее, и, перебирая босыми ногами по её ненадежной опоре, отвязывали пеньковый канат и расправляли огромный парус над палубой, невзирая на мушкетный огонь целящихся в них английских стрелков. Бац, бац. Немногочисленные испанские морские пехотинцы, обосновавшиеся на марсах „Antilla”, стреляли в ответ, прикрывая своих товарищей.

— Яйца свои поберегите, — пробормотал Орокете.

Это было чудо, что никто не свалился вниз, и маневр, как по воле Божьей, удался. Теперь второй помощник приказал бросопить реи и подтянуть шкоты (те, что остались) с подветренной стороны, и пока косой парус бизани, крюс-брамсель, марсель, фок-марсель и брамсель наполнялись ветром, фок тоже поймал его, рулевые вращали штурвал, беря по ветру, а „Antilla” вновь замедлила ход, болезненно накренившись с подветренной стороны. Обе батареи нижних палуб по левому борту разразились огнем,

обмениваясь залпами с находившимся напротив англичанином.

— „Trinidad” сдается, мой капитан!

Гинез Фалко почувствовал, как заныло его сердце. Это известие мигом распространилось по палубе, и перемазанные порохом, покрытые потом люди, усталились в направлении центра искажившейся линии франко-испанской эскадры, туда, где легендарный четырехпалубный галеон, самый могучий военный корабль на свете, лишенный всех своих мачт и с начисто опустошенной после четырехчасового жесточайшего боя палубой, только что признал себя побежденным. Ситуация была дерьмовей некуда.

— Хорошо еще, — прокомментировал всегда практичный Орокете, — что мы не добрались туда, стремясь прийти к нему на помощь, иначе оказались бы в окружении англичан. Теперь уже слишком поздно, и мы можем позаботиться о своей шкуре.

Но дон Карлос де ла Роча, не менясь в лице, кивнул подбородком в сторону „Neptuno”, который

продолжал сражаться невдалеке с подветренной стороны от „Antilla”

— В таком случае попытаемся спасти Валдеса, — сказал он, — Поскольку те, кто расправились с „Trinidad”, сейчас набросятся на него.

— А кто придет на помощь нам?

— Заткнись.

Внезапно издалека донесся гул, подобный звуку „патапумба, пумба.” Даже лейтенант Магимбаррена (светловолосый сухопутный артиллерист полного телосложения, занявший место погибшего Себриана), командующий расположенными на шканцах орудиями, замер с поднятой рукой и зажатой в ней саблей, а Хуанито Видал, стоявший на сходнях шкафута, изо всех сил вытянул шею. Этот гул пронесся поверх грохота сражения с южной стороны, оттуда, где заканчивалась дуга союзной эскадры (точнее, то, что от неё осталось), и где туча темного дыма, исходившего от уже горевшего какое-то время парусника, в этот момент превратилась в огромный зловещий черный гриб. Видимо, огонь

добрался до порохового погреба, и корабль взлетел на воздух.

— Дай бог, чтобы это был англичанин, — без особой надежды сказал Орокете.

Потрясенный, как и все, видом столба густого черного дыма, Гинез Фалко, увидел, что внешне невозмутимый Карлос де ла Роча сдавил пальцы рук, сплетенных за спиной, так, что побелели костяшки. Но голос его казался спокойным, когда он обратился к рулевым и боцману Кампано с приказом придерживаться курса на англичанина, шедшего с подветренной стороны, который, разгадав маневр „Antilla”, тоже подключился к этой смертельной игре и начал переставлять паруса.

— Выбрать наветренный шкот бизани.

— Слушаюсь, сеньор капитан.

— Крепить бизань.

Боцман Кампано покачал головой:

— Это невозможно, дон Карлос. Гитовы оборваны.

— Делай все, что можешь, боцман.

— Как прикажете... Уже не так много парусов и осталось.

Но командор лишь пожал плечами и приказал рулевым держать бугшприт направлением на „Neptuno.” Оромете вознамерился было перегнуться через фальшборт, чтобы посмотреть назад, но поразмыслив, (позади звучала отнюдь не музыка), ограничился лишь тревожным взглядом в сторону Карлоса де ла Роча, и смысл этого взгляда был понятен Гинезу Фалко. Шедший там англичанин в любое время мог врезаться по их корме. Дать такой залп, что от них останется мокрое место. Гардемарин замер в ожидании, оглядываясь вокруг и прикидывая в уме, какое место на палубе наиболее безопасно. И тут, сопровождаемый специфическим треском „тумп, тумп, тумп”, прогремел залп, снаряды вонзились в поперечину кормы и в бизань-мачту, внизу раздался рокошующий гул, заставивший вибрировать весь корпус корабля — это ядра с хрустом „зууууас, зууууас, зуууас” беспрепятственно прошли по всей длине твиндеков, ломая дерево, и с металлическим скрежетом „клинг-кланг” сметая орудия, срезая,

буквально как ножом, винограды с тыльной стороны стволов. На размышления времени уже не было, так как следующий снаряд попал в парапет фальшборта, подняв в воздух клуб белых пыльных ошметков, обрывков вещевых мешков и носилок, веером разлетевшихся острыми режущими осколками и щепками в направлении капитанского мостика. Фалко ощутил удар в спину, бросивший его ничком, почва выскользнула у него из под ног. С беспокойством он осмотрелся, убеждаясь, что не ранен, а лишь сильно ушибся. Придя в себя, гардемарин увидел, что второй помощник капитана Орокете сидит, поникнув головой и прислонившись к лафету пушки, а по свалившемуся рядом стволу растекаются его мозги; капитан прижимает к груди руку, из которой торчит щепка длиной в две пяди³⁰, рядом хлопчет рулевой его катера Роге Алдаз, на шканцах валяется множество убитых и раненных стрелков и членов команды, среди них лейтенант сухопутной артиллерии Магимбаррена, которого счетовод Мерино и еще двое матросов спускают через люк в лазарет, его перебитая нога свисает и

---

³⁰ Пядь — мера длины = 21 см.

держится только на лоскуте мяса и коже, а сам он вопит так, что кровь стынет в жилах.

В этот момент рухнула бизань-мачта.

— „Neptuno” спустил флаг!

У Гинеза Фалко не было времени проанализировать свои чувства, он лишь ощутил в сердце ужасную тоску и бросил мимолетный взгляд в сторону боевого товарища, полностью лишённого мачт, с разбитыми пушками и изрешеченным ядрами корпусом (кровавая расправа на палубе была чудовищной), который после упорного сопротивления нескольким англичанам только что прекратил свой огонь. И вновь раздался звук топоров. После отчаянных усилий группе моряков удалось обрубить такелаж, поддерживающий обрубок мачты, который тащился за „Antilla” по воде, зацепившись за её левый борт и тормозя ход, словно якорь, вынуждая судно идти с сильным левым креном. Фалко в распахнутом настежь и промокшем насквозь от пота камзоле, держа одну ногу на планшире фальшборта, тоже работал топором, помогая освободиться от всего лишнего и каждый раз пригибаясь, когда перестрелка возобновлялась с

новой силой, или находящиеся по траверсу англичане давали по ним залп из орудий. Он старался не вспоминать о растекшихся по палубе мозгах второго помощника капитана Орокете (его тело уже выбросили за борт, а мозги остались на палубе), ни о других подобных вещах. В нескольких шагах от него на капитанском мостике дон Карлос де ла Роча, теперь уже в одной рубашке, с окровавленной повязкой вокруг правой руки и очень бледный, попрежнему сохранял внешнее спокойствие, несмотря на царивший на палубе „Antilla” разгром и хаос.

— Избавились от всего хлама, сеньор Фалко?

Гардемарин опустил топор и устало оперся рукой на испещренный осколками планшир. Картина по другую сторону от английского парусника, ведущего огонь по их левому борту, уже позволяла с большей точностью подвести итоги сражения: сдавшиеся французские и испанские корабли прекратили сопротивление, и бриз с подветренной стороны разогнал дымку, обнажив всю панораму боя. С наветренной стороны, где багровый диск солнца уже почти коснулся покрытого грозowymi тучами

горизонта, четыре французских судна из дивизиона Думанира ударили в большой спешке вместе со всем своим „anfandselapatri.”³¹ А с подветренной стороны, докуда только дотягивался взгляд, все было заполнено пробитыми ядрами и потерявшими все мачты силуэтами кораблей, многих уже подцепили захватившие их англичане, добрый десяток английских парусников тоже выглядел не лучше, чем их добыча. Кроме „Trinidad”, „Bucentaure” и „Redoutable” Фалко разглядел среди сдавшихся испанцев „Santa Ana”, „San Agustin”, „Monarca” и „Babama” и французов „Fougueux” и „Aigle”, некоторые из них в таком плачевном состоянии, что их не узнал бы даже родной отец-конструктор, не понятно было, как они вообще держались на плаву. В воде барахталось много людей, пытающихся взобраться в лодки или уцепиться хоть за какой-то дрейфующий деревянный обломок, они топили и оглушали друг друга в борьбе за жизнь. Ощущение полной безнадежности и тоски нахлынуло на Фалко с такой силой, что показалось, будто затянутое облаками небо рухнуло прямо ему на голову. Лишь

---

³¹ Ура — патриотизмом (искажен. фр.)

один корабль продолжал сражаться в самом дальнем южном конце того, что раньше называлось строем союзного флота, это был галеон, окруженный четырьмя или пятью неприятелями и опознанный как „San Juan Nepomuceno” во главе с бригадным генералом Чуррука. Еще безошибочно можно было различить группу испанских и французских парусников, которые удалялись в подветренном северо-восточном направлении в сторону Кадиза, следуя в кильватере „Principe de Asturias”, буксируемого французским фрегатом с, быть может, выжившим адмиралом Гравина на борту, спешащим теперь выучить свою роль участника сражения, выраженную в дипломатичных и куртуазных тонах, и предназначенную для Мануэля Годоя. Его флагман поднял на единственной сохранившейся у него мачте сигнал сбора вместе со всем тряпьем, оставшимся от его парусов. „Хвала всевышнему, Ваше Превосходительство.” И облатку под небо. Проследив взглядом за „Principe”, гардемарин считал не менее десяти идущих следом за ним испанских и французских кораблей, таких же потрепанных, правда, среди них были и почти

нетронутые, такие как „San Justo”, „San Francisco de Asis”, „Rayo”, и француз „Heros.”

— Некоторые сматываются, не расчехлив орудий, сеньор капитан.

— Да

— Они нас не слышат и не видят?

Дон Карлос де ла Роча вновь пожал плечами или, вернее сказать, пожал одним неповрежденным плечом.

— С высоты этих ярмарочных подмостков мне уже до одного места, видят или слышат они нас, — ответил он.

Но за спиной Фалко различил тихий голос рулевого Гарфия и голоса тех, кто находился под навесом палубы юта:

— Посмотри, как тихо, по-английски, смылись Мак Доннелл, Гастон и Фулано, бьюсь об заклад, что у „San Justo” на борту нет даже семерых раненых, он даже в роль не вошел и не распалил свои дровишки.

Видно, не захотел. А наш адмирал Гравина выбросил нас как окурок. Как это понимать, коллега?

— Да он просто мышинное дерьмо.

Фалко обернулся и приказал им заткнуться (он сделал это с такой энергией, что сам поразился), и люди умолкли.

— Черт с ним, с этим пацаном, — пробурчал Гарфия.

Правда была в том, что в центре совместной эскадры продолжали сражаться всего лишь два корабля союзников: „Antilla” и француз „Intrepide”. Последний находился с подветренной стороны, и это могло помочь ему соединиться с теми, кто улепетывал вместе с „Principe”. Но прежде чем отступить, подумал Фалко, капитан Инфернет не запятнал своим поведением честь мундира, он сражался обоими бортами одновременно против трех англичан с поднятым на обрубке бизань-мачты знаменем, с рухнувшей грот-мачтой, свисающей своим обломком за бортом. У „Intrepide” осталась одна последняя мачта с распущенным на ней парусом, и только это позволяло ему двигаться. С

чувством тревоги и беспомощности Фалко желал лишь одного: чтобы маневр „Intrepide” удался. Его одолевали сильные сомнения, что „Antilla” сможет осуществить то же самое — пробиться по другую сторону линии боя и соединиться с кораблями, взявшими курс на Кадиз. „Нас осталось только двое... из Туделы”, — услышал он, как баритоном напевает один из рулевых. „А скоро мы останемся вовсе одни”, — в отчаянии подумал гардемарин. Француз и испанец находились слишком далеко друг от друга, к тому же „Antilla” уже имела немало повреждений и была окружена множеством преграждающих её путь врагов: теми, кто сражались с „Intrepide”, другими, которые только что разгромили „Neptuno”, и теми, кто уже был рядом, еще вдобавок на нее, как стая волков, набросятся те, кто уже закончили свое дело. Но кто мог знать, как все обернется! Несмотря на ранение в руку, дон Карлос де ла Роча не покидал капитанский мостик и делал свое дело. Освободившаяся от бизань-мачты, которая, словно якорь, тормозила её ход, и, используя то, что боцман Кампано со своими людьми проложил веревочный трап, срастил брасы и закрепил трехжильный трос с перлином вместо

порванного такелажа для поддержки оставшихся двух мачт (грот-мачта удерживалась только благодаря чуду, вся испещренная пулями, со многими порванными бакштагами), „Antilla” ожила, но двигалась по-прежнему натужно медленно правым галсом курсом три румба к ветру под парусами фок-мачты с обвисшими шкотами марселя на грот-мачте, болтаясь от качки, со скрипом, подобному стону тяжелораненого, с трудом удаляясь от преследующих её двух английских парусников, с которыми она только что сражалась: тот, что находился с кормы, проигрывал гонку, впридачу он потерял бугшприт, рею грот-мачты и рангоут фок-мачты от первого марса и выше, был малоподвижен и явно не способен маневрировать, второй же, шедший по левому борту, хотя и ослабил интенсивность огня и тоже отстал, но вовсе старался поправить свои дела, его экипаж укреплял мачты и устранял неполадки.

— Неужто нам выпало счастливое число в этой гонке, — сказал с мимолетной надеждой в голосе Фалко, при этом он внимательно посмотрел на Роча, изучая выражение его лица и ища подтверждения своим мыслям. И он был не единственный, кто

смотрел в эту минуту на капитана. Зная, что на него направлены взгляды подчиненных (это была одна из возможных причин), он, бледный от потери крови, насупил брови и пристально прислушался к ветру, стараясь предугадать курс и возможную позицию врагов, сохраняя при этом невозмутимость в лице, возвышаясь над клубками тросов, деревянных обрубков и разорванных в клочья парусов, покрывавших капитанский мостик. Вокруг него суетились люди (с каждым вражеским залпом их ряды редели, они все сильнее кланялись пулям, сила их духа падала), продолжающие изо всех сил стрелять из пушек и ружей и ищущие взглядом прореху между английскими кораблями, сквозь которую можно было бы ускользнуть, чтобы соединиться с уходящими на Кадиз судами.

— В трюме вода по колено, дон Карлос. Шесть пробоин у ватерлинии. Я спустил людей залатать их, а помпа в момент откачает воду.

Старший плотник Хуан Санчес Гарлопа только что вновь появился с рапортом на капитанском мостике, весь в порохе и мокрый по пояс. С самого начала боя он вместе с помощниками, корабельными

конопатчиками и плотниками, снабженными дегтем и паклей, без усталости ползал по всем закоулкам трюма, по твиндекам и льяну, устраняя течь и латая пробоины.

— Что с корпусом?

— Все контролирую, за исключением тех мест, куда нет возможности добраться: под бугшпритом и на ахтерштевне.

— Как дела с управлением штурвалом?

— Уже в порядке. Мистеры своим ядром разбили одну тягу, но мы вставили её на место.

— Как в лазарете?

— Представляете, дон Карлос. Все забито до предела. Я только что оттуда, встретил гардемарина... Пацана со второй батареи.

— Хуанито Видала?

— Да, его. У бедняги нет обеих ног. Он без сознания.

Капитан присел, хватая ртом воздух, после чего кивком головы отпустил бригадира плотников. Потом повернулся к Фалко (который, услышав о беде с Видалом, весь побледнел) и через мгновение указал ему наверх в направлении кормы, на разбитую палубу юта, где уже ни лейтенант Галера, ни кто-либо другой не подавали признаков жизни.

— Нужно поднять флаг, — сказал Роча.

Гардемарин взглянул на помрачневшее лицо командора, а потом посмотрел в ту сторону, куда тот указал. Оставив мысли о Хуанито Видале (о провожавших его на набережной Ла Галета матери и сестрах, о его отце на разгромленной и захваченной англичанами „Вабата”), он сосредоточился на поставленной ему задаче. Прежде флаг развевался на верхушке бизань-мачты, которая вместе с ним рухнула за борт.

— Пусть эти собаки не надеются, что мы сдадимся.

Фалко понял все без лишних слов (приказ не обсуждается и должен быть выполнен беспрекословно). Потом посмотрел в направлении

ящика с флагами, который находился в шкафчике штурмана (изрешеченного картечью, подобно его убитому владельцу), вынул красно-желтый флаг, пересек капитанский мостик, стараясь не сильно пригибаться (ведь флаг — есть флаг!), привязал его к оставшемуся неповрежденным фалу и с замиранием в сердце начал поднимать его на топ грот-мачты. В этот момент он засомневался, что дон Карлос де ла Роча надеется вырваться отсюда. Развевающийся флаг (огонь с ближайшего к ним английского корабля уже усилился до ураганной силы) означал, что, несмотря на опасность потопления, команда готова драться дальше, а капитан оценивает свою честь и честь вверенного ему корабля еще большим количеством пролитой крови. Или (опираясь на Королевский морской Устав от 1802 года) на случай, если корабль капитулирует или вовсе пойдет ко дну, капитан укрепляет свою защиту перед лицом военного совета, который состоится после того, как в войне будет поставлена точка.

— Почему только сто убитых и двести раненых?... Это было так трудно, капитан Роча, дожидаться пока будет двести убитых и четыреста раненых?

— Я старался, как мог, сеньор адмирал.

— Он старался... Детям об этом рассказывайте.

Бум, бум, бум. В этот момент гардемарин разглядел как противник произвел следующий залп, видимо решив расставить все точки над *i*. „Бум, бум” прогрохотало на носу „Antilla”. Посмотрев в направлении носа по левому борту, он увидел еще один приближающийся английский парусник, который после схватки со сдавшимся „Neptuno” решил поучаствовать в добивании „Antilla”, чтобы капитану было еще легче оправдываться перед военным советом. Итак, их уже было трое: один англичанин с кормы, второй — по левому борту (взбодренный появлением коллеги он ушел в бейдевинд, стараясь продолжить бой и, возможно, попытаться взять „Antilla” на абордаж) и третий, только что появившийся впереди с подветренной стороны и отрезавший путь к отступлению. Фалко уже разглядел три его желтые полосы на борту, по одной под каждой из батарей. „Именно навстречу ему движется „Antilla”, и я вместе с ней”, — подумал гардемарин. И уже падая и стараясь найти опору, юноша ощутил, как в корпус корабля вонзились

снаряды, с погребальным гулом потрясшие его дубовую грудную клетку, с хрустом разворотив её по всей длине, тут же по палубе пронесся вихрь из щепок и кусков металла, разящих, словно картечь, полетели калечащие и убивающие ядра, срезавшие бакштаги и леера фок-мачты, так, что она сперва качнулась от одного борта к другому, а затем медленно, будто с неохотой, переломилась в десяти шагах над пяртнерсом и с протяжным треском рухнула в море „краааак”, увлекая за собой марсовых и морских пехотинцев, запутавшихся в клубке из парусов, рей и разорванного такелажа.

11. Знамя

— Нас взяли на abordаж!

Когда Николас Маррахо услышал этот разнесшийся по всей длине первой батареи крик, сопровождаемый шумом пистолетной стрельбы и звоном обнаженных клинков „клинг, кланг, клинг, кланг”, у него по коже побежали мурашки. Не от испуга, к этому времени чувство страха растворилось, превратившись в нечто смутное,

неясное, задавленное ощущениями гораздо более глубокими, поднимающимися из самой глубины его души. Скорее это было раздражение, перемешанное с бесконечной ненавистью к англичанам и сукам-матерям, родившим этих тварей. „Безбожники, антихристы и богохульники”, — бормотал он, беззвучно шевеля пересохшими, потрескавшимися губами, которые он изредка увлажнял нечистой водой из ковша, где его товарищи замачивали банник „чоф, чоф”, чтобы остудить им канал раскалившегося от стрельбы ствола. Они опять заряжали орудие, выставляли его из амбразуры и вновь и вновь стреляли, повторяя, подобно бесстрастным механизмам, уже заученные движения. „Бум, бум”, — отвечал им противник. „Пумба, пумба, пумба”, — вторили их собственные пушки. Они сражались без усталости уже несколько часов. Черный с желтыми полосам корпус английского парусника находился по их левому борту так близко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Врывающийся сквозь орудийные порты дым затянул непроглядной мглой всю батарею, дубовая обшивка корабля трещала при каждом залпе, его корпус болезненно вздрагивал от попаданий снарядов, всюду слышались голоса

артиллеристов, требующих пороховых картузов и ядер, их крики смешивались с воплями раненых и оружейной пальбой морских пехотинцев, которые в паузах между артиллерийскими залпами выставляли через бойницы свои ружья, стараясь попасть во вражеские амбразуры. Крак, крак. Кровь на палубе и на брусьях орудийных проемов, кровь теплая или уже запекающаяся, кровь на босых ногах Маррахо и на его грязных разорванных штанах. С охрипшим, надорванным от крика горлом и воспаленными от порохового дыма глазами, с почерневшим от гари лицом и блестящим от пота торсом, оглушенный орудийными залпами, с содранной о тали кожей на руках, озверевший, он сражался в зловещем полумраке нижней палубы „Antilla” рядом с разделившими его участь и судьбу товарищами. Им уже было все равно, победят они в этой битве или потерпят поражение, они не ведали, что происходит снаружи и наверху на палубе или где-нибудь в другом месте, испытывая полное безразличие к тому, что случится потом.

—Все быстро к амбразурам на носу...
Приготовиться к отражению атаки!

Ран, ратаплан, план, план. Барабан возле грот-мачты монотонно выбивал дробь. Сбитый с толку Маррахо вместе с двумя парнями из его команды, прихватившими с собой по сабле и пике, объединившись с толпой людей, возглавляемой капралами и молодым лейтенантом артиллерии, командовавшим их частью батареи, двинулись в направлении носа корабля, где уже раздавался звон обнаженных сабель, и слышались пистолетные выстрелы. Повидимому, один из английских кораблей подошел вплотную к их левому борту, и через амбразуры и галъюн „Antilla” проник отряд вражеских солдат. Основная группа нападавших высадилась на верхнюю палубу и ворвалась на вторую батарею, но орудийные порты первой батареи, расположенной ниже, также оказались прижатыми вплотную к неприятельскому корпусу, и там завязалась перестрелка, перешедшая в рукопашную схватку. Англичане пытались обратиться даже через якорный клюз³².

---

³² Якорный клюз — отверстие для проводки якорной цепи.

— Отбросьте их назад! — орал молодой лейтенант, указывая саблей в направлении носа и подталкивая оробевших артиллеристов, которые с неохотой подчинялись его команде, морские пехотинцы пинками и затычинами отгоняли от люков тех, кто хотел укрыться в глубине трюма (один из них получил такой удар прикладом, что отлетел прямо на Маррахо, выплевывая зубы и вытирая руками окровавленное лицо).

— Все на нос, на нос, на нос! — продолжал надрываться лейтенант, — Сбросьте этих негодяев в воду! Vivaspana!

Удары прикладами сыпались налево и направо, понукая струсивших и замешкавшихся. „Ран, ратаплан“, — продолжал с отсутствующим выражением на лице орудовать барабанными палочками парень в форме сухопутного артиллериста. В своем возбуждении молодой лейтенант дошел до точки кипения, взбешенный, он достал из ножен саблю и ткнул клинком прямо в горло оробевшего новобранца:

— Или будешь драться, или я тебя, свинья, обезглавлю. Пошел, бездельник, хватит здесь сопли распускать.

Как и другие, Маррахо подошел к орудийному проему, взял абордажный топор, с сомнением покрутил его в руках и, не понимая, что будет дальше, с остолбеневшим видом, стараясь уклоняться от продолжающих стрелять и откатывающихся назад при отдаче орудий, направился на нос корабля, рывками прокладывая себе дорогу среди хаоса палящих из пистолетов и дерущихся на пиках и саблях людей, которые пытались отразить атаку пробравшихся через амбразуры англичан.

— Сбросьте их в воду!... Сбросьте этих собак за борт!

Неожиданно, каким-то чудесным способом, страх, переполнявший нутро Маррахо, куда-то испарился(это слово „абордаж” вселяло в него ужас, он представлял себе заточенные клинки, вспарывающие животы и отрезающие яйца), и он успокоился. В его душе вдруг возникло какое-то порочное чувство радости и ликования. Маррахо как

бы взглянул на жизнь с другой стороны. Сейчас он встретится с этими английскими тварями лицом к лицу, с глазу на глаз. И, отбросив дурацкие сомнения, Маррахо ощутил, что это занятие ему начинает нравиться. Кто бы мог подумать, что с ним произойдет такая метаморфоза? Наконец среди окутанной облаком дыма и сбившейся у орудий ватаги, в нескольких шагах от себя, он разглядел рожи англичан, которые высовывались из вражеских амбразур, красные камзолы их морских пехотинцев, сверкающие штыки и сабли, обнаженные тела артиллеристов, красновато-рыжие и темно-каштановые бакенбарды, открытые в крике рты, повязанные вокруг голов платки, обезумевшие глаза, пистолеты и мушкеты этих невероятно отчаянных парней, вцепившихся в испанский корабль и изо всех сил пытающихся к ним пробраться. И Маррахо, пренебрегая инстинктом самосохранения (все еще пульсирующим в его сознании и провоцирующим использовать топор против охраняющего люк караульного и спрятаться в трюме), воспыал желанием поубивать всех этих сукиных детей лично, одного за другим. Четвертовать топором „час, час” этих сволочей, отомстить им за себя, а потом и за

бедного Курро Ортега, своего кума, который в этот час уже составлял компанию рыбакам (по возвращении, подумал он мимолетно, будет чем утешить его, кума, подружку Марипепу, это будет по-товарищески), за командира их орудия Пернаса, за тех, кто уже погиб, и многих, кто еще погибнет, чтобы выплеснуть из сердца и утробы ту неумную ярость, что сжигала его при виде этих свиней. Этих рыжеволосых бледных педерастов со скотного двора, которые после длительной артиллерийской перестрелки, впридачу ко всему, захотели пробраться сюда, к ним на корабль, вот ведь наглые морды, высокомерные ублюдки.

— Я перережу вам глотки, — свирепо взвыл Маррахо, — Когтями вырву сердце, а на закуску воткну топор прямо в вашу задницу.

Чтобы высвободить себе место, он растолкал окружавших его соратников, прислонился спиной к орудию, закатал рукава, поплевал на одну ладонь, потом на другую и крепко сжал рукоятку топора. И когда первый же англичанин, облаченный в голубой мундир и с пистолетом в руке, схватился за оторвавшийся конец такелажа, чтобы взобраться

наверх, Маррахо, высунувшись на полкорпуса из амбразуры, рубанул его топором прямо по животу, закричав от ликования, видя что тот, воя от боли, с вывалившимися кишками полетел, ударяясь о борта, вниз между корпусами обоих кораблей. „Это тебе, свинья, и твоему братцу, и это только первый сукин сын на моем счету, мой и ничей больше, мать вашу...” В этот момент в двух пядях от его головы мелькнула вспышка, что-то жгучее прожужжало рядом, опалив его лицо, и полетело дальше, и тут же появился еще один тип в английском мундире, по виду молодой офицер или смазливый гардемарин, почти ребенок, который только что промазал из пистолета и продолжал кричать окружавшим его людям „gou, gou!”, затем ловко, будто кошка, повис на такелаже и запрыгнул на нижнюю полку короба амбразуры, намереваясь пробраться вовнутрь, еще восемь или десять англичан буквально прилипли к наружной обшивке судна и, цепляясь за каждый брус, с ослиным упрямством карабкались наверх, другие, высунувшись из оружейных портов, прикрывали своих соратников огнем из мушкетов и пистолетов, все это в условиях поразительной суматохи, под аккомпанемент скрежета бьющихся

друг о друга при качке и отдавливающих руки и ноги нападавших, бортов обоих кораблей, под шум и вопли дерущихся на верхних палубах и капель просачивающейся сверху, через деревянный настил, крови. Кто-то отпихнул Маррахо в сторону (это был испанский офицер в голубом камзоле с эполетами) и, выставив пистолет через амбразуру, выстрелил прямо в пах настырному английскому офицеру, или гардемарину, или, какая разница, кто он там был, а затем, протиснув полкорпуса в проем, вступил в сабельный бой с другим англичанином с криком „это тебе, сволочь, и сучке, которая произвела на свет тебя, урода”, и пока все больше испанских моряков и морских пехотинцев, высунувшись из амбразур и продолжая завывать дурными голосами, сцепились с англичанами, протыкая друг друга штыками и паля из пистолетов „пум, пум, пум”, Маррахо, необузданно сквернословя и тоже высунувшись наполовину между огромными корпусами кораблей, которые, продолжая скрипеть, то сходились, то расходились над хлюпающей совсем близко и забрызгивающей снизу водой, продолжал сжимать в обеих руках топор и, словно в ночном кошмаре, безумно размахивать им „час, час”, нанося удары,

будто петух клювом, всюду, куда только мог дотянуться, „час, час, час, час,” точным ударом, подобно мяснику, разделяющему на прилавке мясные туши, он одним махом отрубил по локоть руку англичанину, который только что цеплялся ею за бакштаг (со звуком „час-клак” рука полетела вниз, а следом за ней в щель между бортами, издав вопль на своем паскудном языке, полетел и сам англичанин „ глуп, чаф”, увлекая за собой группу находившихся под ним людей, плавать из которых умел лишь каждый второй, и они погружались, топя друг друга и окрашивая воду кровью, вытекающей из их ран и отрубленных конечностей.

— Отступают!... Vivaspanayvivadios!... Задайте им перцу, эти собаки отступают!

С удовлетворением Маррахо убедился, что это было правдой: те англичане, что пытались вскарабкаться на их борт, уже бултыхались в воде, остальные укрылись за пушками и амбразурами, а по желтым полосам, окаймлявшим черный борт английского парусника, стекала алая кровь, своим сладковатым запахом наполнявшая расширившийся проем между двумя кораблями. На верхней палубе

звучали победные крики испанцев, а те немногие англичане, которым все же удалось пробраться на испанское судно, сейчас пытались перепрыгнуть на свой корабль, тех же, кто не мог это сделать, под торжествующее завывание толпы добивали испанцы, закалывая их штыками и глумясь, будто дикари, над растерзанными телами, прежде чем сбросить их в море. Маррахо обернулся, и вот какие перипетии бывают в жизни: офицер, который только что сражался рядом с ним, был никто иной, как лейтенант дон Рикардо Маке собственной персоной, нагрудник его расстёгнутого мундира был сорван, эполет отсечен сабельным ударом, но сам он был цел и невредим. И тут, почесав затылок, Маррахо вспомнил, что у него осталось незавершённым одно дельце, неоплаченный должок. Он, как стоял, так и застыл, держа в руках топор, с которого на палубу капал англосаксонский гемоглобин, пока сам дон Рикардо не прервал его неприятные воспоминания, хлопнув ладонью по спине. То же самое лейтенант проделал и с другими парнями, которые толпились рядом с пушками и амбразурами, сказав:

— Отлично. Ваши и мои яйца на месте. Теперь пожмем друг другу руки и очистим палубу: мертвых

— за борт, раненых — в трюм. Остальные к орудиям. Дадим по заднице этим свиньям, чтобы им не захотелось возвращаться. Используем круглые ядра и картечь, с этой дистанции они самые действенные и разящие.

И, не успев очнуться от своих мыслей, Маррахо медленно, как сомнамбула, плечом к плечу с офицером начал затаскивать огромную 36-фунтовую пушку из орудийного порта. Тут же появился юнга, бледный и весь вымазанный порохом (пацан с безумным выражением на лице и свисающими из носа соплями), в руках он держал пороховой заряд, Маррахо выхватил его и затолкал в ствол, отступил назад, а другой артиллерист вдавил картуз вглубь, наклонился, нашел мешочек с картечью и, напрягшись в поясице, поднял и заложил его вовнутрь, набил паклю и вновь утрамбовал. И тогда дон Рикардо скомандовал:

— Всем огонь! Порвем этих свиней в клочья!

Когда орудие было выставлено из амбразуры, Маррахо, пригнувшись, закрепил его канатами к брусьям.

— Порвем свиней в клочья, — повторил он.

К этому времени (уже десятки раз проделав одни и те же операции) Маррахо двигался, как заправский бомбардир. Случайно обернувшись, в шаге от себя, он заметил ухмыляющееся прокопченное порохом лицо лейтенанта, который, как ни в чем не бывало, орудовал мехами, чтобы раздуть жар (кремниевый замок уже отказал). Маррахо тоже ухмыльнулся, кровожадно и выразительно. Они понимали друг друга без лишних слов, их лица растянулись в зловещей улыбке, дон Рикардо затаился за виноградом пушки, согнув ноги нащупал опору на качающейся палубе, прищурил один глаз, прицелился вровень между желтой каймой и черным корпусом неприятельского корабля, находящегося от них в десяти-двенадцати саженях, еще один артиллерист вонзил иглу в запальное отверстие ствола и, поднеся к нему пороховницу, начинил запал порохом.

— По Нельсону и его грязной мамаше! — выкрикнул дон Рикардо и поднес запальник к фитилю.

Все расступились, раздался удар „пумба”, закрепленное тросами орудие встало на дыбы, и тут на Николаса Маррахо опять нахлынули воспоминания о его неразрешенном с доном Рикардо конфликте. Но сейчас ему казалось, что та ссора произошла много лет назад, сегодняшнее дело волновало его намного сильнее.

Спустившийся в трюм первой батареи человек был мешковат и неуклюж, на его лбу светились глубокие залысины, а на носу красовались очки. Камзол, сшитый из сукна бурого цвета, висел на нем ключьями и весь был пропитан засохшей кровью, головной убор отсутствовал, а всё лицо было перемазано порохом до черноты. Николас Маррахо (в это время вместе с доном Рикардо Маке он продолжал обслуживать пушки носового отделения нижней палубы) увидел, как тот, неловко маневрируя среди лафетов, обломков и мотков канатов, вдруг остановился, нерешительно озираясь вокруг и всматриваясь сквозь задуваемый через орудийные порты дым в царящий на батарее хаос, и лишь потом осмелился приблизиться.

— С Вашего разрешения, дон Рикардо. Прибыл в Ваше распоряжение.

Лейтенант с удивлением повернулся к нему.

— Что с капитаном? — спросил он, ожидая самое худшее.

Нескладный толстяк (а им был счетовод „Antilla” Бонифаций Мерино) сокрушенно покачал головой:

— Он в лазарете. Его только что перенесли туда. У него уже была покалечена рука, а теперь еще картечь попала в голову и грудь. Очень плох, но в сознании. Залпом по капитанскому мостику англичане ранили его и рулевого капитанского катера, а рулевого Гарфия убили.

— Что с первым помощником?

Счетовод опять покачал головой (Маррахо он показался крайне измученным):

— Дон Хасинто Фатас погиб на баке при отражении вражеского абордажа. Вы теперь на корабле старший по званию.

— Как дела на верхней палубе?

— Неважно.

Дон Рикардо оперся на пушку и пристально посмотрел на Маррахо, но тот отвел взгляд, как бы говоря, что в этом вопросе он ему не помощник. Офицер опустил голову, о чем-то размышляя. Было видно, как тяжело дается ему принятие решения. Затем дон Рикардо развернулся и громко окликнул молодого артиллерийского офицера, который в это время с саблей в руке и слегка прихрамывая, отмерял шаги вдоль батареи, воодушевляя бойцов и не обращая внимания на кровь, сочащуюся из раны в его левой ноге и стекающую по голенищу сапога. При этом он, как заведенный, повторял лишь одно слово: „огонь, огонь, огонь!” Дон Рикардо сказал, что сам отправляется на верхнюю палубу, и чтобы тот взял на себя командование батареями и делал все, что только можно. С отсутствующим взглядом и будто ничего не слыша (казалось, он вконец опьянел от запаха пороха), лейтенант отдал честь и опять, хромя, продолжил свой марш из конца в конец палубы, отдавая команду „огонь, огонь, огонь” в такт с дробью, отбиваемой барабанщиком у основания

грот-мачты. Дон Рикардо привел в порядок свой камзол, проверил на прочность пуговицы кителя, достал из кармана платок и вытер им лицо. Теперь, глядя на Маррахо, он уже не улыбался, как прежде. Казалось, лейтенант, приняв командование, повзрослел разом на несколько лет. С внезапно нахлынувшим щемящим чувством безграничного одиночества он огляделся вокруг, окинув взглядом потных обезумевших людей, продолжающих в полумраке нижней батареи заряжать, выталкивать и стрелять из орудий, посмотрел на юнг, таскающих пороховые заряды и мешочки с картечью, на парней, вычерпывающих помпой воду из трюма, на окровавленные следы раненых, которые укрылись под сходнями, ведущими вниз, будто их уже поглотило чрево корабля или пучина моря, и в сопровождении счетовода и Маррахо начал подниматься по трапу. С каждой ступенькой они пригибались все ниже, прячась от убийственного огня снаружи, то за проемами между орудиями, то за барабаном кабестана, то за стволом мачты. И все же Маррахо жаждал увидеть солнечный свет, независимо от того, что ждало их наверху. Он уже столько времени провел в брюхе этого огромного

плавающего гроба, и лишь однажды ему представился случай отлучиться с нижней палубы. Когда он помогал эвакуировать ослепшего артиллериста с вонзившимися в глаза бедняги щепками (несчастный орал как кастрируемый хряк), пришлось наведаться в кают-компанию, превратившуюся в лазарет. И это был сущий ад, полный сваленных в кучу и освещаемых тусклым светом фонаря тел, в нос бил тошнотворный, омерзительный запах блевотины, дерьма и окровавленного мяса, в котором, безостановочно ампутируя конечности, возились хирург и его помощники. И самое ужасное: непрерывный, сливающийся воедино хор множества глоток стенающих в агонии людей, обреченных, в случае потопления корабля, на мучительную смерть от удушья. Увидев все это, Маррахо для себя решил, что пусть лучше пуля сразу размозжит ему голову, и он ангелом вознесется к небесам или попадет в чистилище в ад, или куда еще его определит Всевышний. Поэтому без всяких колебаний и сомнений он следовал за доном Рикардо Маке и счетоводом.

Перед их взором предстал пейзаж, подобный хаосу судного дня. Кругом были видны лишь британские флаги: одни над собственно английскими парусами, другие над доставшейся им добычей. Да испанские и французские суда, неподвижные, разоренные, без мачт и с разбитыми вдребезги корпусами. Никто, за исключением „Antilla” и еще одного корабля под французским флагом, пытающегося прорваться в Кадиз, но только что потерявшего свою последнюю мачту, а с ней и надежду ускользнуть, уже не сражался. Где-то вдали на северо-востоке можно было разглядеть десять французских и испанских парусов, покинувших поле боя и тем спасшихся от разгрома. Они старательно следовали за „Principe de Asturias”, который лишился всех своих мачт и волокся на буксире позади французского фрегата. Когда корабль, потерпевший неудачу в своем стремлении соединиться с ними (а речь шла о „Intrepide”) утратил последнюю мачту, он оказался обреченно обездвиженным. И все же его команда решила продать свою шкуру подороже, продолжая вести интенсивный огонь с обоих бортов по наседавшим на него пятерым англичанам.

— Этот француз тоже показал характер, — произнес кто-то.

Положение „Antilla” выглядело не лучше, чем ситуация француза: она лишилась фок-и бизань-мачт, на грот-мачте не было стеньги и брамсея, корпус продырявлен насквозь, а рея марсея держалась только благодаря чуду. Испанский корабль сражался одновременно с тремя английскими, один из которых, трехпалубный линкор, только что пытался взять его на абордаж, а теперь находился спереди по левому борту, ведя беспорядочный огонь по „Antilla”. Его мачты и такелаж являли собой жалкое зрелище, орудия сильно пострадали от попаданий снарядов испанской артиллерии, паруса бизань-мачты упали на правый борт, мешая вести огонь батареям, а на палубе не -вооруженным глазом можно было разглядеть лужи крови. Еще одного двухпалубного англичанина бриз пригнал с подветренной стороны чуть ли не вплотную к носу „Antilla” (находясь на нижней палубе Маррахо не знал, что незадолго до этой минуты „Antilla” пересекла его курс), и хотя у него отсутствовали фок-мачта, бугшприт и рея грот-мачты, а корпус был серьезно поврежден, он отрезал испанцам путь к

отступлению. И тут по траверсу правого борта „Antilla” вырос величественный силуэт громадного вражеского трехпалубного линкора. Его верхняя палуба располагалась так высоко, что англичанин казался скалой, парящей в облаке дыма, исходящего из его открытых орудийных портов. Подойдя на расстояние пистолетного выстрела, он произвел ужасающий бортовой залп, подкрепленный смертоносным картечным огнем карронад палубы юта. Снаряды и картечь, выпущенные с высоты большей, нежели палуба „Antilla”, снесли те немногие уцелевшие пушки, которые оставались в распоряжении испанцев на баке и на шканцах. И все же гардемарин Фалко (оживившийся при виде появившегося на палубе лейтенанта и сопровождающих его людей), боцман Кампано и первый плотник Хуан Санчес Гарлопа успели закончить свои доклады о состоянии корабля: ситуация тяжелая, одиннадцать пробоин над самой поверхностью воды (одна, рядом с цапфой управления рулем, сопровождается протечкой воды в пороховой погреб), румпель треснул от попаданий двух ядер, такелаж порван и болтается в воздухе, грот-мачта (единственная устоявшая) с полотнищем

марселя изранена настолько, что ликтрос едва удерживает его, гротштаг висит в воздухе, почти все бакштаги лопнули, порвались также использованные для их замены веревочные трапы. Можно попрощаться с восемнадцатью разбитыми вдребезги орудиями, в трюме полно воды, и все четыре помпы работают на пределе своих возможностей.

— Сколько убитых?

— Уже около семидесяти. Раненых приблизительно двести.

— Как дела у капитана?

— Пока жив, временами приходит в сознание, — гардемарин Фалко на мгновение замешкался. — ...С Вашего позволения, дон Рикардо, капитан приказал передать, что он, как смог выполнил свой долг, и теперь дело за Вами... Пока можете держаться, не сдавайте корабль англичанам.

— Понятно.

Сдаться. Услышав эти слова (до сих пор это, несмотря ни на что, ни разу не приходило ему в голову), Маррахо уставился на офицера, который все

еще продолжал оценивать окружавшую их разруху: упавший на разбитую палуб рангоут, болтающийся на ветру такелаж, сорванные с пробитых картечью и политых кровью лафетов стволы орудий. Среди разбитых продольных мостиков и поручней, рядом с углублением шкафута лежали тела четверых или пятерых убитых (издали могло показаться, что это гуда потрохов), которые уже некому было убрать.

Кроме сомнительного крошечного укрытия у заднего края капитанского мостика под палубой юта, где хоть как-то можно было спастись от беспощадного огня трехпалубного английского линкора, расстреливающего их с правого борта, на палубе „Antilla” не осталось ни одного живого места. Выжившие спрятались за твиндеками и оттуда пытались вести стрельбу. Небольшой отряд, состоящий из лейтенанта Маке, первого боцмана Кампано, плотника Гарлопа, второго штурмана Наварро, четверых вооруженных саблями и мушкетами моряков, гардемарина Фалко, счетовода Мерино(кроме забот о раненых он все это время неустанно сновал между капитанским мостиком и твиндеками, передавая команды для корректирования огня) и самого Маррахо, укрылся

позади упавших с палубы юта обломков между культей, оставшейся от бизань-мачты, и обильно политым кровью первого рулевого Гарфия нактоузом.

Тут же был и Онофре (первый наставник Маррахо), который принял на себя управление с трудом вращающегося штурвала.

— Если ангичане вновь решаться на абордаж, — подумал Маррахо, — то осталось слишком мало людей, чтобы отразить его. И маловероятно, что при таком интенсивном огне английской артиллерии кто-нибудь осмелится подняться на палубу.

Дон Рикардо Маке посмотрел на едва видимое над багровым горизонтом солнце, отстегнул розовый отворот камзола, запустил руку в куртку и достал часы в серебряном корпусе.

— Полшестого. Сражаемся уже четвертый час, — и, не отрывая взгляда от циферблата, добавил, — Люди вели себя достойно.

Потом с тяжелым вздохом положил часы обратно в карман, посмотрел на грот-мачту, укрепленную запасными балками кабестана (кто-то

заметил, что если остатки паруса марсея упадут на правый борт, то „Antilla” будет вынуждена прекратить огонь по трехпалубному англичанину, иначе парусина воспламенится, и огонь перекинется на палубу), и вопросительно взглянул на первого боцмана Кампано. Тот беззвучно покрутил головой, и его молчаливый ответ был понятен всем присутствующим, включая Маррахо: „Нам отсюда не выбраться.”

— Гарлопа!

— Я к Вашим услугам, дон Рикардо!

— Сколько воды в трюме?

— Чуть выше колена.

— Сколько еще продержимся на плаву?

— В зависимости от обстоятельств...
Удовлетворите мое любопытство — сколько нам нужно продержаться?

— Хотя бы четверть часа.

Находившиеся рядом люди напряженно слушали их разговор. Маррахо тоже понимал смысл

происходящего: Маке и первый плотник обсуждали, сколько они еще смогут выстоять, чтобы никто не заподозрил только что принявшего на себя командование „Antilla” лейтенанта в поспешной сдаче корабля противнику, и при этом не погубить находившихся в трюме двести раненых. И пока Маррахо, сбитый с толку этими расчетами (никогда за всю свою сухопутную жизнь он не задумывался, что вопрос: сражаться экипажу или сдаться на милость врагу, зависит от этих пятнадцати минут), представлял себе такое число убитых и раненых, первый плотник стянул с головы шерстяную шапку и задумчиво почесал свою макушку. Наконец он изрек:

— Затычки в пробоинах заколочены досками, и с ними нет проблем. Помпы работают как положено (хотя двум из них англичане погнули поршни, но это не беда). Ребята в льяле возятся в нечистотах и стараются, не щадя себя. Но если мистеры продолжают бить вдоль поверхности воды, то я ни за что не ручаюсь.

— Что ж, ты объяснился. Теперь ступай вниз и делай все, от тебя зависящее.

— Слушаюсь, дон Рикардо.

Гарлопа исчез в люке, оставив лейтенанта в задумчивости. А в это время под их ногами продолжали грохотать пушки первой и второй батарей. Маррахо услышал, как дон Рикардо тихо, но внятно произнес: „ Мой долг.” Потом обернулся к счетоводу:

— Мерино!

— К Вашим услугам, дон Рикардо!

— Ступайте на вторую батарею и передайте сеньору Грандаю, чтобы он поднялся на капитанский мостик... А Вы, Фалко, спуститесь в каюту капитана, соберите опечатанные пакеты, книги с шифрами и секретными сигналами, положите их в парусиновую сумку, к ней привяжите какой-нибудь металлический прут и выбросьте все это за борт.

— Слушаюсь.

Пригибаясь за обломками, гардемарин бросился выполнять приказ, а дон Рикардо Маке вновь посмотрел на солнце, потом на грот-мачту (которая, чудесным образом, все еще держалась) и, высунувшись Из-за разбитого планшира, изучил сражающегося с ними по правому борту

англичанина. В это время из люка на палубе юта показалась голова Хорхе Грандая, последнего, не считая дона Рикардо Маке, уцелевшего морского офицера на борту „Antilla”. Он был крайне измотан, весь грязный, с непокрытой головой и глубокой царапиной на лице. Грандай отряхнул свой китель с единственным сохранившимся на правом плече эполетом, осмотрелся вокруг и поспешил к командиру.

— Я принял командование, — без лишних слов сказал дон Рикардо.

Грандай молча кивнул.

— Как тебе обстановка?

— Впечатляет.

— Было сделано все возможное и невозможное.

— Более чем.

Дон Рикардо на мгновение умолк.

— Люди старались, как могли, — вымолвил он задумчиво.

— Не подвели, — подтвердил Грандай.

— Ты согласен сдать корабль?

Одновременно с этими словами в воздухе раздался гул „раака”, и все вокруг заполнилось жужжащими железными болванками „бум, бум, клак, клак”, — это еще один английский залп (в этот раз не картечью, а полновесными ядрами) попал в правый борт „ Antilla”. Разлетевшиеся во все стороны осколки и рушащийся сверху такелаж заставили всех, включая Грандая, пригнуться. И только лейтенант Маке, поглощенный своими размышлениями, продолжал заворуженно смотреть на грот-мачту. В таком состоянии его нашел вернувшийся гардемарин Фалко.

— Ваш приказ, дон Рикардо, выполнен. Пакеты и документы утоплены.

Офицер молчал. Он внимательно рассматривал мачту, будто на ней чего-то не доставало.

— Знамя, — вдруг произнес лейтенант.

Маррахо вместе со всеми в замешательстве уставился наверх. Спустя мгновение до него дошло,

что подбитая вражеским залпом бизань мачта при падении перебила фал, на котором на грот-мачте крепилось испанское знамя, и теперь красно-желтое полотнище валялось на палубе у её основания.

— Еще четверть часа, — пробормотал сам себе офицер.

Лейтенант Грандай какое то время колебался, желая что-то сказать, но потом передумал, отдал честь и удалился на свою батарею, скрывшись в люке на юте. Дон Рикардо Маке вновь пристально уставился на гардемарина Фалко, и Маррахо увидел, как перемазанное бледное лицо юноши вдруг переменялось, покраснело, и тот кивнул головой. „Не может быть, — подумал Маррахо. — Не верится, что за пятнадцать проклятых минут и кусок тряпки, дон Рикардо пошлет пацана на верную смерть. Если ему это так нужно, то шел бы сам. Или послал этого, с одним эполетом. Его и всех остальных, забросивших нас сюда и зря поубивавших столько людей, чтобы потом, подобно Понтию Пилату, умыть руки. Мало они нашей крови выпустили? А что будет с матерью этого парня? И не все ли равно, будет сейчас поднято

знамя или нет, наши орудия бьют по этим собакам, а они, в свою очередь, продолжают дубасить нас.”

И пока в душе Маррахо замешательство боролось с чувством негодования, гардемарин перекрестился и, сцепив зубы и пригибая голову, помчался во всю прыть в направлении грот-мачты, перепрыгивая через обломки и прочие препятствия. Он несся с решительностью акулы. В жизни случаются совершенно невероятные вещи, и в следующий момент Маррахо, ни секунды не раздумывая, подталкиваемый каким-то удивительным импульсом, вдруг потрясшим его от макушки и до пят, поднял голову к небу и, мысленно послав ко всем чертям дона Рикардо Маке, да и самого Бога, вскочил на ноги и кинулся следом за мальчишкой, не отдавая себе ясного отчета, зачем он это делает. Может быть, потому что ему нестерпимо больно было видеть одинокую фигуру гардемарина, бегущего по безлюдной разбитой палубе за этим проклятым цветастым знаменем.

„Что за блажь толкает меня? — думал Маррахо, задыхаясь и чувствуя, как горят его легкие, — Что так раззадоривает и возбуждает меня, словно

охмелевшего упрямого придурка? Может быть, это резвится неугомонный дух жеребца, который помог моей мамаше произвести меня на свет божий, и это он вселился в мои ноги, бросившиеся в погоне за этим парнем? Поглядим, сколько продержится моя шкура, прежде чем ядро или осколок оторвет мне руку или снесет голову. А, быть может, это будет одна из тех мушкетных пуль, что, будто град, барабанят кругом и вонзаются в мачту и палубу, горя желанием найти меня, чтобы размозжить мои дурацкие мозги и выпустить из меня дух. Посмотрим, посмотрим, какой выпадет мне жребий: Злосчастье, Свадьба, Барыш. Смерть. Словно какая-то барабулька, я не знаю своего будущего. Разве что кто-нибудь придет и остановит это бузумие.”

Сам он, разумеется, не произнес этих слов, вместо них в его ушах звучал хруст рушащихся деревянных обломков да грохот пушек „рааака, пумба, пумба.” Так, притаившись у основания мачты, слыша как со всех сторон свистят пули и осколки, стоя на коленях на разбитых палубных досках, содрогающихся при каждом новом залпе („Меня

хотят напичкать свинцом, будто дракона из Хаэна³³», — представлялось ему), Николас Маррахо дрожащими от напряжения руками помогал гардемарину Фалко срастить концы фала. Теперь ему удалось разглядеть знамя (никогда прежде он не видел его так близко), на полотнище была изображена корона, слева от нее крепость, а справа, стоящий на задних лапах лев с высунутым из пасти языком. „Такой же запыхавшийся, как и мы,“ — подумал он. Но сейчас, потому что флаг никак не удавалось поднять, а их задницы служили отличной мишенью, эти крепость и корона могли стоять им жизни. Фал соскочил с блока на верхнем марсе, и ничего нельзя было с этим поделать. Знамя оставалось лежать распластанным внизу, подобно оставшейся без флота Испании. Фалко и Маррахо какое-то время с сомнением глядели на него. Потом Маррахо произнес:

---

³³ Легенда гласит, что дракону, обитавшему в окрестностях города Хаэна в северной Андалусии, местные жители каждый год приносили в жертву красивую девушку. Теперь, в честь победы над драконом, в городе стоит скульптура Дракон Магдалина.

— Уходим, адмирал.

Но юноша попался упрямый. Он отрицательно покрутил черной от пороха и блестящей от пота головой и поглядел наверх на напряженные бакштаги, протянутые от планшира правого борта до марса, на их все еще неповреждённые выбленки, способные быть хорошей опорой для ног.

— Знамя, — тихо вымолвил он.

— Что тебе взбрело в голову, чудака? — начал было говорить Маррахо, но, прежде чем он успел закончить свою фразу, Фалко схватил флаг, привязал его к ремню, вскочил на ноги и взобрался на планшир с внешней стороны проломленного борта.

Черт возьми! Не отдавая себе отчета в своих действиях, Маррахо рванулся за ним. Вцепившись в полу камзола, он хотел остановить мальчишку, и в этот момент оба, как обнаружившие себя на лугу зайцы, они оказались великолепной мишенью для притаившихся на марсе трехпалубного англичанина стрелков, и те, потеряв от нетерпения руки, принялись палить по ним из мушкетов „крак, крак, пам, пам, пам”, а свинцовые шмели зажужжали со

всех сторон, ударяясь о планшир и разбитые палубные доски.

Но разгоряченный гардемарин не поддался и попытался вырваться, он ступил на выбленки одной ногой, потом другой, взобрался еще выше, и тут его настигла пуля, она вонзилась в ногу и с хрустом перебила кость (можно было подумать, что с треском переломился сук дерева). Фалко издал глухой стон и начал падать на спину. Маррахо в отчаянии бросился к нему и, слава Богу, успел оттащить юношу на палубу, прежде чем тот свалился в море.

Случившееся взбесило Маррахо, приведя его в полоумное состояние. Ненависть буквально душила его. И пока Фалко полз по палубе, оставляя за собой кровавый след, одновременно разрывая свою рубашку на лоскуты, чтобы сделать из них жгут на бедре и попытаться остановить кровотечение, Маррахо наклонился над ним, вытащил из-за пояса гардемарина знамя, встал во весь рост и, взобравшись по разбитым доскам планшира и уже не беспокоясь за свои яйца, уселся на внешнюю обшивку корпуса, потом расправил флаг и

демонстративно помахал им в направлении трехпалубного англичанина.

— Сукины дети, выродки и ублюдки, — взвыл он с такой силой, что, казалось, сейчас разорвутся жилы на его шее, — Perroshijosdelagrandisimaruta... Вы понимаете, что я вам говорю?... Casaconesjodiosporculo³⁴... Это вам понятно?

Охрипший и оглохший от своего же крика, слышащий лишь треск выстрелов, глухое уханье залпов и свист ищущих его сердце пуль „зиаанг, зиаанг”, Николас Маррахо Санчес, этот уроженец рыбацкого поселка Барбате, сын безумной мамыши, никогда не имевший ни работы, ни профессии, а умевший лишь заниматься контрабандой и сутенерством, плут и пройдоха, отброс Испании, насильно забранный рекрутским пикетом на военный корабль прямо из-за стола таверны „Падшая курочка”, обернул вокруг талии красно-желтый флаг и, как мог, начал взбираться по бакштагам вверх, спотыкаясь и подскальзываясь при качке и лишь чудом удерживаясь от падения. Все англичане,

---

³⁴ Нецензурная ругань на исп. языке.

которых черт занес сюда, целились в него и стреляли из всех своих ружей „пам, пам, пам”, а он, не взирая ни на что, среди тучи пролетающих с жужжанием свинцовых пуль ”зиаанг, зиаанг”, продолжал карабкаться все выше и выше, переставляя то одну ногу, то другую, хватаясь то одной рукой, то другой, дыхание его обрывалось, легкие горели, как обожженное пламенем мясо, глаза от напряжения вылезли из орбит, во весь голос он сыпал ругательства и проклятия всему, находящемуся на небе и на земле. Он не смотрел ни вниз, ни на море, ни на пейзаж с разоренными кораблями, ни на трехпалубный английский парусник, чьи стрелки, пораженные видом этой одинокой фигуры, упрямо взбирающейся на мачту гибнущего судна со знаменем, закрепленным на поясе, мало-помалу прекращали стрельбу и наблюдали за ним, пока некоторые не начали воодушевлять его сперва насмешливыми, а потом восхищенными криками, и вскоре ружейные выстрелы утихли вовсе. И когда, наконец, Маррахо пролез через люк и взобрался на верхний марс и там, как мог, трясущимися от напряжения руками, когтями и зубами привязал знамя и расправил его на ветру (проклятого льва с

высунутым из пасти языком), с английского линкора донесся рев врагов, выражающих ему свое восхищение.

Эпилог

Рапорт капитан-лейтенанта Императорского военно-морского флота Франции командира яхты „Incertain” Луиса Келенеца главнокомандующему союзной эскадры.

Кадиз, 3 брюмера³⁵ (25 октября)

Получив 23 числа сего месяца (1 брюмера) приказ поднять паруса и совместно с шестью испанскими и французскими боевыми кораблями выйти из бухты Кадиза для оказания посильной помощи кораблям нашей эскадры, пострадавшим во время сражения и разразившегося той же ночью шторма с преобладающим юго-западным ветром, продолжавшимся также на следующий день, и

---

³⁵ Брюмер — второй месяц календаря французской республики, отсчет лет начинался с 22 сентября 1792 года, даты провозглашения республики

отзываясь на раздающиеся вблизи берега залпы, призывающие на помощь, моя яхта при первой же возможности вышла в море при попутном слабом ветре южного направления, сильном морском волнении, затянутом тучами небе и угрозе ливня. Обследовав акваторию от бухты Кадиза до мыса Трафальгар, я обнаружил несколько парусов, принадлежащих англичанам. Они следовали в сторону Гибралтара, ведя на буксире как свои, так и захваченные ими в сражении корабли. Нам удалось отбить у англичан испанские корабли „Santa Ana” и „Neptuno”, после чего плененные экипажи этих судов вновь завладели своими кораблями. Мы выяснили, что неприятель буксирует в направлении Гибралтара испанцев „Bahama”, „SanIldefonso”, „San Juan Nepomuceno”, „San Agustin”, и „Argonauta”, которые сильно пострадали в сражении и едва держались на плаву.

В ночь на 23 число окрепший ветер юго-западного направления превратился в шторм, небо полностью затянуло тучами, и начался ливень. По этой причине я положил свою яхту в дрейф в виду мыса Трафальгар вдали от наших основных сил, стараясь держаться дальше от мелководья. С

рассветом 24 числа я приблизился к берегу, продолжая обследовать акваторию на севере, и испытал шок при виде пляжа, полного обломков, корабельного имущества и выброшенных морем трупов. Шторм прибил к берегу большое количество кораблей с разбитыми корпусами и с полным отсутствием мачт. Видимо, неприятель, захвативший их в сражении, был вынужден обрубить буксировочные канаты по причине шторма или поднятого пленными экипажами восстания. На подходе к Кадизу были опознаны французские корабли „Vucentaure” и „Aigle”, в море напротив Санти-Петри был обнаружен „Fougeuex” и рядом с ним неопознанный нами восьмидесятичетырехпушечный английский линкор с многочисленным экипажем на борту. Также опознаны „Indomptable” и рядом с ним английский линкор „Rota”, и подожженный противником „Berwick” рядом с английским линкором „Sanlucar”. Тут же находился опрокинувшийся на левый борт испанец „Monarca”, покинутый англичанами. При этом многие англичане оказались запертыми внутри его трюма, так как Из-за шторма им не удалось оттуда выбраться. Еще два испанских корабля,

опознанные как „Neptuno” и „Francisco de Asis”, обнаружены безжизненными напротив Санта Калина, а захваченный англичанами "Rayo" обнаружен напротив Санлукар в очень плохом состоянии. Рыбаки из Роты утверждают, что спасли после шторма много людей, а местные крестьяне приютили потерпевших кораблекрушение испанцев, французов и англичан. Пройдя курсом на северо-восток, я обнаружил и опознал гигантский обломок корпуса „Santisima Trinidad”. Буксируемый английским линкором (все его офицеры были ранены или убиты), он в конце концов затонул из-за тяжелых повреждений, полученных им в сражении. При этом находившиеся на его борту раненые не смогли спастись Из-за их беспомощного состояния. Та же беда случилась с „Antilla”, о судьбе которой стало известно на рассвете вчерашнего дня. Дрейфуя в четверти лиги на северо-востоке от мыса Трафальгар мы встретили наполовину затонувшую шлюпку с двумя выжившими членами экипажа „Antilla”. По их словам „Antilla” была захвачена англичанами в последние моменты сражения 21 числа. При буксировке английским линкором „Spartiate” в Гибралтар, потерявшая в сражении все мачты и

сильно пострадавшая во время шторма „Antilla” пошла ко дну в ночь на 22 число вместе с большим количеством раненых, включая капитана, который по причине его тяжелого состояния не мог быть эвакуирован на английский борт вместе с другими пленными. Двое спасенных нами испанца направлялись в сторону Кадиза. Это был раненный в ногу гардемарин и сопровождавший его матрос.